

**Национальная Академия Наук Азербайджана
Институт Языкознания имени Насими**

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА

**ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС
И СЕМАНТИКА ПРИЧАСТИЙ В
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

**GRAMMATICAL STATUS
AND SEMANTICS OF PARTICIPLES IN THE
TURKIC LANGUAGES**

**Издательство «Шуша»
Баку-2017**

*Монография печатается по решению Ученого Совета
(протокол № 5 от 27.05.2015) Института Языкознания
им. Насими Национальной Академии
Наук Азербайджана*

Научный редактор: **Тофиг Гаджиев**
академик

Рецензенты: **Севи́ль Мехдиева**
*доктор филологических наук,
профессор*
Исмаил Казымов
*доктор филологических наук,
профессор*

Айнель Энвер кызы Мешадиева. *Грамматический статус и семантика причастий в тюркских языках. Издательство «Шуша», Баку-2017, 236 с.*

В монографии впервые рассматривается грамматический статус причастий, проводится системный, сравнительно-исторический анализ их морфолого-синтаксических функций, а также выявляются их сходные и дифференциальные признаки, различные фонетические варианты в современных тюркских языках и их диалектах. К исследованию также привлечены материалы древнетюркских письменных памятников. Монография предназначена для научных сотрудников, филологов-тюркологов и востоковедов.

А 051 – (Л - 041)
051-031 (2017)

E-mail: aynel.meshadiyeva@mail.ru
©Айнель Мешадиева, 2017

Издательство «Шуша» 2017

РЕЦЕНЗИЯ

Несмотря на то, что изучение причастий тюркских языков имеет определенную историю, данный раздел тюркского языкознания до сих пор остается малоизученным. Это позволяет констатировать, что выбор данной темы весьма важен и оправдан. В результате исследования на материале языка письменных памятников древнетюркского языка, современных тюркских языков и их диалектов А.Э.Мешадиева восполнила недостающие звенья в историческом развитии тюркских языков.

Сравнительно-исторический анализ состава причастий дает возможность по-новому взглянуть на происхождение и формирование категории неличных форм глагола.

Структура монографии А.Э. Мешадиевой логически соответствует развитию ее основной идеи – определить грамматический статус и семантику причастий в современных тюркских языках.

В монографии весьма удачны заголовки глав, ясно отражающие содержание каждого из них.

Монография А.Э.Мешадиевой «*Грамматический статус и семантика причастий в тюркских языках*» состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении А.Э.Мешадиева постулирует теоретические основы исследования.

Во введении автор обосновывает актуальность темы, указываются источники, формулированы цели и задачи исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимости работы. Здесь также подробно освещается история изучения причастных форм в современных тюркских языках и их диалектах.

Автор выясняет и анализирует различные точки зрения по данному вопросу.

Особенностью монографии являются ценные теоретические обобщения по формированию и развитию причастных форм в тюркских языках.

В монографии введены в научный оборот фактический материал тюркских языков и их диалектов. Критически обобщены теоретические труды по тюркским причастным формам. Автор приводит новые сведения и аргументы для интерпретации проблемы грамматического статуса тюркских языков.

А.Э.Мешадиева исследует многие вопросы формирования причастий тюркских языков с использованием сравнительно-исторического и этимологического методов, что дало ей возможность провести тщательный анализ фонетических, морфолого-семантических и синтаксических особенностей причастий в современных тюркских языках и их диалектах.

Необходимо особо отметить, что автор дала подробный ответ на поставленные в монографии вопросы.

В первой главе монографии под названием «*Грамматический статус причастий в тюркском языкознании*» определяется грамматический статус причастий в тюркских языках. Сложный процесс становления причастий обусловил не только противоречивость их системных характеристик, но и их различную интерпретацию.

В данной главе приводится терминологическая характеристика причастных форм тюркских языков.

Известный интерес представляет вторая глава монографии именуемая «*Структурно-семантические и морфолого-синтаксические особенности причастий в современных тюркских языках и их диалектах*».

В этой главе анализируются структурно-семантические и морфолого-синтаксические особенности причастий в современных тюркских языках и их диалектах.

Необходимо отметить, что выявление сходных и отличительных морфолого-синтаксических особенностей причастных форм является одним из сложных вопросов грамматики тюркских языков. Это, на наш взгляд, объясняется исключительным разнообразием морфологического строя тюркских языков. Нам представляется, что автор монографии успешно справилась с поставленной задачей.

Данная глава монографии отличается как насыщенностью фактического материала и аргументированностью, так и прочной теоретической и методической базой.

В целом знакомство со второй главой монографии позволяет сделать вывод о том, что автор детально изучила этимологию причастных аффиксов в тюркских языках.

Здесь автор также наглядно показывает ареал распространённости причастных форм в тюркских языках.

В третьей главе под названием *«Нестандартные причастные формы в современных тюркских языках и их диалектах»* проводится сравнительно-исторический анализ нестандартных причастных форм в современных тюркских языках и их диалектах.

Помимо этого, в данной главе исследованы причастные формы древнетюркского языка и их эквиваленты в современных тюркских языках.

Рассмотрев третью главу, можно прийти к умозаключению, что А.Э.Мешадиевой присущи исключительная наблюдательность, широкий кругозор и способность к проникновению в сущность языковых фактов.

А.Э. Мешадиева приводит сходные и отличительные морфологические, фонетические и синтаксические особенности причастий в современных тюркских языках и их диалектах.

Диалекты и говоры тюркских языков содержат в себе довольно много специфических особенностей, восходящих к ранним этапам развития данных языков. В диалектах также сохранились реликты древнетюркских причастных форм.

Изучение причастных форм в диалектах и говорах тюркских языков является основным принципом для составления учебных пособий по сравнительной диалектологии современных тюркских языков.

Фактический языковой материал диалектов тюркских языков представляется одним из ценных источников для сравнительно-исторических исследований.

В связи с этим, монография А.Э.Мешадиевой является также ценным вкладом в тюркскую диалектологию.

Учитывая последние данные тюркского языкознания, автор детально описывает воззрения исследователей на спорные вопросы происхождения и развития причастий в тюркских языках. Наряду с этим, она весьма обоснованно высказывает свое мнение по исследуемой проблеме.

Прекрасно владея предметом исследования, А.Э. Мешадиева дает критическую оценку воззрениям предшествовавших тюркологов и приводит свои гипотезы относительно происхождения причастных форм в современных тюркских языках.

А.Э. Мешадиевой удалось успешно решить комплекс проблем, связанных с происхождением тюркских причастных форм и их грамматического статуса.

Тщательно сформулированные выводы дают в целом теоретически обоснованное обобщение всего монографического исследования.

Одной из положительных сторон монографического исследования является то, что оно характеризуется

новоаспектностью и может служить наглядным образцом для проведения подобных научных изысканий на материале современных тюркских языков и их диалектов.

А.Э.Мешадиева обнаружила отличные знания не только по конкретным вопросам темы, но и в общетеоретическом аспекте. Обращает на себя внимание богатство и разнообразие фактического материала.

Научно обоснованные выводы А.Э.Мешадиевой займут соответствующее место в грамматиках, учебных пособиях современных тюркских языков.

Рецензируемую монографию следует признать как решение одной из актуальнейших проблем тюркского языкознания.

Монография А.Э.Мешадиевой «*Грамматический статус и семантика причастий в тюркских языках*» является первым в тюркском языкознании всеобъемлющим исследованием причастий в тюркских языках в сравнительно-историческом аспекте.

Севи́ль Ме́хдиева,
доктор филологических наук,
профессор

ВВЕДЕНИЕ

Изучение причастий в тюркских языках началось в 50-е годы прошлого столетия. На протяжении этого времени тюркологами были исследованы основные морфологические особенности, синтаксическая структура причастий, проведена классификация, выявлена этимология большинства причастных форм современных тюркских языков.

В данное время наиболее актуальными и насущными проблемами категории причастий в современных тюркских языках являются: сравнительно-историческое и сопоставительное изучение системы причастий родственных и неродственных языков; роль причастий тюркских языков в развитии синтаксического строя литературного языка в целом, его морфолого-семантические связи с другими инфинитными глагольными образованиями в синхронном и диахроническом аспектах.

Несмотря на это тюркологи до сих пор не разработали единый подход к изучению грамматических особенностей причастий в тюркских языках. По всей видимости, это обусловлено использованием различных подходов при интерпретации функционально-семантических признаков и специфики причастных форм в тюркских языках. Вместе с тем, научная непроработанность основных идей и концепций синтаксиса в общем языкознании также является причиной противоречивой трактовки кондиционных явлений в родственных языках.

Причастия в современных тюркских языках, преимущественно, исследуются в следующих направлениях: при изучении модальных и временных форм, наклонения глагола; при исследовании происхождения спорадических

глагольных и причастных форм; при изучении синтаксиса, особенно, при анализе сложного предложения.

Причастие – является сложным образованием, так как в нём, по словам В. В. Виноградова, столкнулись «две стихии» – прилагательного и глагола.

Благодаря своей двойственности, причастие является довольно гибкой формой с точки зрения синтаксического строя языка.

Уникальность причастных форм в тюркских языках заключается в том, что они могут принимать аффиксы лица, падежей и принадлежности имен, а также в предложении занимают синтаксическую позицию определения.

Причастие за столетия лингвистических исследований рассматривалось в качестве части системы имени прилагательного (А. Востоков), самостоятельной части речи (В.А. Богородицкий), части глагола. Но, несмотря на все существующие определения причастия, неизменным остается лишь то, что оно обладает признаками глагола и имени прилагательного.

В результате лингвистических изысканий установлена сущность причастия, которая способствует развитию процесса словообразования и словоизменения глагола.

В тюркологии причастия трактовались в качестве предикативных образований с временно-модальным значением, обозначающие действие, состояние и которые могут выступать в роли определения и сказуемого зависимого предложения.

Тюркские причастия характеризуются богатым разнообразием функционально-семантических признаков и специфических категориальных характеристик.

По всей видимости, причастие в тюркских языках с диахронической точки зрения имело предикативную

функцию. В синхроническом аспекте оно является единством предмета и его действия.

Причастия, как одна из сложных функциональных форм глагола, всегда привлекают к себе внимание лингвистов.

В тюркском языкознании причастия стали предметом многочисленных исследований ученых на материале узбекского, туркменского, башкирского, хакасского, алтайского, киргизского, караимского, уйгурского, тофаларского, казахского, крымско-татарского, шорского, якутского, азербайджанского, турецкого, гагаузского, кумыкского, татарского, чувашского языков.

В тюркском языкознании изучению причастий в отдельности посвящено много исследовательских работ и разделы в грамматиках тюркских языков. Так, причастие рассматривалось в трудах А.Н. Кононова [99, 100, 101, 102,], А.А. Ахундова [224], В.И. Асланова [225, 226, 227], Т.И. Гаджиева [238], Г.Ш. Казымова [242], И.Б. Казымова [241], А.М. Джавадова [229], А.В. Танрыверди [261], Б.А. Халилова [239], Р.А. Рустамова [257], С.А. Абдуллаевой [223], В.Г. Алиева [234, 235], Б.А. Серебренникова [172, 173], Л.А. Покровской [149, 150], Л.Н. Харитоновой [205], А.М. Щербака [216, 217, 218, 219], Д.М. Насилова [144, 145], П.И. Кузнецова [109], В.Г. Гузева [51], Д.Г. Тумашевой [188], И.А. Андреева [10], Н.А. Баскакова [23, 25, 26, 27, 28], Р.И. Байсуриной [15, 16, 17, 18, 19, 20, 21], М.З. Жамьяновой [74, 75, 76, 77], Л.А. Шаминой [209, 210], Г.Г. Филиппова [194, 195, 196, 197, 198, 199], А.Ф. Гайнутдиновой [41], М.Э. Дубровиной [58, 59, 60], Р. Андерхил [9, 306], Ф.Ю. Юсупова [220, 309, 310], М.И. Черемисиной [208], Т.П. Филистовича [200], В.Г. Кондратьева [96, 97, 98], Дж.М. Хангишиева [203], С.Н. Абдуллаева [1], Н.И. Поповой [152, 153, 154, 155, 156, 157, 158], А.Ю.

Исмагиловой [83, 84, 85, 86, 87, 88], У.Б.Алиева [7, 8], М.З. Вагаповой [34], Х.М. Есенова [67], А.В. Есиповой [68, 69, 70, 71, 72], С.Н.Иванова [80, 81], В.Г. Кулиева [111], К.М. Мелиева [118], А.Э. Мешадиевой [120, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 245, 323, 324, 325, 326], Г.И. Мирзоева [134, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254], С.Ж. Мусаева [139], Ш.Ч. Сата [167], Л.П. Сергеевой [169, 170], А. Троянского [187], Х.Г. Юсупова [221], А.З. Абдуллаева [222], З.И. Будаговой [228], А.Д. Абилова [232, 233], Дж. Ибрагимова [79], А.А. Гулиева [243], Т. Рустамовой [258, 259], А. Акара [262, 263], Й.Й. Авджи [265, 266], В. Джошкуна [270], Г. Догана [271], М.Эрдема [276], А.В. Габен [278, 279, 321], М. Гюльтекин [281], М. Гювен [283], А. Калиева [285], А.Р. Карабекоглу [286], Ф. Карабулута [287, 288], А. Карадогана [289, 290], Х. Кораша [292], З. Коркмаз [293, 294, 295], К. Садыбекова [296], Х. Саврана [297], О.Ф. Серткая [298], М. Танча [299], Ф. Текина [300, 301], Ш. Текина [302], Дж. Тургунбаева [305], Дж. Тургунбаера [304], С. Толкуна [303], А. Устунера [308], Б.Юджеля [311], З. Юкселя [312], Х. Зюльф리카ра [313], Дж. Ханкхамера [322], П. Азымова [333], М. Аскаровой [334], А.Н. Батырмурзаева [335], М.А. Везирова [35], Р. Жуманиёзова [336], Г. Ибрагимова [337], а также в труде «Туркмен дили диалектлеринин очерки» 1970 [338] и др.

Причастные формы были объектами исследования многих кандидатских и докторских диссертаций: М.А. Матжановой [115], А.А. Аймурзаевой [4], Д.М. Мухтарова [140], Э.Д. Саидовой [165], Дж. Ибрагимова [78], А.С. Абилова [2], В.Г. Алиева [5, 6], Ж. Болатова [31], А.Ю. Гиниятуллиной [43], Г. Ергалиева [66], А.В. Есиповой [73], Ш. Каримова [92], А.М. Мизиева [132], Г.И. Мирзоева [134], С.Ж. Мусаева [138], Д.С. Насырова [146],

Ш.Ч. Сата [168], Ф.М. Хисамовой [206], А. Устунера [307] и др.

Тюркологами высказывались различные мнения о происхождении причастных форм в тюркских языках. Так, некоторые исследователи причисляют причастия к разряду отглагольных имен, полагая, что они утратили значение глагола и превратились в имена существительные и прилагательные. Другими же тюркологами причастия причисляются к глаголу, предполагая, что они являются одними из производных форм глагола.

В тюркологической литературе существует немало работ, посвященных детальному изучению причастий в отдельных тюркских языках.

Так, например, причастия чувашского языка исследованы И.А. Андреевым, Ж. Болатов посвятил свои исследования причастным формам в казахском языке, В. Алиев – причастиям азербайджанского языка, Г.Г. Филиппов - причастиям якутского языка, Д.С. Насыров - причастиям каракалпакского языка, Т. Гузычиев – причастиям туркменского языка, Дж. Мухтаров – причастиям узбекского языка, В.Н. Тадыкин - причастиям алтайского языка и др.

Проблемы классификации и происхождения причастий в тюркских языках нашли свое отражение в трудах Н.А. Баскакова, Ф.Е. Корша, А.Н. Кононова, Е.И. Убрятовой.

Причастие также оказывает значительное воздействие на синтаксический строй современных тюркских языков.

Относительно синтаксических функций причастных форм в тюркских языках следует отметить, что они занимают одно из господствующих положений в строе сложных предложений. Так, синтаксису тюркских языков по-

священы фундаментальные труды таких лингвистов, как Н.З. Гаджиева, А.П. Поцелуевский, Е.И. Убрятова, В.Г. Гузев и др. Исследования синтаксических функций причастий в тюркских языках нашли свое отражение в работах Л.А. Покровской, Ш. Сата и др.

Вопросы сложных предложений детально рассмотрены в трудах З.Х. Тагизаде [178], К. Сартбаева [166], У.Б. Алиева [8] и др.

Необходимо отметить, что языки являются сложными целостными системами, и их сравнение без последовательного изучения конкретных языковых элементов представляет большие трудности. По этой причине очень важно сопоставлять и сравнивать отдельные элементы и грамматические формы этих языков.

Так, подробное сравнительное, сравнительно-историческое исследование состава, значений и функций причастий в данных языках позволит выявить как их сходные, так и отличительные особенности.

Вместе с тем, некоторые причастные формы в современных тюркских языках до сих пор не подверглись подробному системному и сравнительно-историческому анализу.

Несмотря на то, что в научных грамматиках тюркских языков причастия исследовались в различных аспектах, функционально-семантические, а также морфологосинтаксические свойства некоторых причастий в современных тюркских языках не получили достаточного освещения.

Цель монографии является представление системной и интерпретационной картины причастий в современных тюркских языках и их диалектах, которые неоднократно рассматривались в качестве самостоятельной части речи,

прилагательного, особой формы глагола, а также глагольно-именной формы.

Для того, чтобы система причастия и его категориальный статус утвердился в тюркских языках, необходимо обосновать собственную концепцию относительно их грамматической классификации. Глубокий и противоречивый процесс формирования системы тюркских причастий predetermined не только непоследовательность их системных свойств, но и разноаспектный подход к ним.

Причастие в качестве самостоятельной части речи рассматривалось еще во времена составления античных грамматик, и в частности термин «причастие» был введен родоначальниками школы стоиков.

Учеными Александрийской школы (Дионисием фракийским, Варроном, Аристархом самофракийским и др.) причастия рассматривались в качестве особой части речи. Данная систематика легла в основу последующих европейских систематик.

Один из основателей сравнительно-исторического языкознания А.Х.Востоков причислял причастия к именам прилагательным [37]. Так, впервые в русском языкознании причастие рассматривалось как самостоятельная часть речи. Подобно А.Х.Востокову, М.В.Ломоносов также относил причастие к числу самостоятельной части речи.

Однако в лингвистике бытовало мнение о двойственной природе причастий. Так, В.А.Богородицкий одним из первых отметил переходное положение причастия [30].

Лишь в научных трудах II-ой половины XIX-го века и в начале XX-го века получила распространение точка зрения, согласно которой причастие обладает свой-

ствами глагола и прилагательного. Грамматический статус переходных частей речи стал предметом дискуссий в XIX веке.

Проблема определения статуса гибридных частей речи рассматривалась также В.В.Виноградовым.

По-мнению В.В.Виноградова, причастия – это «поток форм», который идет непосредственно от глагола и внедряется в систему прилагательных. В.В.Виноградов характеризует причастие в качестве «гибридных форм-слов», которые состоят в смешанной глагольно-именной сфере и, «входя в систему форм глагольного слова, они в той или иной мере тяготеют к отрыву от него» [36, с. 78].

ГЛАВА I

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ПРИЧАСТИЙ В ТЮРКСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Частеречная проблема в различных языках мира является одной из наиболее спорных проблем современного языкознания. Данная проблема наиболее подробно исследована в трудах А.А. Шахматова [211], И.И. Мещанинова [131], Ф.Ф. Фортунатова [201], А. Х. Востокова [37], А.А. Потевни [159] и др.

Общеизвестно, что части речи классифицируются на основании морфологического (классификация Ф.Ф. Фортунатова), понятийного (классификация А.А. Шахматова), синтаксического (классификация И.И. Мещанинова, А.А. Потевни) принципов.

Известный интерес представляет высказывание И.И. Мещанинова относительно частеречной принадлежности причастия: «Близость причастий к прилагательным по их синтаксической функции, при наличии некоторых показателей, свойственных и глаголу, ставит их в языке на особую позицию среди остального лексического состава» [131, с.237].

Причастия, как отмечает И.И. Мещанинов, – «весьма древняя языковая форма, которая развивалась параллельно глагольной, а может быть, даже и предшествовала ей» [131, с.237].

В связи с этим, причастие весьма сложно рассматривать отглагольным образованием, однако несомненным является тот факт, что современное причастие претерпело видимые изменения, вследствие которых некоторые причастные формы можно причислить к производным глагольным образованиям.

Так, по-мнению И.И.Мещанинова причастие происходит из именной основы. Сходство причастия и некоторых глагольных свойств И.И.Мещанинов изъясняет тем, что причастие формировалось из именной предикативной формы, в то время как и глагол имеет несколько общих с ним признаков предикативности.

Из чего явствует, что и причастие, и глагол «являются позднейшей дифференциацией “именной” предикативной формы» [131, с.239].

С течением времени причастие с синтаксической точки зрения несколько уподобилось прилагательному, поскольку семантически передавало значение атрибутивности. Причастие рассматривается И.И. Мещаниновым в качестве самостоятельной части речи, поскольку оно отличается от имени существительного признаками прилагательного, а от имени прилагательного своими темпоральными и залоговыми формами. Причастия в отличие от прилагательных сохраняет в предложении как атрибутивную, так и предикативную функции.

Не менее дискуссионной является проблема частей речи, в частности, причастия в тюркологическом языкознании. В тюркологии вопрос о частях речи получил освещение в научных работах Н.А. Баскакова, А.К. Боровкова, И.А. Батманова, Н.Т. Сауранбаева, Э.В. Севортыяна, К.К. Сартбаева, Г.Д. Санжеева и др.

Как отмечает Н.А. Баскаков: «Проблема частей речи является одной из кардинальных и вместе с тем труднейших проблем языка. К ней, как в фокусе, концентрируются все сложнейшие вопросы отношения не только словарного состава языка (лексики) и грамматического строя (морфологии и синтаксиса), но и более общих категорий языка и мышления, содержания и формы, бытия и сознания» [24, с.147].

Причастные формы являются весьма употребительной грамматической категорией и обладают признаками глагола и имени. Продуктивные причастные формы образуются от любой глагольной основы и передают значение процесса действия и состояния.

В языкознании гибридные части речи – неличные формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие) имеют большое значение. Инфинитивные (неличные) формы глаголов являются собой результат транспозиционных переходов. В результате такого перехода семантика одной части речи отражается в другой. При этом принимается во внимание значение как исходной, так и результирующей категории слов. Слово именуется гибридным, поскольку его номинативная структура представляет собой сочетание двух различных категориальных основ.

Например, Л.Теньер, Ю.С. Маслов, В.Г. Гак, К. Бруннер трактуют причастие как вербоид сочетающий в себе признаки глагола и прилагательного и обозначающий действие как свойство предмета или лица [186, с.381; 114, с.164; 42, с.467; 32, с.405].

Принимая во внимание темпоральные, залоговые и видовые признаки причастия, Е.С. Кубрякова рассматривает причастия в качестве отглагольных производных [108].

Тот факт, что причастие в результате перехода из одной части речи в другую, сохраняет временное, видовое и залоговое значения, дает нам повод характеризовать причастие в качестве глагольных форм.

В тюркском языкознании причастные формы глагола исследованы достаточно подробно. Причастия представляют собой одну из важнейших морфологических категорий в грамматическом строе тюркских языков. В процессе исследований выявлены морфологические и

синтаксические признаки причастных форм, а также их семантика в отдельных тюркских языках.

Тюркские причастия по своим синтаксическим и морфологическим признакам очень специфичны. Их специфика определяется в основном агглютинативным строем тюркских языков. Вследствие влияния неродственных и родственных языков, исторических процессов, произошедших в тюркских языках, проявляются отличительные особенности в синтаксисе и морфологии этих языков. Этим и объясняется особенное развитие причастных форм современных тюркских языков.

Синтаксические функции частей речи обнаруживают при сравнении языков гораздо большее сходство, чем типы словообразования и формообразования. Все же ведущим и определяющим моментом является общее грамматическое значение. Остальные моменты, так или иначе, подчинены ему и должны рассматриваться как прямые или косвенные его проявления специфичные для каждого языка. Принцип общего грамматического значения и лежит в основе традиционной классификации частей речи. Только этот принцип не проведен в ней последовательно, не разграничены разные типы общих грамматических значений.

Таким образом, современное языкознание описывает систему частей речи по таким принципам, которые, будучи данными, охватывали бы все известные структурные типы языков.

Для определения сущности причастных форм тюркских языков, помимо данного объективного фактора, значимую роль играет и субъективный фактор. Так, как отмечает А.Н. Кононов, в современном турецком языке наличествует лишь одно причастие: «единственным при-

частием (неспрягаемая глагольная форма) является форма на *-(y)ан*, который восходит к аффиксу *-ган*» [100, с.251].

Некоторые исследователи одну и ту же причастную форму называли либо причастием, либо личным глаголом, либо именем действия.

Причастие обычно характеризуется морфологическими, семантическими и синтаксическими особенностями. Причастиям дается определение в зависимости от того, какой из вышеназванных свойств является наиболее значимым.

Тюркологическая литература не располагает конкретным научным определением причастия. В работах по тюркским языкам нет единства взглядов о причастиях. Разнобой по мнениям обуславливается различием первичных позиций самих ученых и особенностями причастий в тюркских языках.

В ранний период развития тюркских языков причастия рассматривались в качестве отглагольных имен с синкретичным значением, которые имели как значения имен существительных, так и причастий. Некоторые тюркологи отождествляли имя и глагол на раннем периоде развития тюркских языков [319, 20].

Другая группа ученых склонны считать причастия именно-глагольной формой, занимающей промежуточное положение между глаголами и прилагательными [65, с. 216] и могут функционировать в качестве любого члена предложения [81, с.11].

Проблема отождествления глагола с причастиями частично затрагивалась в работах К. Грёнбека, Ж. Дени, Н.А. Баскакова и др.

Как отмечает Н.А. Баскаков, «Глагол в туба диалекте, как и в литературном алтайском языке и в других тюркских языках, реализуется в речи в виде особых

функциональных форм: имени действия, причастия и деепричастия» [24, с.66, 47].

В терминологической характеристике причастных форм тюркских языков наблюдается их сопоставление с прилагательным (узб., башк., тат., каракалп., уйг., ног., азерб., тур.), с именем (туркм., казах., кирг., карач.-балк., якут.) и русским причастием (кумык., хакас., чув.) [190, с. 81].

Во всех определениях понятия причастия в тюркских языках особо выделяется его функция в качестве определения, поскольку это является основным его свойством. Употребление причастия в качестве сказуемого простого предложения одни исследователи признают и тогда, когда говорят об «употреблении причастия как прилагательного» [91, с.271], другие же - когда пишут, что «причастие обладает признаками прилагательного», но отрицают употребление причастия в качестве сказуемого и простого, и придаточного предложений [100, с.251; 192, с.210; 136, с.302 и др.], считая, что в предикативном употреблении это уже не причастие, а чистый глагол.

Несмотря на многофункциональность причастий в тюркских языках, некоторых из них, имеют только атрибутивное значение, к примеру, причастная форма на *-йасу* в древнеуйгурском языке [182, с.10], форма на *-мокчи* в узбекском [212, с.48], причастие на *-(у)ан* в турецком языке [100, с.251]. Тюркские причастия в основном передают атрибутивное и предикативное значение, например, формы на *-ар* и *-мыш* в турецком языке [100, с.251], форма на *-ааччы* в якутском [103, с.224]. Таким образом, самой основной синтаксической функцией причастий тюркских языков является их определительное (атрибутивное) употребление.

Временная семантика (временная, время-модальная и видовременная) является связующим элементом причастий тюркских языков. В термине «причастие» в общем языкознании закреплено временное значение. Так, как видим, основными функциями причастий в тюркских языках являются определительная и временная.

Глагольные признаки причастных форм доминируют над признаками прилагательного в семантическо-грамматическом аспекте.

Причастия тюркских языков обладает следующими свойствами глагола: 1) обозначает действие, 2) передает временное значение, 3) способны управлять падежами имени существительного, 4) имеет значение переходности и непереходности, 5) сохраняет значение залога, 6) употребляется в отрицательной форме.

Помимо этого, причастие в тюркских языках имеет также признаки прилагательного: 1) обозначает свойство и качество предмета, 2) выступает в качестве определения, 3) субстантивируется.

Причастия и прилагательные имеют следующие семантические отличия: прилагательные обозначают статический признак, который не изменяется, а причастия обладают динамическими особенностями в виде процесса и состояния. Несмотря на то, что прилагательные и причастия, имеют сходные синтактико-морфологические особенности (склонение, субстантивация, форма множественного числа), причастия, обладая динамической семантикой, видовременным, время-модальным значениями, чаще выступают в атрибутивном значении.

Относительно происхождения причастия в тюркских языках в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» имеет местоположение о том, что из-

начально от адъективных глагольных имен произошли причастия [176, с.445].

Отметим, что о происхождении от причастных форм глагола временных форм и наклонений писали Е.И. Убрятова [190, с.46-100], Н.А.Баскаков [23, с.205-217], И.В.Кормушин [104, с.10] и др.

Впоследствии некоторые языковеды пришли к выводу, что первоначально от объективных глагольных имен произошли причастия [176, с.445].

Тюркологическая литература располагает различными гипотезами относительно категориального статуса причастия. Некоторые исследователи рассматривают причастие в качестве (самостоятельной) неличной формы глагола, объединяющая в себе признаки глагола и прилагательного.

Как в тюркологии, так и в азербайджанском языкознании категориальный статус причастий был одним из спорных вопросов. Одни исследователи рассматривали причастие в качестве отдельной части речи, другие – в качестве групп слов, входящих в разряд глаголов и прилагательных. До 1960 года причастные формы отождествлялись с отглагольными прилагательными.

В азербайджанском языкознании вопрос о категориальном статусе причастий также был дискуссионным. В грамматиках 1938-1960 гг. причастие включалось в раздел прилагательного, в последующие же годы - в раздел глагола.

Языковеды, рассматривающие причастие в тюркских языках самостоятельной частью речи, обосновывают свою точку зрения тем, что причастие имеет морфологические особенности, лексическую семантику и выступает в качестве определения. На наш взгляд, эти особенности

невозможно считать достаточными для признания причастия самостоятельной частью речи.

Как видим, причастия в процессе многолетних грамматических исследований, рассматривались как: 1) часть системы имени прилагательного; 2) часть системы глагола; 3) самостоятельная часть речи.

Нам представляется, что выработать общую точку зрения на категориальный статус причастия очень сложно. По своей природе причастие является двоичным образованием.

Таким образом, неоспоримым является тот факт, что причастие обладает признаками как имени прилагательного, так и глагола.

Мы считаем, что невозможно рассмотреть все работы, посвящённые категориальному статусу причастия и прийти к новому умозаключению. В этой связи, мы можем всего лишь разделить ту или иную точку зрения относительно статуса причастий в тюркских языках.

Мы склоняемся к точке зрения, что причастие в тюркских языках не является самостоятельной частью речи.

Доказательством данной гипотезы, являются следующие особенности причастия:

- 1) Слова, входящие в состав той или иной самостоятельной части речи, имеют собственную частеречную семантику, и выступает в соответствующей функции; причастие же передает значение функции той части речи, в качестве которой оно используется в контексте.
- 2) Самостоятельные части речи образуются с помощью лексико-грамматических аффиксов, а причастия – функционально - грамматических аффиксов.
- 3) Самостоятельные части речи обладают собственными категориями и грамматическими значениями, в то время

как причастия передают категориально-грамматические значения глагола и прилагательного.

Помимо этого, общеизвестно, что каждая часть речи имеет определенный набор как семантических, так и грамматических признаков. Части речи, не имеющие четко выработанного состава признаков, никогда не будут определяться как самостоятельные.

ГЛАВА II

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЧАСТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ДИАЛЕКТАХ

Причастие на –gan/-an

Сравнительное изучение причастной формы на –*gan/-an* во всех современных тюркских языках монографически не проводилось. Данная причастная форма рассматривалась либо в отдельном тюркском языке, либо в одной из групп тюркских языков.

Материалом исследования послужил языковой материал тюркских литературных произведений, грамматик, словарей, журналов.

В настоящей монографии мы рассмотрим сходные и отличительные особенности причастной формы на –*gan/-an*, а также выявим ее основные функции во всех современных тюркских языках, в которых она наблюдается. Помимо этого характерные черты причастной формы на –*gan/-an* будут рассматриваться в диалектах и говорах некоторых тюркских языков и в древнетюркских письменных памятниках.

Причастная форма на –*gan/-an* встречается почти во всех тюркских языках. Об эволюции причастия на –*gan/-an* впервые высказался Ж. Дени. В дальнейшем исследование данного причастного аффикса в тюркских языках нашло свое отражение в трудах Н.К. Дмитриева, А.М. Щербака, Г. Рамстедта, К. Брокельмана и др. В тюркологической литературе причастная форма на –*gan/-an* рассматривалась в качестве причастий «настоящего вре-

мени», «настоящего и общего времени», « не имеющего конкретного временного значения», « настоящего - будущего времени», «категорического - прошедшего времени». Некоторые тюркологи полагают, что фонетический вариант на *-an*, который наблюдается лишь в тюркских языках огузской группы, представляет собой упрощенный вариант первоначального *-gan*. А.М. Щербак интерпретирует вариант на *-an* как результат фонетической трансформации формы на *-yan* [218, с.167].

Отметим, что стяжение формы на *-yan*, как результат выпадения $\gamma(g)$, преимущественно наблюдалось в тюркских языках огузской группы.

Аналогичного мнения придерживается и К. Брокельман. Так, как полагает К. Брокельман, аффикс *-an* возник в результате упрощения геминированных согласных, например: *tikän < tikkä (tik- колоть)* [318, с.44].

А.Н. Кононовым причастие на *-an* также причисляется к первоначальному *-kan/-ken, -qan/-qen* [100, с.251].

В тюркских языках огузской группы фонетический вариант на *-gan* выступает в роли отглагольно-именных образований: азерб. – *yarıŷqan- клей*, тур. *kurgan- крепость* и т.д.

Как видим, в современных тюркских языках огузской группы, форма на *-gan* перешла в разряд имен существительных и прилагательных. Но, несмотря на это, в письменных памятниках 16, 18, 19 вв. данных языков, рассматриваемый фонетический вариант *-gan* выступал в качестве причастия: *aŷyŷan- открывшийся, qalyan- оставшийся* и т.д.

По этому поводу примечательно высказывание А.М. Щербака: « В древнетюркском языке караханидской поры причастия *yan* и *tuŷ* выступали параллельно и, воз-

можно, различались какими-то для нас неуловимыми семантическими оттенками. Но уже в старотурецком языке отдается предпочтение форме на *muş*, а в староузбекском намечается тенденция к сокращению ее использования за счет интенсификации употребления форм на *gan* в самых разнообразных функциях» [218, с.166].

Причастие на *-gan/-an*, отличающаяся многофункциональностью, является наиболее широко распространенной и употребительной в современных тюркских языках. При помощи рассматриваемого причастного аффикса образуются не только причастия в тюркских языках, но и форма прошедшего времени глагола в тюркских языках кыпчакской и уйгурской групп. Причастия на *-gan/-an* в тюркских языках образуют также имена существительные и прилагательные: ср. тур. *yılan* - змея, *tavşan* - заяц; азерб. *ayran* - айран, *sıçan* - мышь; *çalışgan* - трудолюбивый, *unutkan* – забывчивый; гаг. *tuvğan* – *akraba*- родственник, *baargan* – *bağırıcı* - крикун и т.д.

Рассмотрим еще один пример:

Yaradan'ın kitabını kaldırtmam;
Osman'cığın bayrağını aldirtmam;
Düşmanımı vatanıma saldırtmam.
Tanrı evi viran olmaz, giderim! (М.Е. Yurdakul,
“Cenge giderken”).

Как следует из вышеприведенного примера, посредством аффикса на *-an* образовано имя существительное - *Yaradan* – *всевышний, бог*.

Причастную форму на *-an*, которая широко распространена в тюркских языках огузской группы, Мухаррем Эргин рассматривает как фонетический вариант причастия на *-gan*.

Как отмечает З. Коркмаз, наиболее употребительный в тюркских языках кыпчакской и уйгурской групп аффикс на *-gan* в древнетюркских письменных памятниках не наблюдается в качестве аффикса, образующего причастия [295, с. 48]. Небезынтересно отметить, что аффикс на *-gan* в древнетюркских письменных памятниках встречается лишь как аффикс, образующий существительные; например: *tabıŷgan – tavŷan- заяц, bazgan – изготавливающий молоток, sıçgan- sıçan – мышь* [231, с.207].

В древнетюркском языке караханидской эпохи причастный аффикс на *-gan* выступал в качестве причастия, а глухой фонетический вариант на *-kan* – в качестве существительного.

В современных тюркских языках кыпчакской и карлукской групп наблюдаются следующие фонетические варианты причастного аффикса на *-gan*: совр. уйг. *-gan/-kan*; узб. *-gin/ -kin*; казах. *-gan*; кирг. *-gan/ -gon*; кумык. *-gan/-igan*; караим. *-xan/ -kan/ -gan/ -gen/ -ken*; карач. – балк. *-gan* и т.д.

В диалектах и говорах современного турецкого языка причастный аффикс на *-gan* также образует имена существительные; *dayangan – dayanıklı - выносливый* [Derleme Sözlüğü, т.4, с.1386], *çığrgan – очень крикливый* [Derleme Sözlüğü, т.3, с.1161], *buyurgan - свекровь* [Derleme Sözlüğü, т.2, с.809].

Причастный аффикс на *-gan/-an* был наиболее широко распространен в караханидскую эпоху тюркских языков. По предположению М. Кашгари, данный причастный аффикс в 11 веке не использовался огузскими тюркскими языками в качестве причастия.

Как мы уже отмечали, причастная форма на *-gan/-an* в тюркских языках является наиболее многофункцио-

нальной причастной формой. Самой основной функцией рассматриваемого причастного аффикса является образование от глагольных основ причастий.

В уйгурских письменных памятниках не наблюдаются случаи выполнения данным причастным аффиксом этой функции. В тюркских языках караханидской эпохи причастный аффикс на *-gan/-an* обычно образовывал причастия настоящего-будущего времени. Отметим, что данный факт был зарегистрирован М. Кашгарским в труде «*Дивану Люгат-ит-тюрк*». Помимо этого, М. Кашгарский привел несколько примеров относительно образования данным аффиксом причастий; например: *çapitgan er – cellat – палач* [264, с.513].

Посредством причастного аффикса на *-gan/-an* в *Кутадгу – билиге*, как отмечает А.Б. Эрджиласун, образовывались лишь причастия настоящего-будущего времени [274, с.171].

Рассмотрим примеры: *bilig bilgen ol erke / bir kün devlet tuş olur – Однажды этому знающему человеку государство поможет* [274, с.259].

В тюркоязычных памятниках XI-XII вв. причастная форма на *-gan* в основном выступает в определительной функции. Реже выступает в обстоятельственной и субъектно-объектной функциях. Например:

Билиг билмägänдин бир анча бузун – из-за невежества некоторые народы;

Кара кылкы тэнсиз йава сөзлэгән – говорить непристойное и недостойное свойство черни [147, с.139].

В тюркологической литературе бытует мнение, согласно которому в тюркоязычных памятниках 11-12 вв. в причастных формах на *-gan* наблюдается тенденция перехода от имени деятеля к причастиям.

Весьма показательно на этот счет высказывание Х.Г. Нигматова: «Форма на –*ган* в обстоятельственной и субъектно-объектной функциях, а также в перфектном значении в позиции определяемого встречается в языке «*Хибатул хакайык*» относительно чаще, чем в «*Диване*» и «*Кутадгу билиг*», где данная форма имени деятеля, хотя уже в этих памятниках ощущается ее переход в причастие. Следовательно, в языке памятников 11-12 вв. в образованиях на –*ган* отмечается тенденция перехода от имен деятеля к причастиям» [147, с.139].

В современных тюркских языках кыпчакской группы этот аффикс участвует в образовании причастия прошедшего (татарский, киргизский, казахский) и настоящего-будущего времени (крымско-татарский, новоуйгурский языки).

Как известно, причастные аффиксы помимо действия, выражают также временной оттенок. Сверх того, некоторые причастные аффиксы участвуют в образовании времен глагола.

Так, еще с караханидской эпохи тюркских языков, посредством причастного аффикса на –*ган* образовывалось прошедшее время глагола. В этой связи мы можем встретить немало примеров в «*Дивану-Люгат-ум-Тюрк*»
е: *Bu er ol işig anutgan – bu kişi o işi süreklı hazırladı – этот человек выполнил ту работу* [264, с.156].

Небезынтересно отметить, что эта особенность присуща также и другим причастным аффиксам современных тюркских языков. Так, посредством аффикса –*асак/ -есек* образуются в тюркских языках, как форма будущего времени, так и причастия будущего времени; например: азерб. *gələcək*– *будущий*; *o gələcək* - *он придет* и т.д.

Как отмечалось выше, при помощи причастного аффикса на *-gan/-an* в тюркских языках образуются также имена существительные. Подобная особенность характерна также и другим причастным аффиксам современных тюркских языков. Рассмотрим примеры: *keçmiş* - *прошлой*; *tanıdık* - *знакомый*; *yazar* – *писатель*; *içecekler* - *напитки*; *gelecek* – *будущее* и т.д.

Примечательно также отметить, что при помощи причастного аффикса на *-gan* в тюркских языках огузской группы (турецкий, азербайджанский, гагаузский, туркменский) образуется немало имен существительных от глагольных основ – тур. *yarışkan* – *yarış* - *зануда*, *girişken* – *giriş* – *инициатор* и т.д.

Одной из характерных особенностей причастного аффикса на *-gan/-an* в тюркских языках является то, что он участвует в образовании других аффиксов. К примеру, посредством фонетического варианта на *-gan* в кыпчакских языках, образуется деепричастный аффикс – *ганда*, а при помощи фонетического варианта на *-an* в огузских языках – деепричастный аффикс *-анда* (причастный аффикс *-ган* + аффикс местного падежа *-да*); (причастный аффикс на *-ан* + аффикс местного падежа *-да*).

А теперь рассмотрим морфолого-семантические особенности причастного аффикса на *-gan/-an* в отдельных тюркских языках.

Причастие на -an в тюркских языках болгарской и огузской групп

В чувашском языке причастная форма на *-an* носит архаичный характер, так как в современном разговорном языке эта форма почти не употребляется и наблюдается

преимущественно в фольклоре (поговорах, пословицах, поговорках, песнях, загадках) и т.д. В чувашском языке встречается немало существительных, образованных при помощи причастного аффикса на *-ап*. Рассмотрим примеры: *автан* (от глаг. основы *ават - петь*), *чикен – колотье, острые боли внутри* (от *чик - колоть*), *тусан – пыль* (от *тус – разбрасывать, раскидывать*) и т.д.

Примечателен тот факт, что причастная форма на *-ап* во второй половине XIX века в народном разговорном языке была довольно употребительной формой. Свидетельством этому могут служить произведения классиков чувашской литературы К.В. Иванова, М.Ф. Федорова.

Так, как отмечает И.А. Андреев: «У одного из зачинателей оригинальной чувашской литературы М.Ф. Федорова в балладе «*Арсури*» в качестве причастия настоящего времени использована лишь форма на *-ан/-ен*» [10, с.152].

Ограниченность употребления причастной формы на *-ан/-ен* объясняется исследователями чувашского языка ее морфологическими особенностями.

Как показывают материалы чувашского языка, процесс лексической субстантивации этой причастной формы давно прекратился. Эту функцию в чувашском языке выполняет причастие на *-акан/-екен*.

Причастная форма на *-ап* в чувашском языке, потеряв свои именные свойства, не принимает падежных аффиксов. Отметим, что данная причастная форма может иногда принимать падежные аффиксы лишь в отрицательном аспекте; *Ватта хывмана халал тухман* (посл.) – *Кто не почитает старших, тому не бывает счастья* [10, с.153].

Небезынтересно отметить, что причастная форма на *-ап* в чувашском языке, принимая аффиксы мно-

жественного числа, также способно изменяться по падежам. Подобное явление наблюдается в основном в народных песнях, литературе. Рассмотрим примеры:

*Эпир кунтан тухса кайсассан,
Кураймансем юлашсе саванса*

*Когда мы уйдем отсюда,
Наши ненавистники будут очень рады [10, с.153].*

В отличие от других тюркских языков, в чувашском языке причастная форма на *-an* не сочетается с послелогоми, служебными именами и не принимает аффиксов принадлежности.

Что касается синтаксической функции причастия на *-an*, то необходимо отметить, что эта форма употребляется в предложении главным образом в качестве именного определения. Она также изредка может выступать в предложении в качестве сказуемого придаточного определительного предложения, сказуемого в придаточных подлежащих. Следует отметить, что данная причастная форма, выступая в качестве сказуемого в придаточных подлежащих, употребляется весьма редко и обычно встречается в фольклоре.

Поясним сказанное на конкретных примерах:

*Сенкер кушна сиҫен славян
Ачаранпах манна вӑл сывал*

*Мне с детства близок славянин
Со спокойными голубыми глазами* (в функции именного определения);

Çав тайшман чёртен вёрса сёнтерер малтан – мы сначала покончили с войной, которую навязал наш враг (в функции сказуемого придаточного определительного предложения);

Чун саван чуп тунӑ, чун ыратан чӱк туна (посл.) – У кого душа любит, тот целует, у кого душа болит, тот приносит в жертву и т.д. [10, с.155-157].

В гагаузском языке причастная форма на *-an* является одной из наиболее употребительных причастных форм. Рассматриваемая причастная форма в гагаузском языке преимущественно передает значение настоящего времени, что, как правило, характерно для тюркских языков огузской группы.

В гагаузском языке имеют место случаи перехода причастий на *-gan* в разряд отглагольных прилагательных – *саурган – ветреный, легкомысленный* и т.д.

В гагаузском языке, подобно другим тюркским языкам, причастная форма на *-an* субстантивируясь, может принимать аффиксы падежей, множественного числа и принадлежности. Рассмотрим примеры:

*Не да зоор, малӱ,
Бу дӱнӱда уӱсӱс калана,
Уӱсӱс калана, уӱсӱс бакана*

*Как тяжело, мама,
На этом свете оставшемся сиротой,
оставшемся сиротой и заботящемся
о сироте [150, с.233].*

Относительно причастий в современном турецком языке А.Н. Кононов отмечает следующее: «Причастия в турецком языке (за одним исключением: причастие на –(y)an/ -(y)en не представляют собой особой морфологической категории: турецкое причастие это только одна из синтаксических функций некоторых временных основ изъявительного наклонения» [100, с.251].

Так, как следует из данного высказывания, единственным причастием в турецком языке, по мнению А.Н. Кононова, является причастие на –an.

На наш взгляд, данное предположение А.Н. Кононова является необоснованным. По той причине, что, как известно, в турецком языке причастие разграничено от разряда непрichастных слов в именной системе. Помимо этого, причастные формы в рассматриваемом языке могут быть переходными и непереходными.

В турецком языке причастная форма на –(y)an/ -(y)en обозначает действие, относящееся к лицу, предмету в качестве их признака, свойства. Действие, выражаемое данным причастием в турецком языке относится в основном к настоящему, реже к прошедшему времени, например: *gelen* - *приходящий*; *uzan* – *пишущий, написавший* и т.д.

Следует также подчеркнуть, что если необходимо передать точное значение настоящего времени посредством причастия –(y)an/ -(y)en в турецком языке используется сочетание *-mekte olan*: *Ocakta kaynamakta olan çorabdan çorba koydu Memed'in önüne...* (Яшар Кемаль, «Тоций Мемед»).

Отметим, что в турецком языке в некоторых случаях наблюдается редуцированное употребление в предложении причастных форм на –(y)an/ -(y)en от одной основы. В подобных случаях, словосочетания, образован-

ные от повторного употребления причастий на *-(y)an/ -(y)en* от одних основ, обозначают следующее: 1) чрезмерную длительность – *giden gidene koşan koşana*; 2) Восприятие событий, такими как есть – *ölen öldü, kalan kaldı*; 3) похвала или хвастовство, бахвальство – *bilen bilir, bilmiyen aslı var sanır*; 4) безразличие или нетерпение; *Haydi, giden gitsin!*; 5) опоздание, совершивший факт – *Giden gitmiş, kalan kalmış* [291, с.248].

В современном турецком языке причастная форма на *-(y)an/ -(y)en* нередко выступает в качестве подлежащего:

Reis, nafîle yere bunları sükuta davet eder. Fakat, dinleyen kim? (Y.K. Karaosmanoğlu, “Ankara”, с.184).

Ve bu deliği bilmeyen, duymayan yoktu (Yaşar Kemal, “Ağrıdağı efsanesi”, с.38).

Как видим, причастие на *-(y)an/ -(y)en* в турецком языке отличается семантическим многообразием.

В староосманском языке причастие на *-gan* наблюдается в фонетическом варианте на *-an*: ср. *tänriji görän kişi gözlar açar* – у человека, видящего бога, раскрываются глаза и т.д. [50, с.68].

В языке дастана «*Kıtabı Dede Korkud*» также наблюдается причастная форма на *-(y)an/ -(y)en*: *Gönlün yusa tutan әrdә dövlät olmaz* и т.д. [231, с.56].

Фонетический вариант на *-gan*, который преимущественно наблюдается в тюркских языках кыпчакской группы, в современном азербайджанском языке относится к числу непродуктивных аффиксов. Заметим также, что в современном азербайджанском языке при помощи фонетического варианта на *-gan* образовалось немало имен существительных: *dağdağan* - каркас; *çalağan* - кор-

шун; *şərkən* – чекмень (верхняя мужская кавказская одежда) и т.д.

В современном азербайджанском языке временной оттенок причастной формы на *-an* зависит от главного сказуемого предложения, наречия времени и общего контекста предложения. Рассмотрим примеры:

Hər şey bir az əvvəl şəhəri hədələyən qorxunc təhlükədən xəbər verir (прошедшее время); *Baş tutan sövdə deyil* (общее время) и т.д [235, с.25].

В современном азербайджанском языке исследуемая причастная форма главным образом выступает в предложении в качестве определения, подлежащего, именного сказуемого, дополнения и обстоятельства; например:

Sübhənverdizadə tənğişən nəfəsini çiyinlərindən almağa başladı (определение);

Mərd ölənlər bu dünyanın ən xoşbəxt adamlarıdır (подлежащее);

Bunların çoxu Bakıya gedənlərdir (именное сказуемое) и т.д [235, с.39].

Причастная форма на *-an* в современном азербайджанском языке, принимая аффиксы винительного, дательного и исходного падежей, выступает в предложении в роли прямого и косвенного дополнения:

Özünü öldürənlərə kimsə təziyə məclisi düzəltməyə izn vermirdi [235, с.39].

Небезынтересно отметить, что причастная форма на *-an* последовательно представлена и в староазербайджанском языке. Здесь, рассматриваемая причастная форма, употреблялась в качестве определения, подлежащего и дополнения. Рассмотрим примеры:

Gözlərimdən dögülən qətreyi-əşgim günəri

Ləblərindən saçılan lölöi şəhvarə fəda (в роли определения)

(Физули).

Böylə afətdən yaqasın qurtaran olmazmi şad (в роли подлежащего)

(Физули).

Şəfai-vəsli-qədrin hicr ilə bimar olandan sor.
Zülali-şövqi-zövqi məşneyi didar dandan sor (в роли дополнения) (Физули) [255, с.174].

Причастие на *-an* в современном туркменском языке относится к причастиям прошедшего времени. Исследуемое причастие является одной из наиболее употребительных причастных форм туркменского языка. В современном туркменском языке, подобно другим тюркским языкам причастие прошедшего времени на *-an* принимает аффиксы лица, числа, падежей. Субстантивируясь, рассматриваемое причастие выступает в качестве имени существительного.

Рассмотрим несколько примеров:

Отуранлар гүлүшдилер – Сидевшие засмеялись (Б. Кербабаяев, Айгытлы эдим);

Шу дурмушда, шу өйде ислəниниз болар – В этой жизни, в этом доме исполнится желаемое вами [48, с.355];

Нəче йөрəнини, хайсы тарапа йөрəнини билмезди – Не знал, сколько шел и в какую сторону шел (Б. Сейтəков, Гыз салгыды).

Приведем еще один пример:

*Ташлап гелдик ол меканы,
Жебре салдык ширин жаны,
Пахим эдип, пейда-зьяны
Инди дуян ялы болдум.* (Зелили, Избранные стихи.
Перевод Наума Гребнева. Ашхабад: «Туркменистан»,
1981, с.15)

Как видим, в данном стихотворении причастие дуян – слышавший выступает в качестве имени существительного.

Обращает на себя внимание отрицательный аффикс, посредством которого образуется отрицательный аспект причастия на *-an* в туркменском языке.

Так, отрицательный аспект причастной формы на *-an* в туркменском языке образуется при помощи аффикса *-мадык/ -медик*, который не наблюдается ни в одном из тюркских языков огузской группы. Сравним: туркм. *гечирмедик*; азерб. *keçirtməyən*; тур. *geçirtmeyen* и т.д.

Приведем еще несколько примеров:

Артык диенин хениз гызгыны, аязы башындан гечирмедик сарыманыз бир огландыр – Артык еще юнец, не испытавший ни стужи, ни зноя (Б. Кербабаев, Айгытлы эдим).

Отметим, что рассматриваемая отрицательная форма употребляется и в субстантивированных причастных формах на *-an*. Например: *Ишлемедик* *дишлемез* (пословица) – *Кто не работает, тот не ест*; Ср. азерб. *İşləməyən dişləməz* (пословица).

Отрицательная форма на *-ма + -ян/ меен*, присущая остальным тюркским языкам огузской группы встречается в туркменской поэзии XVIII-XIX вв. Приведем примеры: *Айралык одуна янып бигимеен, зальмлар элинден улке ашмайан, Ватандан айрылып, ялныз дүшмеен, улке-*

синде ил гадрыны хич билмез – Не горевший в огне разлуки, не менявший место от рук врагов, не лишенный родины, не оказавшийся один, не знает цены народа на своей родине (Магтымгулы, Избранные труды).

Как видно из примера, причастная форма на *-an*, принявшая отрицательный аффикс на *-ma*, передает оттенок настоящего-будущего времени.

В современном туркменском языке, подобно некоторым тюркским языкам, при помощи фонетического варианта на *-gan*, свойственного кыпчакским языкам, образуются некоторые прилагательные, например: *ятаган мал – лежащий скот, гезеген адам – много гуляющий человек* и т.д. [48, с.357].

Причастная форма на *-an* в туркменском языке нередко употребляется в удвоенном виде; *алан – берен – взявший, билен – билмедик – знавший – не знавший* и т.д.

Небезынтересно отметить, что посредством положительной и отрицательной форм причастия на *-an* в туркменском языке образовался ряд сложно-вербальных форм, типа *аламок (ал – ан – ым – йок) – я не брал, билемок – бил – ен – им – йок – я не знал*, которые передают значение настоящего-прошедшего времени. При этом данные формы принимают аффиксы лица:

Барамок – я не ходил

Барамзок – мы не ходили

Баранок – ты не ходил и т.д.

В полной форме сочетание (*баранымыз ёк*) в литературном языке не употребляется.

Примечателен тот факт, что в кумыкском языке причастная форма на *-gan* наряду с модальным словом *йок – нет*, может также употребляться и с его антонимом *бар – есть*, т.е. в данном языке наличествует как поло-

жительная, так и отрицательная формы рассматриваемого сложно-вербального сочетания:

Барганым йок – мне не приходилось прийти; сораганым бар – у меня была возможность спросить и т.д.

Обращает на себя внимание наличие положительной и отрицательной форм данных сочетаний в говоре ставропольских туркмен, что, на наш взгляд, объясняется влиянием территориально близких к туркменскому тюркских языков, например: *эшитгеним бар* и т.д.

Таким образом, как видим, значение, передаваемое причастной формой на *-an* в туркменском языке, отличается от значения таковой в остальных тюркских языках огузской группы. В туркменском языке причастная форма на *-an*, подобно кыпчакским языкам, выражает значение прошедшего времени, тогда как в тюркских языках огузской группы исследуемая причастная форма передает значение настоящего, настоящего-будущего времени.

Примечательно отметить, что в письменных памятниках туркменского языка XVIII-XIX вв. причастная форма на *-an* наблюдается в форме *-gan*, которая присуща преимущественно тюркским языкам кыпчакской группы: ср. *ачылмаган пир гунчаны гөзләрмән – Я ищу нераскрывшийся свежий бутон* [52, с.8].

Как известно, причастие на *-gan* в современном туркменском языке полностью заменено фонетическим вариантом на *-an*.

Употребление в письменных памятниках туркменского языка фонетического варианта на *-gan* объясняется некоторыми тюркологами как следствие влияния староузбекского языка.

По этому поводу заслуживает внимания высказывания Т. Гузычыева: «...причастия на *-gan* повсеместно встречаются в наших материалах XVIII-XIX вв., что, воз-

можно, является следствием влияния староузбекского языка на язык исследуемых письменных памятников» [52, с.8].

Отметим также, что в диалектах и говорах современного туркменского языка также наблюдается употребление причастия на *-ган*.

На наш взгляд, и в данном случае, наличие причастия на *-ган* в диалектах и говорах туркменского языка является результатом влияния территориально близких к туркменскому языку узбекского и каракалпакского языков.

Небезынтересно отметить, что в каракалпакских диалектах туркменского языка аффикс на *-ган* образует также форму прошедшего времени, ср. *барганлар* – вместо *баранлар*. Форма прошедшего времени на *-ган*, типичная для тюркских языков кыпчакской группы, нередко наблюдается в човдурском, сакарском диалектах туркменского языка. Аналогичное явление встречается также и в непограничных диалектах туркменского языка, таких, как салырский диалект и т.д. Рассмотрим примеры: човд. диал. туркм. яз. – *барлагъан* – он проверил, салыр. диал. туркм. яз. *гитген* – вместо *гиден* и т.д. [338, с.320-321].

Примечательно, что Махмудом Кашгарским были отмечены оба фонетических варианта причастного аффикса на *-ган/-ан*. Это, как нам представляется, в очередной раз подтверждает древнее происхождение обоих фонетических вариантов причастного аффикса на *-ган/-ан*.

*Причастие на -ган в тюркских языках
кыпчакской группы*

В караимском языке причастие на *-ган* имеет следующие фонетические варианты: *-ган*, *-гян*, *-кан*, *-хан*, -

кян, -ган, -ген, -кан, -кен: алган – взятый, келген – пришедший и т.д.

Исследуемая причастная форма в караимском языке выполняет функции определения и сказуемого: *Менмен ол киси, керген кыйынны – я тот человек, который видел муки* (в роли определения).

Отметим, что причастие на –ган в караимском языке, выступая в качестве сказуемого не принимает аффиксов лица и выражает 3-е лицо единственного и множественного числа. Рассмотрим примеры:

Йахши айтхан! – Хорошо сказано!;

Сиз астыныз, тек цогарак калган – Вы уехали, а источник остался [136, с.305].

Причастная форма на –ган, субстантивирюясь в караимском языке, может принимать аффиксы падежей. Субстантивированные причастные формы в предложении выступают в качестве подлежащего и дополнения: *кермегенге кемец те уллуду – тому, кто не видел ничего, и солдат велик.*

Принимая аффиксы местного и исходного падежей, причастие на –ган выступает в предложении в роли обстоятельства времени:

Чозганда колун кызга, кыз фордан турадыр – Когда он протянул руку, девушка сразу встала [136, с.306].

Примечательно также отметить, что употребляясь в местном падеже, причастие на –ган в караимском языке иногда может принимать аффиксы принадлежности 1-го или 3-го лица:

Болганымда – когда я был (1 л. аф. прин.); *бюкряй-гяняляринда – когда они корчились* и т.д.

Принимая аффиксы исходного падежа, что в данном языке наблюдается весьма редко, причастие на –ган сочетается с послелогоми *сон* и *сортун* (после, вслед за).

Рассмотрим примеры: *Сёзлягянимдян сортун – после того, как я сказал* и т.д.

Как видим, и в данном случае причастие на *-ган* способно принимать аффиксы принадлежности (1-го и 3-го лица).

Отметим также, что некоторые причастные формы на *-ган* в караимском языке перешли в разряд имен существительных: *болган – происшествие, йазган – письмо* и т.д.

Несмотря на то, что в карачаево-балкарском языке причастная форма на *-ган* относится к причастиям прошедшего времени, иногда она передает значение настоящего и будущего времени.

В карачаево-балкарском языке данная причастная форма имеет следующие фонетические варианты: *-гъан, -хан, -нъан, -ген, -нъен*. Например: *алгъан – бравший, тутхан – державший, тарыккъъан – пожаловавшийся, сыннъан – сломавшийся* и т.д. [191, с.61].

Как отмечалось выше, причастная форма на *-ган* в карачаево-балкарском языке может выражать значение настоящее и будущее время.

Передавая значение настоящего времени, причастная форма на *-ган* в рассматриваемом языке обозначает признак, имевший место в недавнем прошлом и продолжающийся до сих пор:

Ол тегсеген джаш кимди? – Кто такой тот танцующий парень?

Выражение значения будущего времени причастием на *-ган* в карачаево-балкарском языке обуславливается в основном контекстом:

Нарсанагъа баргъан Адам джокъмуду былайда? – Нет ли здесь едущего в Кисловодск человека? [191, с.62].

Перейдем к рассмотрению особенностей причастной формы на *-gan* в татарском языке.

В татарском языке причастная форма на *-gan* имеет варианты как со звонким, так и глухим согласным (*-ган/-гән, -кан/ -кән*) и относится к причастиям прошедшего времени. Отметим, что при помощи данного аффикса в татарском языке образуется форма прошедшего времени.

В современном татарском языке рассматриваемая причастная форма в предложении выступает в качестве определения. Это причастие в татарском языке способно субстантивироваться. Помимо этого, причастие на *-ган/ -гән* может также принимать падежные аффиксы, аффиксы числа и принадлежности.

Рассмотрим примеры: *барган киши – ходивший, шедший человек, алмаган кеше – человек, не взявший что-либо* и т.д.

Рассмотрим еще один пример: *Күп торганнан сорама, күп йөргәннән сора (посл.) – Спрашивай не у того, кто много жил, а у того, кто много ходил* и т.д. [175, с.246].

Как видим, в этом предложении причастная форма на *-gan* приняла аффиксы исходного падежа (*торганнан, йөргәннән*) и т.д.

Примечательно отметить, что причастная форма на *-gan* в татарском языке, субстантивируясь, может принимать все падежные аффиксы, кроме местного. Приведем несколько примеров:

Биш белмәгәнгә урын тар (посл.) – Тому, кто не умеет плясать, места мало;

Ул үзе дә мин сөйләгәннәрне бик яхшы белә булса кирәк – он и сам очень хорошо знает, видимо, все то, что я говорил и т.д. [175, с.247].

Приведем пример, в котором данный аффикс участвует при образовании формы прошедшего времени глагола и причастия:

*И туган тел, и матур тел, эткәм-әнкәмнен, теле!
Дөньяда күп нәрсә белдем синтуган тел аркылы.
Ин элек бу тел белән әнкәм бишектә көйләгән,
Аннары төннәр буе әбкәм хикәят сөйләгән.
И туган тел! һәр вакытта ярдәмен белән синен.
Кечкенәдән анлашылган шатлыгым, кайгым минем.
И туган тел! Синдә булган ин элек кылган догам.
Ярлыкагыл, дип, үзем хәм эткәм-әнкәмне ходам
(«Туган тел», Габдулла Тукай).*

Как явствует из примеров, аффикс *-ган* в данном стихотворении использован при образовании прошедшего времени глагола (көйләгән-пела, сөйләгән-рассказывала) и причастия (анлашылган - понятый, кылган - прочитанный)

Подобно татарскому языку, в казахском языке причастная форма на *-ган/ -ген*, *-кан/ -кен* является довольно употребительной и относится к причастиям прошедшего времени; например: *сөйлеген жігіт – выступавший джигит* и т.д.

Небезынтересно отметить, что в казахском языке глаголы состояния (*отыр, жатыр, тұр, жүр*) выступая в качестве причастия на *-ган* и функционирования в роли определения, имеют значение несовершенного вида.

Заметим также, что в данном случае зависимо от контекста изменяются и временные оттенки данного причастия. Например:

*Кеше сенімен келе жатқан кісі- менін жолдасым –
Человек, который шел с тобой вчера, мой товарищ;*

Мына келе жаткан кісі – менін жолдасым – Этот человек, который идет сюда, - мой товарищ и т.д. [174, с.322].

Как видно из примеров, в первом предложении причастие *келе жаткан* – выражает прошедшее время, во втором же примере – настоящее время.

В казахском языке причастная форма на *-ған* присоединяя к себе аффиксы лица, выступает в роли сказуемого. В данном случае, действие, выраженное этим причастием, выражает прошедшее время; например: *Біз бұл машинаны ауданнан әкелгенбіз – Мы эту машину привезем из района* и т.п. [174, с.322].

Обращает на себя внимание следующая особенность причастной формы на *-ған* в казахском языке.

Так, отрицательная форма данной причастной формы образуется тремя отрицательными формами: при помощи отрицательного аффикса *-ма/ -ме/-ба/-бе/ -на/ -не – келмеген – не пришедший*; при помощи отрицательной частицы: *емес – болған емеспіз – не были*; посредством отрицательного слова *жок*.

Отметим, что причастная форма на *-ған*, сочетаясь с отрицательным словом *жок*, принимает аффиксы лица и принадлежности: *көрген жоксын – ты не видел, көрген жок – он (она) не видел (а), көргенім жок – я не видел, көргенін жок – ты не видел*.

Заметим также, что отрицательная форма данной причастной формы со словом *жок* наиболее употребительна в разговорной речи.

Как явствует из вышеприведенных примеров, причастие на *-ған*, образованное последними двумя отрицательными формами обозначает прошедшее время глагола, т.е. выступает в качестве сказуемого.

Отметим, что в арало-сырдарьинском говоре казахского языка причастие на *-ган* сочетается с модальным словом *керек* – ср. *алган керек* вместо *алса үйіне келген керек* – *возможно, он приехал домой* [148, с.79].

Причастная форма на *-ган* в башкирском языке считается самой продуктивной. В зависимости от контекста причастие на *-ган /-гән* в башкирском языке может выражать значение настоящего и будущего времен, например: *Әсәһен рәнйетен, карғыш алган Кеше йәлсей алмай шул* – *Человеку, проклятому матерью, не сдобрывать* [56, с.190].

В современном башкирском языке причастная форма на *-ган* имеет фонетические варианты как с глухими, так и со звонкими согласными: *-кан / -кән*; *-ган /-гән* и относится к причастиям прошедшего времени. Однако Н.К. Дмитриев полагает, что рассматриваемая причастная форма ранее могла бы причисляться к разряду причастий настоящего времени.

Так, как отмечает Н.К. Дмитриев: «Исторически к числу причастий настоящего времени могло относиться и причастие на *-ган*, которое в современном языке обслуживает главным образом прошедшее время» [56, с.191].

Причастная форма на *-ган* в ногайском языке относится к причастиям прошедшего времени. Это причастие в основном выступает в качестве определения. Однако в ногайском языке имеют место случаи, когда причастия на *-ган* функционируют в роли сказуемого.

Приведем примеры:

Онынъ ишинде болмаган емис терек йок – Нет фруктовых деревьев, которых не было бы там (в функции определения);

Йьокединъ япырагы юмсак, шешекейлери ийисли, бутаклары янякка кенъ яйылган – Листья и липы мягкие,

цветы душистые, ветки широко раскинуты в разные стороны [46, с.267].

В ногайском языке причастная форма на *-ган* субстантивирюясь, способно принимать аффиксы падежей и принадлежности. Субстантивированная причастная форма на *-ган* может выступать в предложении в качестве различных членов предложения; например:

Ат аяган яв калар (пол.) – Жалеющий лошадь, останется пешим (в функции подлежащего);

Шакырганга бар, шакканнан каш (пол.) – К приглашающему ходи, доносящего избегай (в функции дополнения) [46, с.268].

Примечательно, что в ногайском языке причастная форма на *-ган*, сочетаясь с аффиксами уподобления *-дай /-дей*, внешне мало отличается от деепричастия на *-гандай/-гендей*.

Основной отличительной особенностью причастия на *-гандай/ -гендей* от эквивалентного деепричастия на *-гандай/ -гендей* является то, что данная причастная форма стоит перед определяемым словом и выступает в предложении в качестве определения.

Поясним сказанное на конкретных примерах:

Онда баргандай яслар бизде бар – У нас ест ребята, могущие пойти туда;

Мен сегиз йыл куллык этип келгенмен, согле балаларга едиргендей затым йок – Я восемь лет подряд здесь работаю, а сейчас у меня нет ничего, чем смог бы накормить детей и т.д. [46, с.269].

Причастная форма на *-ган* в каракалпакском языке относится к причастиям прошедшего времени.

Основной функцией этой причастной формы в каракалпакском языке является образование функциональной атрибутивно-определятельной формы глагола.

Эта причастная форма в основном выступает в определительной функции, а также способна субстантивироваться. Например: *кёрген – видевший, тувгъан – родившийся* и т.д.

Отметим, что причастная форма на *-ган* в каракалпакском языке может сочетаться с модальными частицами *-екен, -еди*.

Причастие на *-ган* в каракалпакском языке, сочетаясь с модальной частицей *-екен*, обозначает действие, которое произошло заочно, т.е. вне поля зрения говорящего:

Оны тюсюрюп бир жерге алып жыйгъан екен – она сбросила их и собрала, оказывается, в одном месте [24, с.439].

Причастная форма на *-ган*, сочетаясь с модальной частицей *-еди*, выражает действие, которое произошло перед другим действием:

Баласы тойдырайын – деп къарры етин алгъан еди – Старик купил перед этим мяса, чтобы накормить своего сына [24, с.439].

Как известно, причастная форма на *-ган* в фонетическом варианте на *-ан* встречается преимущественно в тюркских языках огузской группы. Однако в некоторых смешанных туркмено-каракалпакских говорах каракалпакского языка можно встретить фонетический вариант данного причастия на *-ан/-ен*. Например: *келен = келген – пришедший; алан = алган – взявший* и т.д.

На наш взгляд, наличие варианта на *-ан/-ен* в говорах каракалпакского языка объясняется влиянием туркменского языка.

Небезынтересно отметить, что аффикс *-ган* в каракалпакских диалектах туркменского языка выступает в качестве прошедшего времени, что свойственно тюрк-

ским языкам кыпчакской группы. Форма прошедшего времени на *-ган* распространена в човдурском, сакарском, салырском диалектах туркменского языка. Например: *човдурский диалект – барлагъан – он проверил, салырский диалект – гитген – он ушел* [338, с.320-321].

В данном случае также прослеживается влияние кыпчакских языков на говоры туркменского языка.

Показательно на этот счет высказывание Н.З. Гаджиевой: «... почти каждый язык средней Азии, за редкими исключениями, содержит особенности, присущие другим языкам. Все это лишний раз свидетельствует о том, что процесс языкового скрещивания совершался не только в пограничных зонах, но он был более глубоким» [40, с.239].

*Причастие на –ган в тюркских языках
карлукской группы*

В узбекском языке причастная форма на *-ган* имеет варианты как со звонкими, так и с глухими согласными – *ган/ -кен* и относится к причастиям прошедшего времени: *ўкиган – читавший, таклиф этган – предложивший, чиккан – вышедший, берилган – отданный, данный* и т.д. [101, с.238].

Данная причастная форма в узбекском языке выступает в качестве определения. Интересно также отметить, что при помощи причастной формы на *-ган* в узбекском языке образуется ряд причастных и деепричастных аффиксов: причастные аффиксы – *-ётган, -диган (турган)*; деепричастные аффиксы – *-ганча* и т.д.

В литературных памятниках до староузбекского периода причастная форма на *-ган* была довольно широко распространена. В данных памятниках рассматриваемая

причастная форма употребляется как в предикативной, так и в атрибутивной функциях.

В произведениях Юсуфа Баласагунского (XI в.) довольно часто встречается причастная форма на *-gan*:

*Байат аты бирлэ сөзүг баишладым,
Төрүткэн, игидкэн, кэчүргэн идим.*

*Я начал свое слово с именем бога,
Создавший, возвысивший и проводивший
(через жизнь меня) мой господь [143, с.63].*

Причастная форма на *-gan* в памятниках уйгурского письма XI-XV вв. может выступать в предложении и в качестве подлежащего, прямого и косвенного дополнения, а также обстоятельства:

*Өлүр эрди эрсэ кашуг иглэгэн,
Киши калмагай эрди рузи йигэн*

*Если бы умирали все заболевшие,
Не осталось бы (ни одного) человека (иглэгэн –
подлежащее; тот, который заболел) [143, с.63].*

Временной оттенок причастной формы на *-gan* в исследуемых памятниках определяется в контексте и зависит от значения, передаваемого остальными компонентами предложения. В основном исследуемая причастная форма в памятниках уйгурского письма выражает значение настоящего и прошедшего времени:

*Ажунка бу сөкүш мэламэт нэлик,
Казалар йорыткан, йараткан мэлик*

*Зачем эта брань и упрек миру,
Ведь судьба есть царь, движущий и творящий (на-
стоящее время)*

*Ол көз билэ барча йаратылган
Мэвжудатни көрдүм*

*Теми очами я увидел
Все сотворенные существа [143, с.64].*

В данных памятниках причастная форма на –*gan* подвергаясь процессу субстантивации, как правило, принимает аффиксы падежей и принадлежности:

Кэлгэнин хош болсун – Да будет благоприятным то, что ты пришел (твой приход);

Камуз учкан йүгүргэнлэргэ фэлан күн Сулэйман конук лукынга һазыр болун тэп... - Сказал всем, кто летает и бегаёт, чтобы они в такой-то день были готовы к пиру Сулеймана [143, с.65].

Подобно узбекскому языку, в языке желтых уйгуров причастная форма на –*gan* является причастием прошедшего времени и выступает в предложении в качестве определения. Рассмотрим несколько примеров: *Келген кысе – пришедший человек, алган пытыһ – взятая/ купленная книга* и т.д. [185, с.33].

В современном уйгурском языке причастная форма на *-gan* является наиболее употребительной, чем другие причастные формы.

Эта причастная форма в уйгурском языке является причастием прошедшего времени. В качестве настоящего времени причастие на *-gan* может выступать в зависимости от контекста.

В современном уйгурском языке причастная форма на *-gan* выступает главным образом в функции глагольного имени, сказуемого, причастия.

Рассмотрим примеры: *окугиним йок – я не читал; мән окуган – я читал, мән окуган китап – книга, которую я прочитал* и т.д. [141, с.91].

Для наглядности рассмотрим несколько отрывков из стихотворений:

*Балилик чегимни есимгә алдим,
Олтуруп тинжиган дениз алдида.
Балилик – тан, пәйти көргән чүш кәби
бәк еник калиду инсан ядида.*

*Ядлайттим от янган мисралиринни,
Чакниган маржандәк тизип исимдә.
Ухлисам, шахларда конган булбулдәк,
Шеиринму конатти менин левимдә [141, с.91-92].*

*Йәлпүнүп өткән тан шамаллири
Бир дәм кешимда тохтап өтүнләр
Йүрәк зарини, аһ вә дәрдини
Мәрһәмәт әйләп анлап өтүнләр!*

*Ешип таглардин берип йәткәндә
Тәһри тегинин итәклиригә,
Йипәк ромалдәк колунлар тәгсүн
Дәрт йеши тамган инәкләригә* (стихотворение Курбана Барата «Тан шамаллири»)

*Причастие на –gan в тюркских языках
уйгуро-огузской группы.*

В современном тувинском языке причастная форма на –gan относится к причастиям прошедшего времени. Однако в отдельных случаях данная причастная форма в тувинском языке передает значение настоящего времени: *ол чыткан тебе – тот лежащий верблюд* и т.д.

Следует отметить, что грамматические пособия, учебники по тувинскому языку располагают рядом противоречивых наименований причастной формы на –gan.

Причиной этому является двойственность данной причастной формы в видовом отношении (законченности или незаконченности действия).

Так, наиболее распространенными наименованиями причастной формы на –gan в тувинском языке считаются термины «неопределенное причастие», «определенное причастие», «глагольное имя прошедшего времени», «причастие-прилагательное», «первый герундий» и т.д.

Аффикс на –gan в тувинском языке имеет вариант как с глухими, так и со звонкими согласными –ган/ -кан: *туткан – державший, кылган – сделавший* и т.д.

Отрицательный аспект рассматриваемого причастия образуется при помощи стяженной формы аффикса; например: *албаан = ал-ба-ган – не бравший* и т.д.

Причастная форма на *-ган* в тувинском языке, выступая в качестве сказуемого, образует спрягаемую глагольную форму изъявительного наклонения прошедшего времени: *бо оруктап-чораан мен – я шел этой дорогой* [89, с.301].

Рассматриваемая причастная форма в тувинском языке выступает также в качестве имени действия (подлежащего и дополнения): *келгеним – мой приход; көргенин – то, тот предмет, что ты видел* и т.д.

Причастие на *-ган* в данном языке принимает аффиксы принадлежности и падежей.

Рассмотрим примеры: *Ээзи чирткенинге хараадаар, бөрү артканынга хараадаар – хозяин жалеет, что дал съест волку овцу; волк жалеет, что осталось* (дательный падеж);

Ие көрбээнин кыс көөр, ада көрбээнин оол көөр – чего мать не видела – дочь увидит, чего отец не видел – сын увидит (винительный падеж) [89, с.301].

Посредством причастной формы на *-ган* образуются также причастные обороты и придаточные предложения со значением предшествующего времени:

Көшкенде теве херек чок, кешкенде – хеме херек чок (посл.) – Перекочевал – верблюд не нужен, переплыл – лодка не нужна [89, с.302].

Как видим, причастные формы *көшкенде* и *кешкенде*, употребляясь в местном падеже, образовали, придаточное предложение обстоятельства времени.

Интересно отметить, что причастная форма на *-ган*, принимая аффикс местного падежа в предложении, семантически приближается к деепричастию на *-анда/ -*

эндә, который наблюдается в азербайджанском языке: ср. тув. *Кешкенде – переплыл, переплывешь*; азерб. *keçəndə – переплыл, когда переплывешь* и т.д.

В литературных памятниках уйгурского письма XI-XV вв. наблюдается аналогичное явление, т.е. причастная форма на *-gan* в вышеназванных памятниках в обстоятельственной функции адвербиализируясь, становится эквивалентным деепричастию; например: *Йана бир күн расул алэйһу сэлам Умма Сэлма эвигэ кэлгэнде... Когда однажды пророк – да будет над ним мир – пришел в дом Уммы Сельмы...* [143, с.65].

Таким образом, из вышесказанного следует, что причастная форма на *-gan* в тувинском языке может передавать не только значения прошедшего, но и настоящего и будущего времен.

Причастие на *-gan* наблюдается и в тофаларском языке. В данном языке причастия на *-ган*, подобно кыпчакским языкам, относится к причастиям прошедшего времени и имеет следующие фонетические варианты – *ган/-ген; -кан/-кен*.

Отрицательная форма рассматриваемого причастия в тофаларском языке образуется при помощи отрицательного аффикса – *ба*. Отметим, что причастие на *-gan*, сочетаясь с отрицательным аффиксом на – *ба*, сливается с ним в один сложный аффикс. В результате этого слияния образуются следующие фонетические варианты: *-баан/-бээн; -ваан/-вээн; -паан/-пээн; -маан/-мээн*.

Ср. албаан – не взявший, бербээн – не давший, аннаваан – не охотившийся [163, с.187].

Распространенная в тюркских языках кыпчакской группы причастная форма на *-gan*, которая лежит в основе прошедшего времени, находит параллель и в современном хакасском языке.

Причастная форма на *-gan* в хакасском языке, являясь причастием прошедшего времени, обозначает действие, относящееся к прошлому. Ср.: *ирткен чыл – прошедший год, килген кизи – приехавший человек и т.д.* [82, с.111].

Любопытно, что в хакасском языке помимо фонетического варианта на *-ган*, наблюдается также вариант на *-ан/-ен*, который свойственен тюркским языкам огузской группы. Этот фонетический вариант наблюдается после основ на гласный. Ср. *ойнаан, төреен* и т.д.

Отрицательная форма причастная форма на *-gan* в хакасском языке образуется при помощи аффикса *-паан/-пеен; -баан/-беен; -маан/-меен*; ср. *итпеен, килбеен*.

Причастная форма на *-gan/-kan* в шорском языке относится к причастиям настоящего-прошедшего времени.

Данное причастие в шорском языке обозначает качество, состояние или действие, относящееся к прошлому (иногда к настоящему); например: *парган кижии – ушедший человек, ушкан агаши – упавшее дерево, кийген төнъеши – сгоревший пень* и т.д.

Рассмотрим еще несколько примеров:

Черге *түйшкен* торумны нем чип салды – упавшие на землю кедровые шишки съедены бурундуком;

Эртенги *тарткан* чазын Кызыл иирде пожадыбыскан – утром натянутый лук лишь вечером спустил (красным вечером, т.е. на закате солнца) и т.д. [62, с.35].

Следует отметить, что согласный *-g* причастного аффикса на *-gan* после основ на гласный может выпадать и заменяться долгой гласной; например:

Сарнаан сарын = сарнаган сарын – пропетая песня; терень узуун = узган усканды крепко (глубоко спавший пронулся) и т.д. [62, с.36].

Отрицательная форма причастия на –ган в шорском языке образуется посредством аффикса –паан/-пеен/-баан/-беен/-маан/-меен. Отметим, что вышеприведенные отрицательные аффиксы являются сокращенной формой от –баган/-беген/-паган/-пеген/-маган/-меген: парбаан, килбеен, мўнмеен и т.д.

Небезынтересно отметить, что форма на –паан/-баан/-маан/ иногда выступает в качестве отрицательного деепричастия. Например:

Тек черге тем ыспаан парарыр – напрасно не теряя времени, поеду я;

Пир катнап пис ачамма эртен тура эрте шай ишпеен көрүктөп шыктыбыс – Однажды мы с братом утром рано, не напившись чая, пошли охотиться на бурундуков и т.д. [62, с.37].

Примечателен тот факт, что в хакасском языке также наличествует отрицательная деепричастная форма на –паан/-баан/-маан/, но только в несколько иной фонетической форме, а именно: -тин/-бин/-мин. Ср.:

хакасский язык – *пирда ниме чоохтабин, парбысты – ничего не говоря, ушел* и т.д.

В шорском языке, подобно тюркским языкам кыпчакской группы, причастный аффикс на –ган, принимая аффиксы сказуемости образует прошедшее время глагола – сен келгензинь, силер паганзаар и т.д.

Отметим, что посредством отрицательной формы причастия на –ган в шорском языке образуются сложные глаголы – парбаан салган и т.д.

В чулымско-тюркском языке причастие прошедшего времени образуется с помощью аффикса –ган/ -кан; -гән/ -кән. Следует отметить, что при присоединении данных аффиксов к основам, оканчивающимся на гласный звук, согласные к, г причастного аффикса выпадают.

В результате этого, образуется стяженный вариант причастного аффикса: *сана:н* – прочитанный, *ти:ннен киж* – белковавший человек и т.д.

Причастная форма на *-gan* в чулымско-тюркском языке подобно другим тюркским языкам, выступает в предикативной и атрибутивной функциях. Исследуемая причастная форма выступает в предложении в качестве синтаксического предиката. Например:

Валә сыкта:н чаткан, ата:зы соккан – Валя плакала, лежала, отец ее побил и т.д.

Отметим, что в аналогичной функции причастная форма на *-gan* употребляется также и в аналитических конструкциях: *а:нын кучу көп азачты ол нүгүн асхан* – У него много сил, он деревья согнул.

Причастная форма на *-gan* в чулымско-тюркском языке выступает, как мы отмечали выше, в атрибутивной функции: *Чомак ысхан киж* – человек, рассказывающий сказки и т.д.

Рассматриваемая причастная форма, субстантивирываясь, может принимать аффиксы числа, падежей и принадлежности. В данном случае, это причастие выступает в роли дополнения, подлежащего и обстоятельства. Например:

Кәлгәйнәр о:луртурлар се:не көрге:джеләр – Пришедшие сидят, тебя видеть хотят;

Кәлгәйнәрге айдаргә гәрәк – Пришедшим сказать надо и т.д.

Причастие на -gan в тюркских языках киргизско-кыпчакской группы.

В ойротском (алтайском языке) причастная форма на *-gan* имеет следующие фонетические варианты:

-кан/-кен – туткан, кечкен;

-ган/-ген – барган, келген;

-кон/-көн, -гон/-гөн.

Как видим, в ойротском языке данная причастная форма имеет варианты как для основ глухими согласными, так и для основ со звонкими согласными. Помимо этого, наличествует также вариант с широкими губными гласными *o* и *ö*. Наличие в ойротском языке варианта с губными гласными рассматриваемой причастной формы объясняется, на наш взгляд, наибольшей степенью проявления в данном языке закона губной гармонии гласных.

По этому поводу примечательно высказывание А.Э. Мешадиевой: «Закон губной гармонии гласных проявляется в наибольшей степени в киргизском и якутском языках...». Далее отмечает: «Далее по мере убывания следуют другие тюркские языки: алтайский, башкирский, ногайский...» [121, с.215].

В ойротском языке причастная форма на *-ган* является причастием настоящего-прошедшего времени. Причастная форма на *-ган* в данном языке обозначает процесс, который начал совершаться в прошлом, и продолжается в настоящем. Помимо этого, она обозначает процесс или признак какого-либо предмета; например: *кийген кийим – одежда, которую я носил, ношу* и т.д.

Интересно также указать, что рассматриваемая причастная форма в ойротском (алтайском) языке сочетается с частицей сравнения *-дый*:

Эрмектенип тургажын, суу шылырап аккандый – Когда говорит, будто вода журчит и т.д. [61, с.146].

Подобно тюркским языкам кыпчакской группы, в ойротском языке посредством причастия на *-ган* образуется прошедшее время глагола.

Отметим, что при помощи отрицательной формы этой причастной формы в ойротском языке образуются некоторые сложные глагольные формы. Рассмотрим несколько примеров:

Келбеген дъат – видимо, он приехал; келбеген дъадылар – по-видимому, они приехали и т.д. [61, с.146-147].

А теперь рассмотрим особенности причастной формы на *-gan* в диалектах алтайского языка.

В кумандинском диалекте алтайского языка причастие на *-gan* имеет следующие фонетические варианты: *-ган/-ген; -кан/-кен; -ан/-ен* и относится к причастиям прошедшего времени. Исследуемая причастная форма в данном диалекте алтайского языка в основном выступает в качестве определения, сказуемого, подлежащего и дополнения. Отметим, что причастная форма на *-gan* в кумандинском диалекте алтайского языка в отрицательной форме выступает преимущественно в роли сказуемого. Например:

Кöсте келген кижи, тёрньанза бар – В гости пришедший человек, иди на почетное место (в роли определения);

Алар анны сүүге салара санап алганар – Они решили утопить его в реке (в роли сказуемого);

Очораным - ойдык, тепкеним – тевир тепкиш (ээр) – то, на чем сижу – углубление, то, что топчу ногой, железная лестница (седло);

Ол бир даа айтпанынзаан – он ничего не сказал (отриц. ф. – в роли сказуемого) [27, с.12-13].

Таким образом, сравнительный анализ причастной формы на *-gan/-an* в современных тюркских языках приводит нас к следующим выводам:

Причастные аффиксы в современных тюркских языках выполняют важную роль в образовании временных аффиксов и при словообразовании.

С древнетюркского периода причастный аффикс на *-gan* в древних и современных тюркских языках выполнял различные функции и являлся одним из наиболее распространенных причастных аффиксов.

К основным функциям аффикса на *-gan/-an* в тюркских языках относятся:

- 1) образование существительных;
- 2) --- причастий;
- 3) --- времен глагола;
- 4) --- грамматических аффиксов;
- 5) --- сложных глаголов.

Причастный аффикс на *-gan* еще с периода пратюркского языка первоначально выступал в качестве причастия, позднее образовывал существительные от глагольных основ.

Причастная форма на *-gan/-an*, отличающаяся многофункциональностью, является наиболее широко распространенной и употребительной в современных тюркских языках. При помощи рассматриваемого причастного аффикса образуются не только причастия в тюркских языках, но и форма прошедшего времени глагола в тюркских языках кыпчакской и уйгурской групп.

В большинстве современных тюркских языках причастная форма на *-gan/-an* выражает прошедшее время.

В шорском и ойротском языках причастная форма на *-gan/-an* относится к причастиям настоящего-будущего времени

Примечательно, что подобно тюркским языкам кыпчакской группы, в ойротском языке посредством причастия на *-gan* образуется прошедшее время глагола.

Для тюркских языков огузской группы характерен фонетический вариант на –*an*. В тюркских языках огузской группы, за исключением туркменского, причастная форма на –*an* передает значение настоящего времени.

Причастная форма на –*an* передает значение настоящего времени также и в чувашском языке.

В огузских языках причастный аффикс на –*an* образует причастия и существительные от глагольных основ.

Следует также отметить, что фонетический вариант на –*gan* в огузских языках используется при образовании имен существительных.

В современных тюркских языках огузской группы, форма на –*gan* перешла в разряд имен существительных и прилагательных. Но, несмотря на это, в письменных памятниках XVI, XVIII, XIX вв. данных языков, рассматриваемый фонетический вариант –*gan* выступал в качестве причастия: *ačulyan-* *открывшийся*, *qalyan-* *оставшийся* и т.д.

Причастная форма на –*gan* в тюркских языках, присоединяя к себе другие грамматические аффиксы, образует деепричастия (*-ганда/-анда*).

В чувашском языке причастие на –*an* не сочетается с послелогоми, служебными именами и не принимает аффиксов принадлежности и падежных аффиксов. Данная причастная форма в чувашском языке может иногда принимать падежные аффиксы лишь в отрицательном аспекте; *Ватта хывмана халал тухман (посл.) – Кто не почитает старших, тому не бывает счастья.*

Как известно, причастная форма на –*gan* в фонетическом варианте на –*an* встречается преимущественно в тюркских языках огузской группы. Однако в некоторых смешанных туркмено-каракалпакских говорах каракал-

пакского языка можно встретить фонетический вариант данного причастия - *ан/- ен*. Например: *келен = келген – пришедший*.

Значение, передаваемое причастной формой на *-ан* в туркменском языке, отличается от значения таковой в остальных тюркских языках огузской группы. В туркменском языке причастная форма на *-ан*, подобно кыпчакским языкам, выражает значение прошедшего времени, тогда как в тюркских языках огузской группы исследуемая причастная форма передает значение настоящего, настоящего-будущего времени.

Обращает на себя внимание отрицательный аффикс, посредством которого образуется отрицательный аспект причастия на *-ан* в туркменском языке.

Так, отрицательный аспект причастной формы на *-ан* в туркменском языке образуется при помощи аффикса *-мадык/ -медик*, который не наблюдается ни в одном из тюркских языков огузской группы. Сравним: туркм. *гечирмедик*; азерб. *кеçиртәуән*; тур. *geçirtmeyen* и т.д.

Для наглядности составим таблицу фонетических вариантов причастной формы на *-ган/-ан* в некоторых современных тюркских языках:

Булгарская группа тюркских языков:

Чувашский язык

Огузская группа тюркских языков:

Гагаузский язык

Туркменский язык

*Турецкий язык
Азербайджанский*

Кыпчакская группа тюркских языков:

*Караимский
Карачаево-балкарский
Татарский
Башкирский
Ногайский
Каракалпакский
Казахский*

Карлукская группа тюркских языков:

*Узбекский
Уйгурский
Язык желтых уйгуров*

Уйгуро-огузская группа тюркских языков:

*Тувинский
Тофаларский
Якутский
Хакасский
Шорский
Язык чулымских татар
***Киргизско-кыпчакская группа тюркских
языков:****

Киргизский

Алтайский

Таблица 1. Фонетические варианты причастной формы на –gan/-an в современных тюркских языках

Булгарская группа тюркских языков	
<i>Чувашский</i>	<i>-an/-en</i>
Огузская группа тюркских языков	
<i>Гагаузский</i>	<i>-an/-en</i>
<i>Туркменский</i>	<i>-an/-en</i>
<i>Турецкий</i>	<i>-(y)an(y)/-en</i>
<i>Азербайджанский</i>	<i>-an/-en</i>
Кыпчакская группа тюркских языков	
<i>Караимский</i>	<i>-ган, -гян, -кан, -хан, -кян, -ган, -ген, -кан, -кен</i>
<i>Карачаево-балкарский</i>	<i>-гъан, -хан, -нъан, -ген, -нъен</i>
<i>Татарский</i>	<i>-ган/-гэн, -кан/ -кэн</i>
<i>Башкирский</i>	<i>-кан / -кэн; -ган /-гэн</i>
<i>Ногайский</i>	<i>-ган, -ген</i>
<i>Каракалпакский</i>	<i>-ган/ -ген</i>
<i>Казахский</i>	<i>-ган/ -ген, -кан/ -кен</i>
Карлукская группа тюркских языков	
<i>Узбекский</i>	<i>-ган/ -кен</i>
<i>Уйгурский</i>	<i>-ган/ -ген</i>
<i>Язык желтых уйгуров</i>	<i>-ган</i>
Уйгуро-огузская группа тюркских языков	

<i>Тувинский</i>	<i>–ган/ -кан</i>
<i>Тофаларский</i>	<i>–ган/-ген; -кан/-кен</i>
<i>Якутский</i>	-----
<i>Хакасский</i>	<i>-ган/-ген; -хан/-кен; –ан/-ен</i>
<i>Шорский</i>	<i>–ган/-ген; -кан/-кен</i>
<i>Язык чулымских татар</i>	<i>–ган/ -кан</i>
Киргизско-кыпчакская группа тюркских языков	
<i>Киргизский</i>	<i>-ган/-ген; -кан/-кен; -кон/-көн, -гон/-гөн.</i>
<i>Алтайский</i>	<i>-ган/-ген; -кан/-кен; -кон/-көн, -гон/-гөн.</i>

Как видим, причастная форма на *–ган/–ан* наблюдается почти во всех современных тюркских языках, кроме якутского.

Фонетический вариант с широкими губными гласными наблюдается лишь в киргизском и алтайском языках.

Наличие в данных языках варианта с губными гласными рассматриваемой причастной формы объясняется, как мы уже отмечали, наибольшей степенью проявления в данном языке закона губной гармонии гласных.

А теперь рассмотрим таблицу фонетических вариантов отрицательной формы причастия на *–ган/–ан* в тюркских языках.

Таблица 2. Фонетические варианты отрицательной формы причастия на *–ган/–ан* в современных тюркских языках

Булгарская группа тюркских языков	
<i>Чувашский</i>	-м
Огузская группа тюркских языков	
<i>Гагаузский</i>	-та/-те
<i>Туркменский</i>	-тадік/-медік
<i>Турецкий</i>	-та/-те
<i>Азербайджанский</i>	-та/-те
Кыпчакская группа тюркских языков	
<i>Караимский</i>	-ма
<i>Карачаево-балкарский</i>	-ма/-мә
<i>Татарский</i>	-ма/-мә
<i>Башкирский</i>	-ма/-мә
<i>Ногайский</i>	-ма/-ме/-ба/-бе/-па/-пе
<i>Каракалпакский</i>	-ма/-ме
<i>Казахский</i>	-ма/-ме/-ба/-бе/-па/-пе; емес; жок
Карлукская группа тюркских языков	
<i>Узбекский</i>	-ма/-ме
<i>Уйгурский</i>	-ми
Уйгуро-огузская группа тюркских языков	
<i>Тувинский</i>	-ба/-ва/-па/-ма
<i>Тофаларский</i>	-ба/-ва/-па/-ма
<i>Якутский</i>	-----
<i>Хакасский</i>	-паан/-пеен/-баан/-беен/-маан/-меен
<i>Шорский</i>	-паан/-пеен/-баан/-беен/-маан/-

	<i>меен</i>
Киргизско-кыпчакская группа тюркских языков	
<i>Киргизский</i>	<i>паган/-пеген/-погон/-пöгөн/-баган-беген/-богон/-бöгөн</i>
<i>Алтайский</i>	<i>-паган/-пеген/-погон/-пöгөн/-баган-беген/-богон/-бöгөн</i>

Как видим из таблицы, в туркменском языке, в отличие от других тюркских языков огузской группы, отрицательная форма причастия на *-ан* образуется посредством отрицательного аффикса на *-madik/-medik*.

Отрицательная форма с широкими губными гласными наблюдается лишь в киргизском и алтайском языках: *-паган/-пеген/-погон/-пöгөн/-баган-беген/-богон/-бöгөн*.

Причастие на $-ar^2$; $-ir^4$

Причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ наблюдается как в древних, так и современных тюркских языках, выполняя наряду с атрибутивными предикативные функции. Во многих современных тюркских языках случаи атрибутивного употребления причастия на $-ar^2$; $-ir^4$ весьма сокращаются, тогда, как использование его в предикативной функции все более широко распространено.

Как известно, в современных тюркских языках причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ имеет разное значение, различные фонетические варианты аффикса данного причастия. В настоящей монографии мы рассмотрим основные значения, сходные и отличительные особенности причастной формы на $-ar^2$; $-ir^4$ в современных тюркских

языках, в орхоно-енисейских памятниках и письменных памятниках тюркских языков.

В древнетюркском языке для образования причастия настоящего-будущего времени на $-ar^2$; $-ir^4$ используются чаще аффиксы с узким губным гласным ($-ur/ -ür$). Подобный факт наблюдается и в древнеуйгурском языке.

В древнетюркских памятниках форма на $-ar^2$; $-ir^4$ имеет две функции: присубъектного определения и *verbum finitum* – *körür közim – мой (все) видящий глаз; bilig bilmäs kici – невежественные люди* [96, с.31]. Исследуемая причастная форма в функции *verbum finitum* главным образом выражает постоянное, регулярное действие.

Некоторые ученые рассматривают причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ как вневременную форму, которая обозначает действие как признак, проявляющийся вне определенного времени (В.Л. Котвич, Г.И. Рамстедт). Подобное явление наблюдается в некоторых алтайских языках. К примеру, в тунгусском языке данная форма может передавать только что совершившееся действие. В корейском языке причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ выражает неограниченное временное значение.

В языке рунических надписей причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ встречается в определительных словосочетаниях. Это причастие в предложении наблюдается либо без зависимых слов, либо с собственными членами, а иногда в качестве центрального элемента причастного оборота.

Например: *körür közim körmäs täg bilir biligim bilmäs täg bolti – мои зрячие глаза словно перестали видеть, веций разум мой стал словно несведущим* [102, с.123].

В отдельных случаях данная форма сочетается с формой *ärikli* и наблюдается после определяемого слова.

Рассмотрим примеры: *Kültägin jäti otuz jašina qarlıq bodun äriüz barur ärikli jayı boltı* – *Когда Кюль-тегину было двадцать семь лет, народ карлуков, являющийся своевольным, стал врагом* [213, с.103].

Небезынтересно отметить, что в языке орхоно-енисейских памятников в основном наблюдается вариант с узким гласным, т.е. вариант *-ir⁴*. В языке орхоно-енисейских памятников данная причастная форма выполняет атрибутивную, субстантивную и предикативную функции. Здесь рассматриваемая причастная форма указывает на постоянство признака: *körür köz* – *видящие глаза* и т.д.

Помимо этого, причастие на *-ir⁴* обозначает также временной признак предмета, действие, которое началось в прошлом, но продолжается к моменту речи. Отметим, что в языке орхоно-енисейских памятников рассматриваемая причастная форма преимущественно употребляется в отрицательном аспекте. Примечательно также отметить, что в языке орхоно-енисейских памятников это причастие нередко употребляется в субстантивной функции. В тюркских языках такого рода субстантивированные причастия на *-ir⁴* нередко переходят в разряд имен существительных, например: азерб. *gəlir* – *прибыль*, *açar* – *ключ*, *şarar* – *голец* и т.д.

Как отмечает М.А. Ахметов, причастный аффикс *-ar²* встречается в языке орхоно-енисейских памятников 7 раз и выступает в качестве причастия настоящего времени.

Рассмотрим примеры: *Исиг күчиг бирүр төрүг – власть, дающая работу и силу; йүкүнүр күн – день поклонения* [13, с.98].

Здесь мы позволим себе не согласиться с мнением М.А. Ахметова относительно обозначения данным причастием настоящего времени. Как видно из приведенных

примеров, причастия, употребляемые в данных двух предложениях, обозначают не настоящее, а настоящее-будущее время, так как указывают на регулярность, постоянство действия, что присуще данному времени.

Случаи субстантивации причастий на $-ar^2$; $-ir^4$ незначительны: азерб. *yatır* – недвижимое имущество; турец. – *yazar* – писатель; к.-калп. – *orınbasar* – заместитель; кўнбатар – запад; узб. – *kunchikar* – восток и т.д. [218, с.170].

В современном турецком языке причастный аффикс на $-ar^2$; $-ir^4$ относится к причастиям настоящего-будущего времени. Например, *güler yüz, içilir su, olur iş, şaka bilmez adam* и т.д. [267, с.425].

Данное причастие в турецком языке в прямой речи, не принимая аффиксов принадлежности, выступает в роли сказуемого, а в составе главного предложения выступает в качестве прилагательного. Отметим, что посредством данного причастного аффикса в турецком языке образуется настоящее-будущее время глагола. В турецком языке рассматриваемое причастие в основном выражает действие, происходящее постоянно, регулярно. Рассмотрим примеры: *Bana söz vermişsiniz, sözünde durur bir erkek olduğunuzu bildiğim için hiç şüphe etmiyorum* – Вы дали мне слово, я совершенно не сомневаюсь, так как знала, что вы являетесь мужчиной, который держит свое слово [100, с.472].

Данная причастная форма наблюдается и в староосманском языке. В староосманском языке причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ имеет следующий фонетический вариант, а именно вариант $-ur/-ür$. Отрицательная форма исследуемого причастия в староосманском языке формируется посредством аффикса $-maz/-mez$. Причастная форма на $-ur/-ür$ в данном языке обозначает признак дейст-

вия, относящийся к настоящему или будущему времени. Приведем примеры: *zira bilür kişinün düşmanlığı bilməz kişinün dostligından jegdür* – *Потому что, враждебность знающего человека лучше, чем дружба невежественного человека* и т.д. [50, с.68].

Причастие на *-ir*⁴ в туркменском языке имеет иной фонетический вариант, а именно вариант *-ar/-er* и указывает на действие, происходящее в неопределенном будущем времени. Небезынтересно отметить, что аффикс данного причастия с начальным узким гласным *-i* главным образом наблюдается в старотуркменском письменном языке. В современном туркменском языке фонетический вариант *-ir*⁴ данного причастия не встречается.

В современном туркменском языке причастие на *-ar/-er* употребляется редко. В основном, данная причастная форма наблюдается в фольклоре. В некоторых случаях рассматриваемая причастная форма указывает на свойство предмета. Подобное явление наблюдается почти во всех тюркских языках.

Рассмотрим примеры: тур. *güler yüz* – *приветливое, улыбающееся лицо*, *akar su* – *проточная вода*; азерб. *gülər üz*, *axar su*, туркм. *акар сув*, *гүлер йүз*. Как видно из примеров слова *güler*, *akar* указывают на свойство данного предмета.

Причастие на *-ar/-er* в туркменском языке принимает аффиксы дательного и исходного падежей, а также некоторые аффиксы лица. Рассмотрим примеры: *гидере ерим* – *мое место, куда бы я мог пойти*; *гидерден гич* – *уже поздно идти*.

Отметим, что данное причастие с аффиксом дательного падежа наблюдается и в повторном виде. В результате получается сочетание с близкими по значению словами.

Например: *Дайысынын йере-ичере, сатара-совара зады галманды – У его дяди не осталось ничего попить-поесть, продать - сбыть* (Б. Кербабаяев, Решающий шаг).

Примечателен тот факт, что отрицательная форма причастия на *-ar/-er –maz/ -mez* употребляется относительно часто. Например: *анмаз адам – не осознающий человек, тукенmez дерт – бесконечная беда* и т.д.

В туркменском языке весьма часто употребляется удвоенное сочетание причастия на *-ar/-er*, где первое слово выступает в положительной форме, второе – в отрицательной. Рассмотрим примеры: *болар-болмаз – бесполезный, сызылар-сызылмаз – еле заметный* и т.д.

Небезынтересно отметить, что в карачаево-балкарском языке подобное удвоенное сочетание причастия на *-ar/-er* не выступает в определительной функции. Это сочетание главным образом выступает в роли обстоятельства времени, т.е. данная форма в предложении не обладает определительными признаками. Например: *Хасан юйге джетер-джетmez анасын сорду – Как только Хасан доехал домой, справился о матери.*

Отметим, что данное удвоенное сочетание *-ar/ -maz²* в некоторых тюркских языках является деепричастием.

В письменных памятниках туркменского языка также встречается причастие настоящего-будущего времени *-ar²*. В отличие от современного туркменского языка, в письменных памятниках данное причастие широко распространено: *Менин хабарымны кенганга элтер киши болгаймынан? – Найдется ли человек, который донес бы весть обо мне в Кенган?* [52, с.17].

Рассмотрим пример на отрицательную форму данного причастия: *тукенmez сөвдалар салды башыма – Нескончаемые беды обрушил на мою голову* [там же, с.11].

Отметим, что в письменных памятниках туркменского языка причастия на $-ar^2$ в дательном падеже выступают в качестве инфинитива: например; *ятара ер – место для того, чтобы спать, окара китап – книга для чтения* и т.д.

В гагаузском языке причастия $-ar^2$; $-ir^4$ в самостоятельном употреблении обычно принимают аффиксы множественного числа, принадлежности и падежей и относятся к настоящему-будущему времени. В гагаузском языке исследуемая причастная форма считается наименее употребительной и не может субстантивироваться. Необходимо подчеркнуть, что данная причастная форма в гагаузском языке образуется только посредством аффиксов с широкими гласными ($-p$, $-ap$, $\ddot{a}p$), например: *акар-текущий, гидәр – уходящий* и т.д. Отрицательный аспект образуется посредством аффиксов $-маз/-мез$. В современном гагаузском языке причастия $-ar^2$, подобно другим тюркским языкам, выполняет атрибутивную и предикативную функции. Например: *акар су - текущая вода и су акар – вода течет* и т.д. [151, с.123].

Интересно отметить, что это причастие в гагаузском языке преимущественно употребляется в языке поэтических произведений. Например:

*Сундурмайа пиндирдиләр,
Калкмаз дөшеклерä
Бени дүшүрдүлар (тюркю)*

*На террасу (меня) подняли,
На смертное ложе меня опустили*

[150, с.233-234].

Причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ в азербайджанском языке, в отличие от других причастий, почти не принимает падежных аффиксов. Это объясняется тем, что данная причастная форма в основном указывает на признак предмета или субъекта. Вследствие этого, причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ в азербайджанском языке намного ближе к прилагательному, чем другие причастия: *axar su* –текучая вода и т.д.

Отметим, что данная причастная форма в современном азербайджанском языке малоупотребительна. В современном азербайджанском языке довольно широко распространена отрицательная форма рассматриваемой причастной формы *-maz/-məz*.

По этому поводу примечательно высказывание В. Алиева: «Это отчасти следует объяснить тем, что процесс грамматизации причастия на $-ar^2$ начался в азербайджанском языке относительно рано: данная форма рано начала применяться специально в предикативной функции, став формой времени» [6, с.51].

В азербайджанском языке иногда наблюдаются случаи перехода данной причастной формы в разряд имен существительных. При помощи причастного аффикса $-ar^2$; *-maz/-məz* в азербайджанском языке образованы некоторые собственные имена существительные – *Anar, Sevər, Yaşar, Qorxmaz, Solmaz* и т.д.

В современном азербайджанском языке причастие на $-ar^2$ принимая аффиксы местного падежа данная причастная форма, выступает в качестве дополнения или обстоятельства. Рассматриваемое причастие в азербайджанском языке в предложении главным образом выступает или в роли определения, или подлежащего.

Рассмотрим примеры: *Uçarda turaçdır, qaçarda ceuran* (С. Вургун); *Keçilməz dağ kimi kəsdik yolunu* (М. Рагим) [256, с.378].

В староазербайджанском языке причастная форма на $-ar^2$ обозначает неопределенное время. В большинстве случаев, данная форма характеризует предмет. Рассмотрим примеры:

Yanar od olub çəküb zəbanə (Физули)

Su basar yerlərdə onlar zəmi qayırlar

(Басиретуль Этфаль) [255, с.275].

Примечательно отметить, что причастие $-ar^2$ в восточнотуркестанском языке является одной из употребительных причастных форм. Это причастие выступает как в атрибутивной функции, так и в качестве предиката. Приведем примеры: *körür köz* - *видящие глаза*; *Мэн эмти öljrmän* – *я теперь умираю*; *дост тутармән* - *другом почитаю* [216, с.135].

В восточнотуркестанском языке отрицательная форма причастия настоящего-будущего времени главным образом наблюдается с глухим конечным согласным – *c/ - mac* - *тутмасмән* – *не держу*, *ол бармас* – *он не идет* [216, с.136].

В некоторых тюркских языках данный причастный аффикс наблюдается также в составе собственных имен, названий деревень. Например: *Anar, Yaşar, Solmaz, Qorxmaz, Ayıbasar* и т.д.

Причастие на $-ir^4$ выступая в предикативной функции в языке орхоно-енисейских памятников, обозначает настоящее и будущее время. Приведем примеры: *өд тенри йасар* – *время распределяет небо*; *йагы кәлүр* – *враги идут* и т.д.

Причастная форма $-ar^2$ встречается также в языке желтых уйгуров и относится к причастиям будущего времени. Отметим, что в языке желтых уйгуров рассматриваемый причастный аффикс встречается лишь с широкими гласными $-a/ -e$, т.е. вариантов с узкими гласными $-ы^4$ в данном языке не зарегистрировано. Например: *сатар тавар - шелк, который продадут, кайнар су – вода, которая закипит* [185, с.33].

Как видно из примеров, причастие на $-ar^2$ в языке желтых уйгуров в отличие от других тюркских языков обозначает не настоящее-будущее время, а лишь будущее время; т.е. слово *сатар* переводится не как *продается*, а как *продадут*, слово *кайнар* – не как *кипящая*, а как *закипит* и т.д.

Причастная форма на $-ar^2; -ir^4$ в языке тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. употребляется два фонетических варианта, а именно вариант с широкими и с узкими гласными. Данная причастная форма в рассматриваемых рукописях главным образом встречается в субстантивированном значении в качестве предикативного элемента предложения. Причастие на $-ar^2; -ir^4$ в языке тюркских памятников уйгурского письма довольно редко наблюдается в определительной функции. Отрицательный аспект рассматриваемого причастия имеет идентичный общетюркский аффикс $-маз/-мез$. Например: *йорымаз* и т.д. Выступая в определительной функции причастная форма $-ar^2; -ir^4$ в исследуемых памятниках представляют собой причастие. Рассмотрим примеры:

*Баһыллыкны каны өгэр мул, кайу?
Где язык, хвалящий жадность, где?*

Тэвазу кылыгыны көтрүр иди

*Тэкэббур тутар эрни кэмишур коды
Проявляющего смирение господь
возвышает,
(Но) мужа, проявляющего гордость,
отбрасывает вниз [143, с.62].*

Необходимо отметить, что данная причастная форма, принимая падежные аффиксы эквивалентно деепричастию и в основном, выражает последовательность, одновременность действия.

В хакасском языке причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ относится к причастиям будущего времени. В данном языке это причастие имеет лишь вариант с широкими гласными $-ar^2$: *инер палых – рыба, которая будет спускаться вниз; узуйар палалар – дети, которые будут спать* и т.д.

Отметим, что фонетический вариант с узким гласным $-ir$ встречается в редуцированных причастных формах, например: *узир – узуйар; төлир – төлейер* и т.д. Отрицательная форма рассматриваемого причастия в хакасском языке образуется посредством аффиксов $-bas/-bes$; $-nas/-nes$; $-mas/-mes$: *таснас суз – река, которая не будет разливаться, төлебес ахча – деньги, которыми не будут платить* и т.д.

В хакасском языке причастная форма на $-ar^2$ может субстантивироваться и обозначать имена действия. Помимо этого, эта форма принимает в хакасском языке аффиксы принадлежности, падежей и числа. Например: *мал өскірегі – выращивание скота, чол тыхтыри – ремонт дороги* и т.д.

Примечателен тот факт, что в хакасском языке рассматриваемая причастная форма, принимая некоторые падежные аффиксы, может выражать действие прошед-

шего времени. Например: *Пулут аралі кўн көрерде, Пус алтынан суз ізерде... Когда солнце смотрело сквозь тучи, когда пили воду из-подо льда...*[49, с.236].

Небезынтересно также отметить, что причастная форма на $-ar^2$ лишь в якутском языке способна выражать значение прошедшего времени.

Присоединяя к себе аффиксы принадлежности и исходного падежа, причастная форма на $-ar^2$, выступая в качестве сказуемого придаточного предложения, выражает действие, предшествующее действию, выраженному сказуемым главного предложения, например: *Сала чаг-дирларынан, часовой тажаан... - Как только они чуть приблизились, часовой кракнул...*[49, с.236].

Примечателен также факт, что данная причастная форма в хакасском языке, присоединяя аффиксы исходного падежа, но без аффикса принадлежности в составе придаточного предложения выражает действие, которое считается невозможным с точки зрения совершения или несовершения действия, выраженного сказуемым главного предложения.

Рассмотрим примеры: *Хазаахпах халардан, туралар даа ун талган иділген – Где там остаться надворным постройкам, когда даже дома были превращены в муку...*[49, с.237].

В тофаларском языке причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ имеет варианты, как с широкими, так и узкими гласными и относится к причастиям будущего времени. Отрицательная форма данного причастия образуется при помощи аффиксов *-бас/-бес*; *-нас/-нес*; *-вас/-вес*: *барбас – бар – пойти*; *чору – ехать – чорувас* и т.д.

Исследуемая причастная форма в тофаларском языке главным образом выражает действие, которое совершится в будущем. Однако, примечательно отметить, что в

тофаларском языке, в отличие от других тюркских языков, в действии, выражаемым данным причастием, наблюдается оттенок категоричности, достоверности, в то время как в других тюркских языках в действии, выражаемом причастием на ar^2 ; $-ir^4$ присутствует оттенок неопределенности, повторяемости.

Рассмотрим примеры: тоф.яз – *санаар киши* – человек, который будет читать, *ынаары барбас киши* – человек, который туда не пойдет [163, с.195]; тур. – *oraya gitmez kişi* – человек, который обычно не идет туда, *okur kişi* – читающий человек; тат. – *янар тау* – горящая гора, *вулкан, очар кош* – крылатая птица [180, с.213-214].

Как видим, в остальных тюркских языках в действиях, выражаемых причастной формой на $-ar^2$; $-ir^4$ присутствует оттенок повторяемости, регулярности.

Данное причастие в тофаларском языке нередко выражает также свойство предмета, лица: *төдү билир киши* – человек, знающий все, *шиип шыдар киши* – человек, могущий писать [163, с.195].

Интересно отметить, что в тофаларском языке рассматриваемое причастие очень часто используется в составных словах.

Например: *уьһяр чжуме* – птицы (т.е. летающие существа); *чунар өг* – баня, *өөренір өг* – школа и т.д. [там же, с.195].

Причастие будущего времени на ar^2 ; $-ir^4$ в тофаларском языке, подобно другим тюркским языкам, может субстантивироваться и выражать имена действия, принимая аффиксы падежей и принадлежности. Например: *кылырында ус* – он мастер делать; *сундан коьртпасы эккі*, *һайадан коьрһары эккі (посл.)* – не бояться воды хорошо, бояться скалы – хорошо и т.д. [163, с.195].

В синтаксическом отношении данная причастная форма в тофаларском языке обычно выступает в качестве определения, сказуемого: *кайнаары та чорувас киши – человек, который никуда не пойдет; кайнаары та чорувас мен – я никуда не поеду* и т.д.

Как видно из примеров, в тофаларском языке причастие будущего времени на $-ar^2$; $-ir^4$ выполняет в предложении как атрибутивную, так и предикативную функции.

Отметим также, что исследуемое причастие в тофаларском языке, принимая аффиксы падежей, выступает в роли сказуемого придаточных предложений, например: *он келирге сода – скажи, когда он придет* и т. д. [163, с.196].

Относительно татарского языка, отметим, что причастие на ar^2 ; $-ir^4$ является причастием будущего времени. Это причастие в татарском языке имеет варианты, как с широкими, так и узкими гласными. Отрицательный аспект данного причастия формируется посредством аффикса $-мас/ -мәс$ – *сулмас гөл, шинмәс чәчәк – не вянущие цветы, какшамас дуслык – нерушимая дружба* и т.д.

Причастие на ar^2 ; $-ir^4$ в татарском языке выражает настоящее-будущее время или будущее время.

Отметим, что рассматриваемое причастие в татарском языке, субстантивируясь, используется в основном в пословицах – *тыяры юк туйга киткән – тот, которому некому запретить, ушел на свадьбу; Ашарын әзер, эчәрен әзер. Өстен-башын бөтен – Есть-пить для тебя приготовлено. Одежда цела* и т.д. [175, с.251].

Примечательно также отметить, что в современном татарском языке глагольное имя на $-р$ употребляется редко. Вместо него употребляется причастие будущего времени на $-ачак/ -әчәк$.

Принимая падежные аффиксы, причастие на ar^2 ; $-ir^4$ в татарском языке может выступать в роли имени действия. Рассмотрим примеры: а) в направительном падеже - *менә бусы салып ятырыгызга диде ул, төргәктән өч мөндәр...чыгарып* – *А это вам под голову, сказала она, доставая из узла три подушки* и т.д.; б) в исходном падеже – *гарипнен кайтырыннан фал карасын* – *Пусть по книге судьбы загадает о возвращении скитальца* и т.д. [180, с.214].

Отметим, что в современном татарском языке данное причастие не принимает аффиксов притяжательного и местно-временного падежей.

Однако в старотатарском языке нередко наблюдаются случаи употребления данного причастия в притяжательном и местном падежах, например: *Бу угылы ул инәкне илтәрдә...* *Когда его сын повел эту корову* [180, с.214].

Небезынтересно отметить, что причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ в татарском языке, сочетаясь с некоторыми падежными аффиксами, употребляется в качестве инфинитива (*ергә, арга - әргә*); деепричастия (*мастан – отриц. ф. причастия ar^2 ; $-ir^4$ + аффикс исходного падежа*).

Рассмотрим примеры: *төн буена туктамастан тышта апак кар ява* – *А на улице не переставая, валит снег* и т.д. [180, с.215].

В каракалпакском языке причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ является причастием будущего времени и в основном образуется посредством варианта аффикса с широкими гласными ar^2 . Варианты аффиксов с узкими гласными ($-ir^4$) присущи лишь некоторым глаголам бытия: *турур, джатыр* и т.д.

В современном каракалпакском языке данная причастная форма имеет следующие значения: а) значение

обычно совершающегося действия: *Адам адамгъа усар, мал малгъа усар* – человек на человека, а скотина на скотину бывают похожи.

Как видим, эта причастная форма имеет сходное значение с настояще-будущим временем и может выступать в качестве предиката – *алар* – *алады* и т.д.

Причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ в каракалпакском языке, подобно другим тюркским языкам, выступает также в качестве определения: *ёлер джер* – *уязвимое место* и т.д.

В каракалпакском языке рассматриваемая причастная форма нередко сочетается с модальными частицами *екен* и *еди*.

Так, например, сочетаясь с модальной частицей *екен* причастие на $-ar^2$; $-ir^4$, обозначает действие, результат совершения которого неизвестно говорящему; *мен огъан не айтар екен мен* – *что же я ему скажу* [24, с.427].

Сочетаясь же с модальной частицей *еди*, выступает в роли условно-сослагательного наклонения: *айгерде мен мунынъ менен къутулсам джакъсы болар еди* – *если бы мне избавиться от этого, вот хорошо было бы* [24, с.428].

Нередко эта причастная форма в каракалпакском языке встречается в парных сочетаниях: *кирер* – *шыгъар авыз ашты* – *он прорубил отверстие, дверь*; *тойар тойма авкъат* – *не сытный и не голодный обед* и т.д.

Отрицательная форма причастия на $-ar^2$; $-ir^4$ в каракалпакском языке образуется посредством аффикса – *мас/-мес*; *-бас/-бес*; *-пас/-пес*: *жанъылмас жакъ* – *непобедимая сторона* и т.д.

Данная причастная форма наблюдается также и в письменных памятниках каракалпакского языка и выражает настоящее-будущее время. Отметим, что причастие

на $-ar^2$; $-ir^4$ главным образом функционирует в качестве сказуемого и может принимать аффиксы лица. Например: *кутулар-будет спасен, кетэрман – я ухожу, алдырыр – заставит отнять* и т.д. [202, с.22].

Причастная форма на ar^2 ; $-ir^4$ в письменных памятниках каракалпакского языка имеет два фонетических варианта, а именно варианты с широкими и узкими гласными (*-ар, -эр/ер, -ур, -үр, -ыр, -ир, -йэр, -йур, -ыр*). Отрицательный аспект данного причастия формируется посредством аффикса *-мас/ -мэс*.

В узбекском языке причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ также может употребляться в значении имени действия. Данная причастная форма имеет признаки глагольности: время, залог и т.д. Это причастие в некоторых конструкциях называет действие. Например: *Кунчикар томонга, деразалар тагига икки катор (машина) урнатинг – На солнечной стороне, под окнами выстройте в два ряда машины* и т.д. [212, с.14].

В современном узбекском языке причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$, выступая в определительной функции, обозначает будущее время. Отметим, что данная причастная форма в современном узбекском языке в определительной функции употребляется редко. В основном это причастие заменяется причастием на *-диган*: *укир – умеющий читать, который будет читать*. Рассматриваемая причастная форма преимущественно наблюдается в устойчивых сочетаниях – *окар сув – проточная вода, улмас шоир – бессмертный поэт* [101, с.239].

Подобно узбекскому языку, в уйгурском языке причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ употребляется в основном в составе устойчивых сочетаний - *келэр жил – будущий год* и т.д. [141, с.91].

Небезынтересно отметить, что в уйгурском языке данная причастная форма, принимая аффикс *-лик*, образует прилагательные со значением достаточности и недостаточности: *йетәрлик пул – достаточные деньги, йетмәслиги малум – известно, что не хватит* и т.д. [141, с.91].

В староузбекском языке причастная форма на *-ar²; -ir⁴* выражает в основном настоящее-будущее время и выступает преимущественно в качестве предиката.

Например: *алурбїз – возьмем, билїурмән – знаю* и т.д. [217, с.145].

Это причастие в староузбекском языке нередко сочетается со вспомогательным глаголом *-эр – быть*. Например: *сахлар әмиш – оказывается, бережет, көргүзүр эрди – он показывал* [217, с.145].

Помимо этого, в данном языке наблюдается слитное написание рассматриваемого причастия со вспомогательным глаголом – *јүрүрди – он хо дил, јүрүр эрди* и т.д.

Подобное явление наблюдается и в орхонских памятниках древнетюркской письменности VIII в., где данная причастная форма сочетается с вспомогательным глаголом *ер*, который принимает аффиксы лица. Например, *Табгач кірүр ерті – Он вошел к табгачам* и т.д. [3, с.211].

На наш взгляд, данная причастная форма, сочетаясь с вспомогательным глаголом *ер* в орхонских памятниках и в староузбекском языке, выступает в качестве глагола, а не причастия.

Отметим, что в староузбекском языке причастная форма на *-ar²; -ir⁴* может принимать аффиксы принадлежности – *барурумда іхтіјарім јоктур – желания идти у меня нет* [217, с.146].

Рассматриваемый причастный аффикс, выступая в данном языке в качестве подлежащего и дополнения, мо-

жет принимать падежные аффиксы. Рассмотрим примеры: *јѣтмѣсдѣн бурун – прежде, чем достигнет; намаз ајтурда – при чтении намаза* и т.д.

В староузбекском языке данная причастная форма нередко употребляется в составе определительных словосочетаний, а также образует форму настоящего времени глагола: *ајтур сѳзнѣ ајт – слово, которое можно сказать, говорить* (определятельное словосочетание); *сѳвѣрѣйм – люблю, коркарам – боюсь* и т.д.

Отрицательная форма причастной формы на $-ar^2$; $-ir^4$ в рассматриваемом языке образуется при помощи общетюркского аффикса $-mas/-mäs$: *јѣбѣрмѣс – не пошлем* и т.д. Необходимо также отметить, что подобно современным тюркским языкам, в староузбекском языке наблюдается сочетание положительной и отрицательной форм. Данной формой обычно передается значение неполноценности действия – *кѣн чѣкар чѣкмасѣда – когда солнце едва вошло* и т.д. [217, с.147].

В башкирском языке причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ относится причастиям будущего времени. Отметим, что данное причастие в башкирском языке имеет также фонетический вариант с губными гласными: *-or;/-ör- тотор, тот, который схватит, кѣлдѣрѣр – тот, который расшвыт* и т.д. [56, с.191].

Рассматриваемая причастная форма, употребляясь с послелогом *ѳсѳн*, передает целевой оттенок: *торор ѳсѳн – чтобы жить, для проживания* и т.д.

Подобно другим тюркским языкам, в башкирском языке некоторые причастия на $-ar^2$; $-ir^4$ перешли в разряд имен существительных: *килер – доход*, (ср. азерб. *gəlir*, тур.- *gelir*); *имѣрзѣр – млекопитающее* и т.д.

Исследуемое причастие в башкирском языке принимает также аффикс $-лык$: *ѣтерлек – достаточный*,

һауығырлык - излечимый, емерел-мәслек (нерушимый) и т.д. [56, с.192].

В ойротском языке причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ является причастием настоящего-будущего времени. Данная причастная форма выражает преимущественно функцию, присущую определенному предмету, а также выражает признак, присущий предмету: *учар куш – пернатые птицы; келер айылчы - гость, который приедет, приезжает и т.д.*

Причастие на $-ar^2$; $-ir^4$, употребляемое одновременно в положительной и отрицательной формах, выражает медленность и неуверенность совершенного действия. Рассмотрим примеры: *агар акпас суу – медленно текущая вода, барар баспас салып отурды – он едва шел и т.д. [61, с.148].*

В чалканском диалекте алтайского языка причастия подразделяются на 3 группы: а) причастия изъявительного наклонения; б) причастия повелительно-желательного наклонения; в) причастия условного наклонения.

Причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ в чалканском диалекте алтайского языка относится к причастиям изъявительного наклонения и имеет следующие фонетические варианты: *- ар/ -эр, -р, -ыр/-ир*. Отрицательный аспект образуется посредством аффиксов – *мас/-мес; -бас/-бес, -пас/-пес, -гас/-гес*.

Рассмотрим примеры: *анда сеень ырызынь пойы келер – тогда твое счастье само придет; сен барзань мен гьат каларым - если ты пойдешь, то я лежать останусь; суга чөкпөс отка күйбес / көлөткө - в воде не тонет, в огне не горит (тень) и т.д. [28, с.44].*

Как видим, в первых двух примерах причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ больше напоминает форму настоящего-будущего времени глагола, чем причастия. В пос-

леднем примере рассматриваемое причастие наблюдается в отрицательном аспекте и имеет причастное значение.

Таким образом, из этого следует, что в чалканском диалекте алтайского языка причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ в утвердительной форме главным образом в качестве причастия не употребляется, а наблюдается лишь в составе аффиксов настоящего-будущего времени. В качестве причастия данная причастная форма выступает лишь в отрицательном аспекте.

Рассмотрим данное причастие еще в одном диалекте алтайского языка. В кумандинском диалекте алтайского языка причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ выражает действие или состояние предмета, лица. Это причастие в кумандинском диалекте обычно выступает в предложении в качестве определения и сказуемого. Отметим, что эта причастная форма в предложении и словосочетаниях может заменять имена действия.

Примечательно также отметить, что причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ в рассматриваемом диалекте алтайского языка принимая аффикс направительного падежа, соответствует инфинитиву.

Рассмотрим примеры: *айдар сөсинь нар – у тебя есть слова, которые ты можешь сказать* (в функции определения); *Ды кем эме барар анар? – Ну кто теперь пойдет туда?* (в функции сказуемого); *өлөри көп, өсөри ас – Многие из них умирают, мало из них растет* (в функции подлежащего); *Беш тастракай келди, Карамонъысты өлтүрес (өлтүрүрге) – пришли пять тастаракаев убить Карамоньса* [27, с.11].

Отрицательная форма этого причастия образуется в данном диалекте посредством аффиксов $-нас/-нос$; $-бас/-бос$.

Как видно, в кумандинском диалекте алтайского языка, в отличие от чалканского диалекта отрицательная форма причастия на $-ar^2$; $-ir^4$ имеет лишь два фонетических варианта, тогда как в чалканском диалекте отрицательный аспект формируется при помощи четырёх фонетических варианта аффикса – *мас/ -мес; -бас/-бес, -пас/-пес, -гас/-гес*. Приведем примеры: *Тил онънотпос ньонну болды; тўк онънотпос малу болды – Разноязычный народ у него был; Разношерстный скот у него был* [27, с.11].

Характерной особенностью причастия на $-ar^2$; $-ir^4$ в казахском языке является то, что данная причастная форма редко выступает в качестве определения. Рассматриваемая причастная форма преимущественно выполняет предикативную функцию. Так, причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ в казахском языке, принимая аффиксы первого и второго лица, обозначает неутвердительное будущее время, например, *өзін де барарсын тойға – возможно, и ты приедешь на той (тип)* и т.д. [174, с.323].

Отрицательный аспект причастия на $-ar^2$; $-ir^4$ формируется при помощи аффикса $-мас/-мес – оқымас, бармас$ и т.п.

В современном ногайском языке причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ в предложении выполняют в основном функцию определения: *юрер ер – место для хождения; келер заман – время возвращения* и т.п.

В ногайском языке причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ иногда подвергается субстантивации. При этом данная причастная форма принимает притяжательные аффиксы и аффиксы падежей: *ушарымды ел билер, конарымды ор билер (половица) – Мой полет зависит от ветра, мое приземление - от оврага* и т.д. [46, с.271].

В современном якутском языке причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ главным образом образует две временные формы: настоящего-будущего и прошедшего-незаконченного времени изъявительного наклонения: *барабын – иду, барар – идет, барар этим – я уходил* и т.п.

В составе сложноподчиненного предложения причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ в данном языке выступает в качестве сказуемого придаточного предложения в форме косвенных падежей. Отметим, что исследуемая причастная форма употребляется лишь с аффиксами сказуемости в 3-ем лице ед. и мн. чисел: *Ваня утула сытарын көрдүм – я увидел, что Ваня спит* [47, с.229].

Причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ в современном якутском языке может употребляться в качестве подлежащего, определения и дополнения: *Үчүгэйдик үлэлиир киһини бириэмийэлээччилэр – Хорошо работающего человека обычно премируют* (определение) [47, с.229].

Отметим, что рассматриваемая причастная форма в современном якутском языке, принимая аффиксы орудного и дательного падежей, выполняет функции обстоятельства: *Ээйиктэн төннөрбөр олус да сылайбытым, быстыбытым – Когда я возвращался из Эйика, как я устал, утомился* (обстоятельство времени) и т.д.

Небезынтересно отметить, что данное причастие нередко употребляется в составе вводных словосочетаний – *биллэрин курдук – как известно, биллэн турар – несомненно* и т.д.

Таким образом, изложенное выше дает основание сделать вывод, что причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ в тюркских языках в основном выражает два значения: настоящего-будущего и будущего времени. В отличие от других тюркских языков в якутском языке данная причастная

форма помимо значения настоящего-будущего времени выражает также значение прошедшего времени.

Материалы современных тюркских языков показывают, что причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ преимущественно выполняют предикативную функцию, а также подвергается субстантивации.

Отметим, что в огузской группе тюркских языков причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ главным образом выступает в качестве определения (азербайджанский, турецкий, гагаузский).

В языке орхоно-енисейских памятников причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ может выполнять одновременно 3 функции: атрибутивную, субстантивную и предикативную.

Причастия на $-acak/-ecek$

Тюркологическая литература располагает рядом теорий и гипотез по поводу объяснения происхождения причастного аффикса на $-acak/-ecek$ в тюркских языках. Данная причастная форма довольно широко распространена в тюркских языках огузской группы. Это причастие можно встретить также в башкирском, каракалпакском, татарском и узбекском языках.

Наличие причастной формы на $-acak/-ecek$ в письменных памятниках XV в. было зарегистрировано А.Н. Кононовым [100, с.437]. Исследуемое причастие было зарегистрировано А.М. Дамирчизаде в эпосе «Книга моего деда Коркуда» [230, с.66].

Относительно этимологии причастного аффикса на $-acak/-ecek$ в тюркологии существуют различные, часто противоречивые точки зрения.

Первоначально проблема происхождения причастного аффикса будущего времени на *-acak/-ecek* нашла отражение в труде В. Банга «*Monographien zur türkischen Sprachgeschichte, Heidelberg, 1918*» [315].

В своем труде В. Банг относительно происхождения причастного аффикса на *-acak/-ecek* полагает, что данный аффикс образовался в результате соответствия аффиксов *-çak/-çan*, образующие прилагательные с аффиксом *-cı*, образующий существительные и аффиксами *-ğan, -ağan, -kak*. Таким образом, В. Банг связывал причастный аффикс будущего времени на *-acak/-ecek* со сложным корнем (*-çıkak > -çığak > -çâk > -çak*) [315, с.26,27].

В данной теории В. Банга, на наш взгляд, проблема происхождения причастного аффикса на *-acak/-ecek* не получила должное исчерпывающее освещение. Так как, несмотря на то, что в данном труде эти аффиксы были описаны и исследованы, В. Банг не смог показать связь между словообразовательными элементами рассматриваемых аффиксов.

Помимо В. Банга, этимологию причастного аффикса будущего времени на *-acak/-ecek* исследовал также и Ж. Дени.

Ж. Дени полагает, что причастие будущего времени на *-acak/-ecek* произошло от аффикса *-kau*, от которого образовался аффикс будущего времени *-ğu* и слова *çan*, которое передает временное значение и является основой слова *çak*. Таким образом, Ж. Дени приводит следующий корень, от которого, как он считает, произошел аффикс будущего времени на *-acak/-ecek* в тюркских языках: *-kau + çak* [319, с.868].

Гипотеза, согласно которой аффикс будущего времени на *-acak/-ecek* связан со словом «*çak*» - время,

неоднократно выдвигалась в трудах М. Рясненна [331, с.114-115], Г. Рамстедта [162, с.90] и т.д.

Относительно этимологии причастной формы на *-acak/-ecek* в тюркских языках представляет значительный интерес высказывание Н.А. Баскакова: «Вопрос о генезисе причастия на *azaq* в турецком, туркменском, ногайском и в некоторых других языках остается до сих пор не выясненным, хотя гипотеза Г.И. Рамстедта (*azaq//aiaq iz vai – azaq//ivaq*), опирающаяся на предположения других тюркологов (В. Банга), является весьма вероятной» [162, с.234].

По-мнению Т. Бангуоглу аффикс на *-acak/-ecek* образовался посредством присоединения аффикса необходимости-желания *-a* + слова *çak* [267, с.206].

По-мнению З. Коркмаз причастный аффикс будущего времени на *-acak/-ecek* образовался путем присоединения аффикса будущего времени *-a* + падежного аффикса равенства *-ça* + частицы *-ok* = *-a+-ça+-ok* [293, с.159-168].

Для того чтобы раскрыть этимологию причастного аффикса будущего времени на *-acak/-ecek* необходимо провести анализ каждого составляющего элемента рассматриваемого аффикса.

Прежде чем говорить об аффиксе на *-acak/-ecek* необходимо остановиться на аффиксе будущего времени на *-ğay*.

Некоторые ученые связывают данный аффикс с аффиксом *-ğa*. Так, по-мнению А. Габен аффикс *-ğa* является более древним аффиксом, чем аффикс *-ğay*.

Как полагает А. Габен, аффикс *-ğay/-ğa* образует: 1) наклонения будущего времени; 2) отглагольные существительные – *kaldırğa - kaldırğaç, öge - akıl* [321, с. 109, 220].

Примечательно отметить, что аффикс *-ğa*, существовавший в уйгурский период пратюркского языка, наблюдается в текстах караханидского и хорезмского языков: *Siziksiz kerek bolğa altun kümüş özüm işleteyin tisemek öküş* - *Для того, чтобы найти свое место в обществе необходимы будут драгоценности* [Arat R.R. Edib Ahmed B. Mahmud Yükneki, Atabetü'l-Hakayık. Ankara: TDK yayınları, 2006, с. 63].

Как видно из примера, аффикс *-ğa/-ge* в данных тюркских наречиях использовался для образования наклонения будущего времени

Также и по-мнению К. Брокельмана аффикс *-ğa/-ka* образует будущее время. Для наглядности, К. Брокельман приводит примеры из чагатайских текстов: *aşkatın* - *открою*, *itkabız* – *пошлем* и т.д. [318, с.184].

Как отмечают Ж. Дени и М. Рясянен, аффикс *-ğa/-ga*, *-ka/-ke* встречается в киргизском языке и передает значение будущего времени [319, с.1343; 331, с. 5, 125].

Абу Хаййан в своем произведении «*Kitabül-idrak*» приводит примеры, в которых прослеживается оттенок желательного наклонения, настоящего-будущего времени: *tursan turğamen*, *tursam turğasen* [Abu Hayyan. Kitab al-idrak li-lisan al-Atrak. (Çeviren: A.Caferoğlu). İstanbul: Evkaf Matbaası, 1931, с.114] и *kelmegelim* [там же, с.75].

Так, из всего приведенного выше становится ясно, что аффикс *-ğa* подвергся фонетическому изменению, в результате которого выпал согласный *-ğ*: */-ğa>-a*. Аналогичное звуковое выпадение наблюдалось и в таких аффиксах, как *-kan/-ğa > an*, *ğuci>ıcı*, *ğalı>alı* и т.д.

Следует отметить, что такого рода звуковое изменение наблюдается лишь в тех тюркских языках, грамматические нормы которых требуют этого. В основном, к таковым относятся тюркские языки огузской группы.

Таким образом, из вышесказанного вытекает, что аффикс *-ğa* являясь многофункциональным аффиксом, участвует при образовании отглагольных существительных, настоящего-будущего времени, долженствовательного наклонения, а также будущего времени глагола.

Относительно аффикса *-a* следует отметить, что в древнем периоде тюркских языков огузской группы он образовывал будущее время глагола:

Süçü içevem süçü, delil olavam delü

Nem var verevem yele, sini dutavam bir gün
[Mansuroğlu M. Sultan Veledin Türkçe manzumeleri: 3 ciltte, III с., İstanbul: İstanbul Üniversitesi, Edebiyat fakültesi yayınları, 1958, с.32].

Примечательно отметить, что аффикс будущего времени *-a* наблюдается также и в кыпчакских языках: казах. *cartadan özödü tura atamın dedi* – *я опять встану и выдворю тебя* [330, с. 14, 129]; кирг. *Basurman yolun açatın kapırdın malın çaçatın* – *я открою дорогу мусульманам, а богатство гяуров раздам* и т.д. [330, с.3, 67]

Как показывают материалы письменных памятников тюркских языков, аффикс на *-a* в рассматриваемых языках обозначает не только будущее время, но и настоящее-будущее, настоящее время, а также повелительное и желательное наклонения.

Наиболее показательно на этот счет высказывание З. Коркмаз: «С одной стороны, аффикс *-a* используется в качестве аффикса будущего времени, а с другой же стороны, данный аффикс участвует в образовании других наклонений» [293, с.164].

З. Коркмаз поясняет сказанное следующими примерами: *Kanğı tamla ki bu denize gele, Kendüden kurtula deniz ola* - *Каждая капля, попав в это море и освободившись*

от себя, превращается в море [Kilisli R., Çelebi V. Sultan Veled'in Divân-ı Türki'si. İstanbul, 1925, с.5, 60] [28, с.164].

Как явствует из примеров, аффикс – *a* со временем начал выступать в качестве необходимого-желательного склонения и настоящего-будущего времени. Таким образом, значение будущего времени в рассматриваемом аффиксе начинает ослабевать.

А теперь, рассмотрим происхождение аффикса $+cak < +çak < +ça + ok$.

Аффикс –*ça* в исторических текстах и некоторых тюркских языках является падежным аффиксом, который обозначает равенство, относительность, ограничение.

Следует отметить, что в некоторых современных тюркских языках аффикс –*ça* образует направительный падеж имени существительного.

Наиболее показательно на этот счет высказывание А.Э. Мешадиевой: «Аффикс направительного падежа –*ça* существовал в ранний период древнетюркского языка. Направительный падеж, образованный посредством аффикса –*ça* из современных тюркских языков сохранился лишь в тувинском и шорском языках: тув. яз – *ketçe* – по направлению к реке и т.д.». Далее А.Э. Мешадиева отмечает: «Следы данного значения в реликтовой форме мы можем наблюдать также и в других тюркских языках. Например, данная форма встречается в составе предлогов: тат.яз. – *виуиңça* – в течение; азерб.яз – *боуиңса* – вдоль, в течении и т.д.» [244, с.75-82].

Как известно, в лингвистике наблюдаются случаи перехода аффиксов в самостоятельные слова и самостоятельных слов в аффиксы.

Примечательно по этому поводу высказывание А.Э. Мешадиевой: «Необходимо отметить, что некоторые аффиксы в тюркских языках происходят от самостоятель-

ных слов, другие являются остатками когда-то самостоятельных слов, связь с которыми восстановить, представляется невозможным. Некоторые же аффиксы являются уже сочетаниями двух или некогда самостоятельных аффиксов, которые происходят от нескольких самостоятельных слов». Далее А.Э. Мешадиева отмечает: «Помимо этого, в тюркских языках наличествует процесс лексикализации отдельных аффиксов, когда тот или иной аффикс, субстантивируясь, приобретает самостоятельное лексическое значение» [120, с.249-292].

Таким образом, аффикс +*ça* в результате развития, перестав выступать в качестве словоизменительного аффикса, перешел в разряд словообразовательных аффиксов.

Аффикс +*ça* и произошедший от него аффикс +*çak* образовывали имена существительные. Небезынтересно отметить, что посредством аффикса +*çak* < +*ça* в тюркских языках образовывались названия инструментов, одежды, украшений: тур. *bilekçe/ kelepçe* – *наручники*; карач.-балк. – *bağımçak*; кумык. *bağımçag* – *доктор* [328, с. 123].

Некоторые ученые отмечают, что посредством аффиксов –*çak/-çek* в старотурецком языке образуются существительные места: *turğaçak* или *turacak, duracak yer* – *место для остановки*; [Abu Hayyan. Kitab al-idrak lilisan al-Atrak. (Çeviren: A.Caferoğlu). İstanbul: Evkaf Matbaası, 1931, с. 11, 140]: *yazacak – yazacak yer* – *место для писания*; *yiyesek- yiyesek yer* – *место для питания* [Et-tuhfetü`z-Zekiyye. (Çeviren: B. Atalay), İstanbul: TDK yayınları, 1945, с. 84], а также названия инструментов и некоторые другие существительные: *basacak-basamak* – *ступенька* [Tanıklariyle Tarama Sözlüğü, I, İstanbul, TDK,

1943]; *çekecek* – рожок, *terinçek* – манто [Izbudak, Veled Celebi, El-Idrak Naşiyesi, İstanbul, TDK, 1936] и т.д.

Следует отметить, что в староанатолийских тюркских наречиях, слова, образованные посредством аффикса *-acak/-ecek*, выступали в качестве причастий: *durmayacak yire çün cenk itdiler* [317, с.17]; *sığacak miktarı* [Kılıçoğlu V. Cerrahiye-i İlhaniye. Ankara: Ankara Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1956, с.52].

Как известно, в современных тюркских языках причастная форма на *-acak/-ecek* в основном принимает аффиксы лица и принадлежности.

Относительно слияния аффикса *-a* с аффиксом *-çak/-çek*, в результате которого образовался причастный аффикс будущего времени на *-acak/-ecek* в тюркских языках наиболее убедительной является гипотеза З.Коркмаз.

Так, З. Коркмаз отмечает, что в результате утраты элементом *-a* в аффиксе на *-acak/-ecek* значения будущего времени эта функция перешла на второй элемент на *-çak* в период перехода данного аффикса из разряда причастий в разряд спрягаемых форм глагола [293, с.168].

Небезынтересно отметить, что в тюркских языках для восстановления первоначального значения некоторых аффиксов, а также для оживления вышедших из употребления аффиксов обращались к таким языковым приемам. Данное восстановление обычно достигалось при помощи плеоназма, т.е. накопления синонимических грамматических средств.

Таким образом, из гипотезы З. Коркмаз следует, что аффикс *-a*, передающий временное значение, со временем утративший данное свойство, присоединилось к аффиксу *-çak*, тем самым образовав единый звуковой комплекс.

В результате данного слияния аффикс *-çak* приобрел значение будущего времени.

А теперь рассмотрим сходные и дифференциальные особенности причастной формы на *-acak/-ecek* в современных тюркских языках и их диалектах.

В современном туркменском языке причастие на *-acak/-ecek* относится к причастиям определенно-будущего времени и имеет следующие фонетические варианты: *-жак/-жек*. Например: *Бу иши сана, манна башартжак, иши дәл* (Сейтеков Б. Гыз салгыды. Ашхабад: 1962) – *Это работа, с которой не справиться ни тебе, ни мне.*

Как известно, в результате перестановки слов с аффиксами на *-acak/-ecek*; *-жак/-жек* изменяются грамматические отношения.

В этой связи обращает на себя внимание следующая особенность туркменского языка. В отличие от других тюркских языков, в которых наблюдается причастная форма на *-acak/-ecek*, в туркменском языке способы образования отрицательного аспекта рассматриваемого причастия и простой формы будущего времени на *-acak/-ecek* отличаются друг от друга.

Так, если отрицательная форма причастия категорического будущего времени в туркменском языке образуется при помощи отрицательного аффикса *-ма/-ме* - *-мажак/-межек*, то отрицательная форма глагола будущего времени на *-жак/-жек* образуется в результате сочетания положительной формы будущего времени со словом *дәл – не* = *-жак/-жек дәл*. Сравним: *алжак дәл – не возьму* (туркм. яз.); *altauasağat – не возьму* (азерб.яз.); *altauasağıt – не возьму* (тур.яз.) и т.д.

Любопытно, что форма *-а+жак/-е+жек* наблюдается в языке литературных произведений XVIII-XIX вв. Рассмотрим примеры: *Намардын эдежек иши саклар*

горкузыс гош болса (Зелили, Гошгулар) – *Дело, которое будет совершено низким человеком (трусом) – это охрана безопасного стана* [48, с.365].

Что касается отрицательного аспекта причастной формы на *-асак/-есек* в письменных памятниках туркменского языка, то Т. Гузычыев пишет: «Отрицательная форма, т.е. *-мажак, -межек* пассивно употребляется в исследуемых памятниках. Некоторые ее функции передаются аффиксом *-маз/-мез*» [52, с.12].

Как известно, причастные формы в тюркских языках, субстантивируясь, принимают падежные аффиксы и выполняют разные синтаксические функции.

Так, причастия на *-асак/-есек* в письменных памятниках туркменского языка в именительном падеже обозначают субъект и название действия: *Мөвлам назар салса киме, болажак баида беллидур* – *Если на кого падает взор господний, будущее видно в начале жизни его* (Магрупи. Юсуп-Ахмет. Ашхабад: Издательство Туркменистан, 1943, с. 135).

Причастия, выступая в предикативной функции, спрягаются и принимают аффиксы сказуемости. Наиболее показательным на этот счет высказывание А.Н. Кононова: «Причастие, попадая в позиции предиката, становится глаголом и выражает одно из времен изъявительного наклонения [101, с.251].

Небезынтересно отметить, что причастная форма – *ажак/-ежек* в письменных памятниках туркменского языка, в отличие от современного туркменского языка принимает аффиксы лица и сказуемости, передает значение будущего времени. В современном туркменском языке рассматриваемая причастная форма не спрягается. Рассмотрим примеры: *Мунча гөзүп ятажаксен гөр биле* – *столько вытерпев, лежать тебе в могиле; Ахмет жаны*

езит асжакмыш дара – говорят, что Ахмеда милого враги повесят [52, с. 17-18].

Данное причастие в рассматриваемых памятниках туркменского языка употребляются также в качестве сказуемого придаточного предложения:

Гелжек дийип, гиден ёлумы гөзлән – Она глядела на мой путь, по которому я ушел, обещая вернуться [там же, с. 19].

Как видим, в первом из двух последних предложений причастия на *-ажак/-ежек* выступают в качестве прямого дополнения, во втором – косвенного дополнения.

Отметим, что в современном туркменском языке, а также в его диалектах более употребительна причастная форма – *жак/- жек*.

В татарском языке причастие будущего времени на *- асак/- есек* имеет следующие фонетические варианты: *- ачак/-әчәк* (для согласных основ) и *-ячак/ -ячәк* (для гласных основ): *сәхнәгә куелачак пьеса – пьеса, которая будет поставлена на сцене; ул үткәрәчәк әңгәлгә - беседа, которую он проведет* и т.д. [180, с.252].

Небезынтересно отметить, что причастие будущего времени на *-ачак²* в татарском языке редко подвергается субстантивации. Однако, несмотря на это, в татарском языке наблюдаются случаи перехода данной причастной формы в разряд существительных: *киләчәккә хатлар – письма, в будущее – название поэмы Х. Такташа* [180, с.252].

Относительно функций, выполняемых причастием на *-асак/-есек* в башкирском языке примечательно высказывание Н.К. Дмитриева: «... глагольные образования на *-асак* настолько богаты по своим функциям, что роль

причастий – это только одна сторона их употребления» [56, с.190].

Причастие на *-асак/-есек* в башкирском языке передает значение категоричности и обязательности действия: *барасак – тот, который пойдет обязательно* и т.д.

В каракалпакском языке причастие на *-асак/-есек* относится к причастиям будущего долженствовательного времени: *ачаджак вахътыда бир бёләк сәвдәгәр келди – на рассвете (в то время, как вот-вот должно быть светло) пришел другой торговец; келеджакъ джыл – будущий год* [24, с. 432-433].

Относительно этимологии причастной формы на *-асак/-есек* Н.А. Баскаков отмечает следующее: «... форма *-а/-е; й+джакъ* является сложной формой и образуется по типу формы на *-а/-е; -й+тугъын*, т.е. состоит из деепричастия на *-а/-е, й*, исторически восходящего к форме на *-гъай/-гей*, и аффикса *-джакъ*, который стоит в генетической связи с аффиксом *-шакъ/-шекъ*» [24, с.433].

В письменных памятниках 14-17 вв. азербайджанского языка также наблюдается причастная форма на *-асак/-есек*: *Dünya turacaq yer deyil, ey can, səfər eylə* (Насими); *Taki padşahın qonacaq yerin mühəyya eylər* (Манагиб) [255, с.276].

В староосманском языке причастная форма на *-асак/-есек* относится к причастиям будущего времени. Данная форма в староосманском языке используется как в атрибутивной, так и в субстантивных функциях. Рассмотрим примеры: *varajak jerün dur, bil, ki niran – зной, что место, куда ты пойдешь, есть ад (в атрибутивной функции)*.

В современном узбекском языке причастная форма на *-ажак/-яжак* подобно другим тюркским языкам огузской группы обозначает будущее категорическое время.

Рассматриваемая причастная форма в узбекском языке употребляется редко. Например: *ёзажак – умеющий написать (непрерывно)* и т.д. [101, с. 239].

Необходимо отметить, что в староузбекском языке причастие на *-асак/-есек* не употреблялось. Причастная форма на *-асак/-есек* (будущее с оттенком долженствования) рассматривается Мехди – ханом в качестве образования, характерного только для «румийских» и «иранских» тюрок [217, с.151].

Как видно из примеров, исследуемое причастие в рассматриваемых текстах имеет оттенок намерения, желания.

В гагаузском языке причастие на *-асак/-есек* также относится к причастиям будущего определенного времени и имеет следующие фонетические варианты: *-(й)ажжак, -(й)ежжек*. Это причастие в гагаузском языке относится к малоупотребительным причастиям. Рассмотрим примеры:

*Не гелмедин, бе, оолан,
Гёз кыпылажжак заман?*

*Что же ты не пришел, парень
В то время, когда смыкают глаза?*

[150, с.234].

Нередко в гагаузском языке можно встретить субстантивированные причастия на *-асак/-есек*: *йакажжак – топливо, йатажжак – постель* и т.д.

Такого рода субстантивированные причастные формы на *-асак/-есек* были отмечены еще В.А. Мошковым : *ийежжек – пища, еда – от и – есть; казыйажжак – скребок – от казы - скрести* и т.д. [135, с. 48, 50].

Причастная форма на *-acak/-ecek* в редких случаях выступает в качестве отглагольного имени: *гележеем – будущее, евжееми – домашний очаг* [150, с. 234].

В азербайджанском языке аффикс на *-acak/-ecek* участвует при образовании, как причастия будущего времени, так и будущего категорического времени.

Небезынтересно отметить тот факт, что некоторые исследователи истории азербайджанского языка полагают, что употребление аффикса на *-acak/-ecek* в качестве причастия будущего времени началось намного раньше, чем употребление данного аффикса в качестве будущего категорического времени. По мнению ученых, рассматриваемый аффикс в азербайджанском языке в качестве будущего категорического времени функционирует с VI века [230, с.97; 161, с.240].

А теперь рассмотрим основные функции, выполняемые причастной формой на *-acak/-ecek* в азербайджанском языке: а) аффикс на *-acak/-ecek* образует причастную форму будущего времени: *görüləcəkdir iş – работу, которую предстоит выполнить, tikiləcəkdir ev – дом, который построят, açılacaq qapı – дверь, которая откроется* и т.д. Отметим, что данный причастный аффикс принимает аффиксы принадлежности – *oxuyacağım əsər – произведение, которое я читаю; yaşayacağımız ev – дом, в котором будем жить* и т.д.; б) посредством аффикса *-acak/-ecek* образуется отглагольное имя: *gələcək – будущее, yanacaq – топливо, dayanacaq – остановка* и т.д.; в) аффикс на *-acak/-ecek* образует будущее категорическое время – *Sabah dayın gələcək – завтра придет твой дядя; İki ildən sonra bu məktəb açılacaq – Через два года эту школу откроют* и т.д.

Причастная форма на *-acak/-ecek* подобно другим причастным формам в азербайджанском языке обладает

такими особенностями глагола как переходность / непереходность, залог и др.

Однако необходимо отметить, что причастные формы на *-асак/-есек*, образованные от глагольных основ страдательного залога не принимают аффиксов принадлежности. Причастия на *-асак/-есек*, образованные от остальных залоговых форм глагола могут принимать аффиксы принадлежности. Помимо, этого причастие на *-асак/-есек* может также управлять всеми падежными формами.

Примечательно отметить, что глагольная форма на *-жак* встречается и западном диалекте казахского языка. Известно, что в современном казахском языке неопределенное будущее время образуется в результате присоединения к основе глагола аффикса *-мак/-мек*+аффиксы лица. Однако в западном диалекте казахского языка неопределенное будущее время образуется посредством аффикса *-жак/-ажак*; например: *оқу жылы жақында бітежак (бітпек) – учебный год скоро закончится; біз кешикісін ауданға баражакпыз (вместо бамакпыз) – Мы вечером собираемся поехать в райцентр* [148, с.86].

Отметим, что глагольная форма на *-жак* не наблюдается в якутском, тувинском, хакасском, шорском, ойротском, казахском, киргизском и уйгурском языках.

Наличие аффикса *-ачак/-эчэк* в современном татарском литературном языке объясняется Б.А. Серебренниковым как результат влияния ногайского этнического слоя, принимавшего участие в образовании татарского народа [171, с.64].

На наш взгляд, не подвергается сомнению и то, что наличие глагольной формы на *-жак* в западном диалекте казахского языка также можно интерпретировать как результат ногайского языка.

На материале ногайского языка Н.А. Баскаков полагает, что «форма типа *барайакъ//барыйакъ* семантически и генетически общая с формой *баргъаа*» [22, с.90].

Причастная форма на *-а/-жак* встречается и в письменных памятниках 19-20 вв. каракалпакского языка. Например: *туражак – который будет стоять* [202, с.23].

Тахсин Бангуоглу отмечает, что причастие на *-acak/-ecek* не принимая аффиксов принадлежности, может выступать в роли местоимений:

Ondan gelecek Allaktan gelsin. Далее отмечает: «... а принимая аффиксы принадлежности, выступают в качестве прилагательного: *ödeyeceğiniz vergi; karşılığacığım güçlük* [267, с.426-427].

Подобно другим тюркским языкам, в которых наблюдается причастная форма на *-acak/-ecek*, в турецком языке посредством данного причастного аффикса образуется будущее время глагола: *bileceksiniz – вы узнаете, okuyacaksınız – вы прочитаете* и т.д.

Рассмотрим несколько примеров: *Zulmedecek, kendi üstünlük hastalığını şehvet gibi tatmin ederek bir biçare insan arardı* [Faik S. Kaуыр aranıуor. İstanbul: Varlık yayınları, 1958, с.163]; *Onlar da benim gibi garip mi, nedir? Yatacak yer mi ararlar?* [Y.K. Karaosmanoğlu, Ankara, İletişim Yayınları, bütün eserleri 10, с.108].

В ризенских диалектах турецкого языка причастие будущего времени на *-acak/-ecek* в отличие от современного турецкого литературного языка употребляется лишь в основном падеже, тогда как в современном турецком языке данный аффикс принимает аффиксы принадлежности. Рассмотрим примеры: *Girilecek zamana işki içurdiler; tam yola girecek sıra arkamden bağırды; dışarıya çıkacak sirada bi dalga daa yeduk* [282, с.185].

Причастная форма на *-асак/-есек* в кумыкском языке имеет следующие фонетические варианты: *-жакъ/-жек/-ажакъ/-ежек*, например: *соражакъ-имеющий спросить*, *алжакъ-имеющий спросить*, *гёрежек-имеющий видеть* и т.д. [204, с.17, 24].

Рассматриваемое причастие в кумыкском языке передает значение категоричности действия в будущем: *гележек адам – человек, который придет*.

Причастие на *-асак/-есек* в данном языке может принимать аффиксы принадлежности. Употребляясь в качестве имени действия, исследуемое причастие принимает аффиксы всех падежей кумыкского языка. Однако, следует отметить, что причастие на *-ажакъ* в кумыкском языке в форме местного падежа не может принимать аффиксы принадлежности.

Относительно синтаксических функций причастий в тюркских языках следует отметить, что тюркологи по – разному подходят к их интерпретации. Так, Н.К. Дмитриев основной синтаксической функцией причастий считает атрибутивную функцию [56, с.189], Н.А. Баскаков – определения и сказуемого [24, с.423], Н.П. Дыренкова – функции подлежащего, дополнения, определения и сказуемого [62, с.124].

Рассмотрим некоторые примеры относительно употребления причастия на *-асак/-есек* в кумыкском языке в роли подлежащего, сказуемого и второстепенных членов: *Ону гелмежеги тезден белгили – Давно известно, что он не придет* (в роли подлежащего); *Инг яхшысы тез уйге къайтажагыбыз – Самое лучшее - наше быстрое возвращение домой* (в роли сказуемого); *О чу барылажакъ зат тюгюл – Это невозможная вещь* (в роли определения) [204, с. 22].

Необходимо отметить, что причастие на *-acak/-ecek* в кумыкском языке в роли обстоятельства не употребляется. В кумыкском языке в роли обстоятельства выступают главным образом причастные формы на *-агъан* и *гъан*.

Причастие на –asi/-esi

Подробный этимологический анализ причастия будущего времени на *-asi/-esi*, результаты которого помогают раскрыть особенности лексико-семантической и морфологической структуры причастий тюркских языков.

Сравнительно-историческое исследование различных элементов морфологического строя тюркских языков является одной из актуальных задач тюркологии, ибо их сравнительно-этимологический и сравнительно-исторический анализы могут осветить многие вопросы морфолого-лексического состава и исторического прошлого тюркских языков.

Изучение в сравнительном аспекте причастий в тюркских языках выявляет многообразие значений каждой причастной формы, которое является результатом длительного исторического процесса.

Причастия будущего времени на *-asi/-esi*, отмеченные еще в XI в. Махмудом Кашгарским, наблюдаются в тюркских языках до сих пор.

Сфера употребления причастия на *-asi/-esi* в тюркских языках, особенно в тюркских языках кыпчакской группы, значительно ограничена. По этому поводу примечательно высказывание А.М. Щербака: «Как в огузских, так и в отдельных кыпчакских языках, причастие типа *бараси* занимает значительное место, хотя налицо заметное сужение сферы его функционирования, особенно

в кыпчакских языках, и преобладающее употребление в устойчивых грамматических сочетаниях» [218, с.171].

Тюркологическая литература располагает рядом теорий и гипотез по поводу объяснения происхождения причастного аффикса на *-asi/-esi* в тюркских языках. Самыми распространенными гипотезами являются следующие:

- 1) путем присоединения к вспомогательному глаголу *-a/-e* + афф. на *-si/-si*, образующий отглагольные существительные [8, § 19];
- 2) афф. деепричастия *-a/-e* + афф. принадлежности 3-л. на *-si/-si*;
- 3) афф. деепричастия *-a/-e* + афф. *-sig/-si*, образующий существительные от существительных [318, с.188];
- 4) афф. *-gu/-gü*, образующий отглагольные существительные + *-si/-si* [319, с.793];
- 5) афф. *-gi*, образующий отглагольные существительные + афф. условного наклонения *-sa* [24; 331];
- 6) в чувашском языке, аффикс, образующий существительные возможности будущего времени *-as/ -es* + аффикс сказуемости 3-л. *-i/-i* [316, с.57-58];
- 7) аффикс, образующий отглагольные существительные *-ga/-ge>-a/-e* + афф. *-si/-si*, образующий существительные от существительных.

Как видим, в вышеприведенных гипотезах относительно происхождения аффикса на *-asi/-esi* общим является тот факт, что данный аффикс образован путем слияния двух аффиксов, а именно аффикса *-a*, который

восходит к древнему причастному аффиксу будущего необходимого времени *-ga/-ge*.

Причастия с аффиксом на *-ga/-ge* можно встретить в старых анатолийских текстах: *dirilgesi, ölgesidür* и т.д. [268, с.130].

Этимологическая интерпретация первой части причастного аффикса на *-asi/-esi* не подлежит сомнению, однако относительно происхождения второго компонента рассматриваемого аффикса существуют весьма противоречивые воззрения.

Так, второй компонент *-si/-si* причастного аффикса на *-asi/-esi* рассматривали в качестве аффикса, образующего отглагольные существительные (В. Банг); аффикса принадлежности; аффикса, образующего существительные от существительных (К. Брокельман); сравнительного аффикса *-si/-si* (Ж. Дени); аффикса условного наклонения – на *-sa/-se* (Н.А. Баскаков, М. Рясянен) и т.д.

По мнению Х. Эдискуна причастный аффикс на *-asi/-esi* образовался путем присоединения к аффиксу будущего времени *-ga/-ga* аффикса принадлежности на *-si/-si* [272, с.249].

Относительно гипотезы, согласно которой вторым компонентом аффикса *-asi/-esi* является аффикс принадлежности на *-si/-si* вызывает у нас некоторые сомнения.

По поводу необоснованности данного предположения примечательно высказывание З. Коркмаз: «Гипотезы, рассматривающие компонент на *-si/-si* аффикса на *-asi/-esi* в качестве аффикса принадлежности являются гипотезами, которые путают сочетание аффиксов принадлежности на *-si/-si* и аффикса причастия будущего времени – *a/-e* с одинаковыми по форме причастным аффиксом будущего времени на *-asi/-esi*, который наблюдается в древних письменных памятниках» [294, с.33].

С целью доказательства данного предположения З. Коркмаз приводит примеры из различных письменных произведений огузских и кыпчакских языков:

Ol arabı ne kıl-asın – yapacağıni bilemedi;
Akibet ne bol-asın bilüvirgil: kuşluk (yiyeceğini) yimiş
и т.д. [294, с.33].

С другой стороны, в тюркском языкознании бытует мнение, что в тюркских письменных памятниках 14-15 веков значение аффикса будущего времени *-a/-e* в одиночном употреблении ослабевает.

Значение будущего времени, передаваемым аффиксом будущего времени *-a /-e* в одиночном употреблении ослабевает, в результате чего данный аффикс начинает передавать значение необходимости, желания, повеления и времени общего времени.

Гипотеза, согласно которой элемент на *-sı/-si* причастного аффикса на *-ası/-esi* рассматривается в качестве аффикса, образующего существительные от существительных основ, подвергается критике со стороны З. Коркмаз.

В этой связи, З. Коркмаз отмечает, что аффикс на *-sı/-si*, который образован от древнетюркского аффикса *-sig/-sig* в турецком языке образует прилагательные со значением схожести, сравнения и уменьшения.

Автор приводит следующие примеры: староанатолийский диал. – *süci < süt+sig – şarap – вино, действительный; ölüsü – ölü gibi – подобно мертвецу; acımsı – горьковатый* [294, с.33-34].

Следует отметить, что при исследовании сложных аффиксов необходимо рассматривать не только фонетические, морфологические, но и семантические особенности аффикса.

По этой причине, мы считаем необоснованным рассмотрение элемента на *-si/-si* причастного аффикса на *-asi/-esi* в качестве аффикса, образующего существительного от существительных основ.

На наш взгляд, проблема происхождения причастного аффикса в тюркских языках получила должное исчерпывающее освещение в интерпретации З. Коркмаз.

Так, по-мнению З. Коркмаз, причастный аффикс на *-asi/-esi* в тюркских языках образован посредством слияния двух семантически близких аффиксов на *-ga -sig/ -ge - sig > asi/esi* [294, с.34].

Отметим, что аффиксы на *-ga -sig/ -ge - sig* в древнетюркском языке является аффиксом, образующим причастия будущего времени от глагольных основ. Рассмотрим примеры: *söz sözlemesig söz* – слово, которое не нужно говорить; *işlemesig iş* – работа, которую не нужно выполнять и т.д. [там же, с.129, 151].

В «Дивану-люгат-ит тюрк» Махмуда Кашгарского встречаются причастия с аффиксом на *-sig/ - sig*: *tansuk nep* – поражающая вещь (Махмуд ал-Кашгари Диван Лугат ат Турк. Перевод, предисловие и комментарии З.А.Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005, с. 382).

Небезынтересно отметить, что аффикс на *-sig/ - sig* в период после 11 века стал менее употребительным. Однако, несмотря на это исследуемый аффикс продолжал функционировать в усеченном варианте, т.е. утратившим конечный согласный *g* – *barsı yol* – путь, по которому нужно идти [315, с.38]; осм. *sinsi < sinsi < sin – gizlen* – скрытый, тайный (Söz Derleme Dergisi: Türkiyede Halk Ağzından: 3 ciltte, III с., İstanbul: Maarif Matbaası, 1939) и т.д.

Таким образом, из вышесказанного вытекает, что древнетюркский аффикс на *-sig/ - sig*, образующий при-

частия будущего и необходимого времен от глагольных основ, который впоследствии употреблялся в усеченном на *-si/-si* варианте, входит в состав причастного аффикса на *-asi/-esi*.

Примечательно также отметить, что М. Кашгарский в своем труде «*Дивану-люгат-ит тюрк*» отождествляет аффикс *-gu/-gü -si/-si*: *bu turgu yir er-mes = bu turasi yir tegül* – *Это место не для остановки* и т.д.

Такое отождествление аффиксов *-gu/-gü, -si/-si* в очередной раз подтверждает этимологическую связь между аффиксами на *-si/-si* и древнетюркским аффиксом на *-sig/- sig*.

Относительно первого элемента аффикса на *-asi/-esi* - *-a/-e / -ga/-ge* необходимо отметить, что данный аффикс в некоторых тюркских языках стал менее употребительным и утратил значение будущего времени.

Таким образом, из этого следует, что для восстановления данного значения рассматриваемого аффикса к нему был присоединен аффикс на *-si/-si*, который, как известно, образует в тюркских языках причастие будущего времени.

Небезынтересно отметить, что в тюркских языках для восстановления первоначального значения некоторых аффиксов, а также для оживления вышедших из употребления аффиксов обращались к таким языковым приемам. Данное восстановление обычно достигалось при помощи плеоназма, т.е. накопления синонимических грамматических средств.

В этой связи примечательно высказывание З. Коркмаз: «Действительно, и в турецком языке обращались к усилительным способам, согласно которым к некоторым аффиксам, вышедшим из употребления с целью восстановления их исходного значения, присоединялись сино-

нимичные аффиксы. А это реализовалось посредством плеоназма» [294, с.37].

3. Коркмаз для пояснения сказанного приводит следующие примеры:

якут. *tüniür/ tüniürüt, tüniürütter* – свахи, староанатолийск. *gelüben* - прудя, *çağrışuban* – перекрикиваясь, *diyübeni* – сказав и т.д.

Данный плеонастический прием, по-мнению 3. Коркмаз, произошел и с причастным аффиксом на *-ası/-esi*.

Мы также разделяем данную точку зрения 3. Коркмаз, так как подробный анализ причастного аффикса на *-ası/-esi* дает основание полагать, что первый элемент данного аффикса подвергся изменениям, в результате которых произошел переход (*-ga/ -ge > -a/-e*) и ослабевание древнего значения будущего времени, необходимости. Утратив значение будущего времени, рассматриваемый причастный аффикс начал передавать значение настоящего, настоящего-будущего времени.

Показательны на этот счет примеры, приведенные ниже: *ahirinde çün terazu aşıla /degmesii bir dürlü nakd ile gele, can meta'ının azın çok sayalar/ ten kumaşın kamu hiçe sayalar* – В конце концов, выверив весы, все приходят с наличными деньгами, но, ни во что не ставят большинство товаров, а также все ткани [294, с.37].

Таким образом, из всего приведенного выше становится ясно, что для устранения ослабления значения будущего времени причастной формы на *-ası/-esi*, к нему был присоединен синонимичный древнетюркский аффикс на *-sig/ - sig > -si/-si*, образующий причастия необходимого-будущего времени.

В «Дивану-люгат-ит турк» Махмуда Кашгарского также зарегистрированы случаи употребления причастной формы на *-ası/-esi*.

Например: *bu turası yer degil* – это не место для стоянки [Махмуд ал-Кашгари Диван Лугат ат Турк. Перевод, предисловие и комментарии З.А.Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005, с.68].

Отметим, что в вышеназванном древнетюркском памятнике 11 века рассматриваемая причастная форма выполняет функцию аналогичную функции причастия будущего времени на *-acak/ -ecek*.

Причастие на *-ası/-esi* в азербайджанском языке относится к малоупотребительным причастным формам. Эта форма наблюдается в основном в разговорной речи.

В азербайджанском языке причастие на *-ası/-esi* относится к причастиям будущего времени и в основном выступает в предложении в атрибутивной функции.

Как отмечает М.Б. Аскеров: «В обоих же языках (турецком и азербайджанском – А.М.) частота использования причастных форм, образованных при помощи аффиксов *-ası/-esi*, *-yası/-yesi* в настоящее время значительно сократилась» [237, с.180].

М.Б. Аскеров также отмечает, что «вместе с тем в живой разговорной речи и художественной литературе наблюдается использование данной причастной формы как в субстантивной, так и в адъективной функциях». Автор, поясняет сказанное следующими примерами:

Xoca Əziz alınasını aldı, satılmasını satdı, özünü verdi xəlvət həyatlarınə birinə (Koroğlu);

Bizim sədrin məşını görəsi gözü yox idi [237, с.96].

В староазербайджанском языке причастная форма на *-ası/-esi*, отличаясь многофункциональностью, переда-

вала значения настоящего времени, желательного и необходимого наклонения.

Как отмечает Т. Бангуоглу: «Причастие на *-ası/-esi* в турецком языке относится к устаревшим причастным формам и по значению сходно с причастием на *-acak /-ecek*» [267, с.427].

Необходимо отметить, что рассматриваемая причастная форма в турецком языке утратила свои синтаксические функции. Причастие на *-ası/-esi* в современном турецком языке сохранилась лишь в застывших формах: *Annemi göresim geldi* – Мне хочется увидеть свою мать; *Onun gidesi yok* – ему не хочется идти и т.д.

Причастная форма на *-ası/-esi* встречается и в диалектах и говорах турецкого языка. Так, в диалектах и говорах Кютахьи аффикс на *-ası/-esi* обычно выражает будущее время, а также передает значение необходимости, желание.

Следует отметить, что в диалектах рассматриваемого ареала причастный аффикс на *-ası/-esi* в основном употребляется при выражении проклятий: *urganlara gelesi, teneşir pahlayası, hışım inesi, ocā sönesice* и т.д.

Аффикс на *-ası/-esi*, сочетаясь с отрицательным аффиксом *-ma*, передает фразеологизмы с оттенком доброжелания; например: *kör olmayası*-чтобы ты не ослеп и т.д.

Отметим, что исследуемый причастный аффикс в диалектах и говорах Кютахьи передает значение деепричастия на *-ınca/-ince*:

Bu işleri yapasıya ölen olur - Когда совершаются такие дела, то кто-то умирает; *dayreler açılasi gadak ben onu getirrin* – Когда откроются помещения, я заберу его (*eë*) и т.д. [280, с.112].

Помимо этого, аффикс на *-ası/-esi* в диалектах и говорах Кютахьи в некоторых случаях заменяет в предложении будущее на *-acak* и прошлое на *-miş* времена глагола. Поясним сказанное на конкретных примерах:

Hankı geri galırsa, o vuruladıymış “vurulacaktı – будет убьют” işleri amirleri; ava çıkdımıs yere düşesi “düşmüş - упал” heralde и т.д.

В следующем примере причастный аффикс на *-ası/-esi* передает значение *-tamak için – чтобы не*: ср. *dün bu vakitte yemin ettik gavurdan kaçması (kaçtamak için – чтобы не бежать), gokmasıya (korktamak için – чтобы не бояться), sen nereye geçiyon* и т.д. [280, с.112].

Как мы видим, в диалектах и говорах Кютахьи причастный аффикс на *-ası/-esi*, в отличие от других диалектов и говоров тюркских языков, не используется в качестве причастия.

Причастие на *-ası/-esi* зарегистрировано в салырском диалекте туркменского языка и туркменских говорах каракалпакского языка.

Причастия на *-ası/-esi* в башкирском языке имеет фонетический вариант *-аһы / -әһе; алаһы – тот, кому надлежит взять, киләһе – тот, кому надлежит прийти; укыһы китап – книга, которую будут читать* и т.д.

Исследуемая причастная форма в башкирском языке относится к причастиям будущего времени и употребляется по сравнению с другими причастиями редко. Причастная форма на *-ası/-esi* в башкирском языке наблюдается главным образом в тех диалектах башкирского языка, которые в большей степени оказались под влиянием татарского языка.

Подобно татарскому языку, в данных диалектах причастная форма на *-ası/-esi* сочетается со словами *килә*

или *бар*. Рассмотрим примеры: *алаһы килә* - ему хочется взять; *язаһы бар* – ему хочется писать и т.д.

По поводу причастия на *-аһы /-әһе* в башкирском языке Н.К. Дмитриев отмечает: «По своему значению это причастие принадлежит к типу так называемых пассивных оборотов, т.е. таких, в которых субъектом (подлежащим) выступает не социально-активный предмет, а наоборот социально-пассивный [56, с.192].

Наряду с причастной формой будущего времени на *-ар/-әр* в кудейском подговоре отмечается пережиточная причастная форма на *-аҫ/-ы/-әҫ/-е*, которая в чувашском языке и в среднем диалекте татарского языка выступает также и в значении инфинитива [33, с.43; 64, с.237]:

Алаҫынын аўзы йаман, үләҫенен күзе йаман – У того, кто намеревается взять, рот страшен, у того, кто скоро умрет, глаза страшны (посл.) и т.д.

В татарском языке причастие на *-аһы/-еһи* имеет следующие фонетические варианты: *-асы/-әсе/-йысы/-исе* выступает в атрибутивной функции и в качестве имени действия: *киләсе кеше* – человек, который должен прийти и т.д.

Рассматриваемая причастная форма в татарском языке может субстантивироваться. Причастие на *-аһы/-еһи* в татарском языке относится к причастиям будущего времени с оттенком долженствования: *Күзләрем алмый карыймын кайтасы юлларына* – Не отрываясь, смотрю на дорогу, по которой должен приехать ты; *бетерәсе эшем бар иди* – У меня есть дело, которое нужно закончить и т.д. [180, с.215- 216].

Показательно, что отрицательная форма на *-аһы/-еһи* в татарском языке почти не употребляется. Эту форму можно встретить лишь в сочетаниях, образованных по-

средством вспомогательного глагола *иде*: *Бу эшине озакка сузмыйсы идее – Не затянуть бы это дело* и т.д.

Отрицательный аспект причастия на *-asi/-esi* в татарском языке в отдельных случаях выражается при помощи отрицательной частицы *түгел*: *Моннан ары аяк та атпыйсы кеше түгел ул – Больше и нога его не ступит туда* (досл. *После этого, будь человеком, не приходящим туда*) [180, с.216].

В диалектах и говорах татарского языка причастная форма на *-asi/-esi* выступает преимущественно в качестве инфинитива. Данная форма наиболее распространена в среднем диалекте татарского языка (заказанской, нагорной групп говоров, подберезенского, заказанско- и нижнекамско-кряшенских говоров). Весьма редко форма на *-asi/-esi* встречается и в говорах западного диалекта (мордва-каратаевский, чистопольский, чистопольско-кряшенский, мелекесский, байкибашевский, стерлитамакский) [116, с.67].

Причастная форма на *-asi/-esi* в узбекском языке относится к числу редко употребляющихся причастий. Аффикс на *-asi/-esi* является аффиксом причастия лишь в диахроническом плане.

Помимо этого, рассматриваемая причастная форма в узбекском языке относится некоторыми учеными к числу прилагательных.

По этому поводу примечательно высказывание М.Д. Шахназаровой: «Не все формы причастия в функции определения сохраняют все признаки глагольности: «элемент» предикативности, значение времени, свойство управления и т.д. Они, потеряв черты глагольности, могут переходить в имена прилагательные или приближаться к ним. К таким формам относятся причастия на *-агон, -аси, -ар, (у)вчи, -диган*, а также парная форма (от-

рицательная положительная) причастий на $-(a)p$ » [212, с.29].

Небезынтересно отметить, что в диалектах узбекского языка (шахризябский, ташкентский, кураминский) зарегистрирована причастная форма на $-эси$. В этих говорах можно встретить и причастную форму на $-мыш$.

Подробный анализ причастного аффикса на $-asi/-esi$ дает основание полагать, что первый элемент данного аффикса подвергся изменениям, в результате которых произошел переход ($-ga/ -ge > -a/-e$) и ослабевание древнего значения будущего времени, необходимости. Утратив значение будущего времени, рассматриваемый причастный аффикс начал передавать значение настоящего, настоящего-будущего времени.

Таким образом, из всего приведенного выше становится ясно, что для устранения ослабления значения будущего времени причастной формы на $-asi/-esi$, к нему был присоединен синонимичный древнетюркский аффикс на $-sig/ -sig > -si/-si$, образующий причастия необходимого-будущего времени.

В древнетюркских письменных памятниках рассматриваемая причастная форма выполняет функцию аналогичную функции причастия будущего времени на $-acak/ -ecek$.

Причастие на $-asi/-esi$ в тюркских языках относится к малоупотребительным причастным формам. Эта форма наблюдается в основном в разговорной речи.

Рассматриваемая причастная форма в некоторых тюркских языках (например, в турецком языке) утратила свои синтаксические функции. Причастие на $-asi/-esi$ в современном турецком языке сохранилась лишь в застывших формах.

Показательно, что отрицательная форма на *-asi/-esi* в татарском языке почти не употребляется. Примечателен также тот факт, что рассматриваемая причастная форма в узбекском языке относится некоторыми учеными к числу прилагательных.

Причастие на *-dik⁴*

Относительно этимологии аффикса на *-dik⁴* в тюркологии существуют различные мнения. Некоторые языковеды (Г. И. Рамстедт, В. Котвич, М. Казембек, А. Н. Кононов и др.) придерживаются мнения, согласно которому данный аффикс образовался посредством сочетания элементов *-ды* и *-к*. Иного мнения придерживались О. Бётлингк, Ж. Дени, К. Броккельман, Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, В. Г. Кондратьев, А. П. Поцелуевский, П. К. Кузнецов, Б. Ходжаев, А. А. Кулиев и др. Согласно их мнению, рассматриваемый аффикс на *-dik⁴* является первичной, а форма на *-di* образовалась в результате выпадения последнего звука на *-k*.

Наиболее показательно на этот счет следующее высказывание В. Котвича: «Можно предполагать, что решающую роль в этой эволюции сыграло именно образование на месте формы причастия с *-dyq* спрягаемого глагола с сокращенным суфф. *-dy*. Эта новая форма удержалась во всей тюркской языковой области; одновременно само причастие на *-dyq*, как бы исполнив свою роль, т.е. образовав спрягаемый глагол, отошло в сторону. В подавляющем большинстве языков этот суффикс уступил место своему конкуренту» [107, с.293].

Как видим, А. Котвич также разделяет гипотезу, согласно которой аффикс на *-dik⁴* был первичным, а аффикс *-di* является производной от нее.

По мнению Б.А. Серебренникова аффикс $-dik^4$ образовался посредством слияния аффиксов отглагольных прилагательных $-t$ и $-(y)-q$ [173, с.230].

Однозначное объяснение генезиса формы на $-dik^4$, как полагает И.Н.Шерванидзе, представляется пока затруднительным. По его мнению, данный аффикс является сочетанием древнейших элементов $-t\sim -d + -(ii)k, -(u)q$ [213, с.100].

Аффикс на $-dik^4$ является одним из древних причастных аффиксов и зафиксирован в тюркских рунических памятниках.

Причастная форма на $-dik^4$ наиболее последовательно представлена в тюркских языках огузской группы (азербайджанский, турецкий, гагаузский, туркменский языки).

Большинство тюркологов придерживаются мнения о том, что аффикс прошедшего определенного времени $-di^4$ образовался в результате стяжения формы на $-dik^4$. Такую точку зрения разделяют Н. А. Баскаков, Ж. Дени, А. П. Поцелуевский, П. И. Кузнецов и др. По мнению этих ученых, в процессе исторического развития форма на $-dik^4$ подверглась стяжению (т. е. выпал конечный согласный k (ε)), в результате чего образовалась форма прошедшего определенного времени на $-ды$ [109, с.40–71].

О. И. Бётлингк интерпретирует стяжение данной формы следующим образом: первоначально существовавшие (и продолжающие существовать) глагольно-именные формы 1-го лица – *алдыкым* ‘мое взятие’, *алдыкын* ‘твое взятие’, *алдыкы* ‘его взятие’ и т. д. – в процессе превращения в прошедшее время утратили согласный звук k , а получившийся долгий гласный подвергся стяжению: *алдыкым* > *алдыгым* > *алдым* > *алдым* ‘я взял’ [109, с.305].

На наш взгляд, данная гипотеза О. И. Бётлингка не выдерживает критики. Так как, если стяжение действи-

тельно существовало в историческом развитии тюркских языков, то следы данного явления наблюдались бы в письменных памятниках, а так же в диалектах и говорах тюркских языков.

Однако, как верно отмечает П. М. Мелиоранский, ни в одном тюркском диалекте нет никаких следов процесса стяжения *алдыкым > алдым > алдым* [119, с.18].

Махмуд Кашгарский в своем произведении отмечал употребление на *-dik*⁴ вместо на *-di* у огузов и некоторых кыпчаков: *men aŋar tawar bārdük* 'я дал ему товар'. В МК приводится и парадигма с предикативным *-duk*, хотя и без показателей лица: *men jaqurduk* 'я сделал лук', *ja qurduk* 'он сделал лук' и т.д.

Подобное употребление данной формы Махмудом Кашгарским, по мнению Э.А. Груниной, подтверждает ее причастный статус и, шире, статус глагольного имени, отмеченного уже в рунических памятниках [177, с.191].

В тюркологической литературе представлена также точка зрения, согласно которой временная форма на *-ды* произошла от имени действия на *-t*, которая, в свою очередь, сопровождалась словами *бар* 'есть', 'имеется' или *йок* 'нет', 'не имеется'. Последователями данной гипотезы являются П. М. Мелиоранский, В. Брокельман, Н. К. Дмитриев, Б. А. Серебренников и др.

Как полагает Н. К. Дмитриев, это архаическое отглагольное существительное на *-ыт/ -ит/ -ут/ -ум/ -т* принимало аффиксы принадлежности: *алытым бар*, *алытым йок*. В дальнейшем слова 'бар' и 'йок' отпали, в результате чего и возникла форма *алдым* [56, с.141].

Б. А. Серебренников также придерживаясь данной точки зрения, отмечает, что отглагольное имя на *-ыт, -ит* в составе форм прошедшего времени на *-ды, -ди* отражает особенности архаического мышления, когда прошедшее

время ассоциировалось преимущественно с результатом действия, а не с фактом его наличия в плане прошедшего. Поэтому отглагольное имя явилось удобным средством его выражения [172, с.31].

А. М. Щербак, подчеркивает именную природу формы прошедшего времени на *-ды* [219, с.48].

Таким образом, в свете сказанного можно прийти к выводу, что форма *-ыт* не только функционировала в качестве глагольного имени, но и передавала значение изъявительного наклонения. По всей вероятности, данная форма в результате этого способна принимать личные аффиксы.

Общеизвестно, что аффикс *-т*, является древним показателем множественности. Следовательно, многозначность формы на *-ыт* связана с аффиксом *-т*. Отметим, что в тюркологии бытует мнение, согласно которой аффиксы множественного числа изначально передавали значения как множественности, так и неопределенности. Иначе говоря, множественность всегда несет в себе оттенки численной неопределенности.

Таким образом, древние аффиксы множественного числа, в то же время, являющиеся показателем неопределенности, присоединяясь к глаголам, образуют формы, значения которых тесно связаны с неопределенностью. В то время как значение многозначности данной формы было утеряно посредством фонетических изменений *-ыт > тым > дым*, образовалась форма прошедшего определенного времени.

Известно, что в тюркских языках узкие гласные *-ы, -е(-и), -о, -ө* издревле выражают определенность [95, с.345].

Следовательно, неслучайно при образовании прошедшего определенного времени всегда присоединяются именно эти узкие гласные. Помимо этого, узкие гласные

употребляются при образовании аффикса винительного падежа, принадлежности, в значении которых прослеживается оттенок определенности.

В языке орхоно-енисейских письменных памятников причастие на $-dik^4$ наряду с атрибутивной функцией, употребляется также в субстантивной и предикативной функциях. Например: *Түрк бодун илләдүк илин ычгуну ыдымыс – Тюркский народ расстроил свой уже устроившийся племенной союз* (в атрибутивной функции) [110, с. 4]; *Билдүкимин өдүкимин бунча битиг битидим – То, что я знаю, то, что я думаю, так я написал* (в субстантивированной функции) [13, с. 97]; *Бүкәкүкдә сәкиз огуз, тогуз татар галмадуг – В Бюкягюке не осталось ни одного из восьми огузов и девяти татар* (в предикативной функции).

В орхоно-енисейских памятниках причастный аффикс на $-dik^4$ принимает аффиксы числа и падежа. Данный аффикс в языке орхоно-енисейских памятников в атрибутивной функции употребляется без аффиксов принадлежности.

В азербайджанском языке причастная форма на $-dik^4$, в отличие от языка орхоно-енисейских памятников, употребляется только с аффиксами принадлежности и не употребляется в предикативной функции.

Обращает на себя внимание следующая особенность причастного аффикса на $-dik^4$ в тюркских языках. Рассматриваемый причастный аффикс употребляется в основном в отрицательном аспекте.

Отметим, что в указанных выше памятниках зарегистрированы случаи субстантивации слов, образованные посредством аффикса на $-dik^4$.

Например: *Ол тәкдүкдә Байыргунын аг адгырыг удлыгын сыйу урты - В том сражении он погубил белого жеребца Байырку, сломав ему бедро* [110, с.5].

Следует отметить, что в некоторых тюркских языках, в которых причастный аффикс на *-dik⁴* не функционирует в качестве причастия, наблюдаются случаи субстантивации данного аффикса, башкир. *taşlandık* – *отбросы*, *kaldık* – *остаток*, тув. *čartyq* – *половина*, *qoldiq* – *остаток* и т.д.

Примечательно, что причастный аффикс на *-dik⁴* в орхоно-енисейских памятниках, сочетаясь с послелогом *үчүн* – *для того, чтобы*, выступает в большей мере в качестве деепричастия, нежели причастия. Рассмотрим примеры: *Тэнри күч биртүк үчүн каным каган сүси бөри тэг эрмис – Небо, даровав им силу, сделало войско моего отца-кагана подобно волку* [13, с.98].

Причастный аффикс на *-dik⁴* в языках тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв., в отличие от орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятников, является менее употребительным. Исследуемый аффикс в памятниках уйгурского письма преимущественно выступает в субстантивной функции. В адъективной и предикативной функциях данный причастный аффикс употребляется довольно редко.

Рассмотрим примеры:

Билирмэн бу йанлыг тапуз кылдузун
Багырсаклык ол сэн мэни колдузун
Я знаю, что такое твое служение
Является состраданием, ты меня просил.

Муну мэн ма эмди сана кэлдүкүм,

*Мэнин кылкум эрди бу көркүттүкүм
Вот я тоже теперь к тебе пришел,
Каков был мой характер (мои поступки), это я показал*
[143, с.56].

Как явствует из приведенных выше примеров, формы на *-dik⁴* передают предикативный оттенок, оставаясь при этом субстантивной категорией с аффиксами принадлежности.

Промежуточностью их значения между субстантивностью и глагольностью, как верно отмечает В.М. Насилов, можно объяснить и широту их применения в синтаксических конструкциях в функции определения, дополнения, обстоятельства, подлежащего [143, с.57].

Рассмотрим примеры: *Кылдукум ишлэрнин – дела, которые я выполнил; бу сордукум – мой вопрос* и т.д.

В языке дастана «*Китаби – Деде Коркуд*» также встречается причастие на *-dik⁴*. В этом дастане рассматриваемый аффикс принимает аффиксы принадлежности: *istədüüküm – мой желанный; atduğu – брошенный им* и т.д.

Причастный аффикс на *-dik⁴* в «*Китаби - Деде Коркуде*», как отмечает А. Дамирчизаде, употребляется иногда в качестве инфинитива: *Gəzdigindən öldügün yeg ola – Тебе лучше умереть, чем скитаться* и т.д. [231, с. 55].

Причастный аффикс на *-dik⁴* в азербайджанском языке широко употреблялся во всех периодах его развития. Подобно другим тюркским языкам огузской группы, данный аффикс принимает аффиксы принадлежности.

Однако следует отметить, что рассматриваемый аффикс сочетался с аффиксами принадлежности в более поздний период развития азербайджанского языка.

Свидетельством этому является недостаточность фактов использования данного аффикса в сочетании с

аффиксами принадлежности в письменных памятниках азербайджанского языка средних веков.

Показательно по этому поводу высказывание С. Ализаде: «Неслучайно, что в письменных памятниках средних веков встречается немало фактов употребления причастия на *-dik⁴* без аффикса принадлежности» [236, с.16].

В азербайджанском языке причастная форма на *-dik⁴* обладает глагольным свойством переходности-непереходности: *oğlumı göndərdiyim məktəb-şkola, в которую я отправил сына, hədiyyəni verdiyi dost – друг, который вручил подарок* и т.д.

Помимо этого, форма на *-dik⁴* в азербайджанском языке главным образом образуется от глагольных основ основного, возвратного, понудительного, взаимно-совместного залогов. В случае образования рассматриваемой причастной формы от глагольных основ страдательного залога, она подвергается окказиональной субстантивации.

Обращает на себя внимание следующая особенность причастной формы на *-dik⁴* в азербайджанском языке. Так, в азербайджанском языке посредством исследуемой формы образуются некоторые деепричастные формы (*-dıqda⁴*, *-dıqca⁴*).

Например, *yazdıqda – в то время, как (когда) напишу, oxuduqda – когда прочитано; öyrəndikcə - когда узнаю, gördükcə - когда увижу* и т.д.

Перечисленные выше особенности причастной формы на *-dik⁴* не являются исключительно особенностями азербайджанского языка. Подобные особенности исследуемой причастной формы наблюдаются также в турецком и гагаузском языках.

Наряду с этим, причастная форма на *-dik⁴* в азербайджанском языке, сочетаясь с аффиксами принадлежности

и исходного падежа, образует наречие. Отметим также, что данное наречие может употребляться и с послелогом *sonra – потом*. Например, *oxuduğumda – когда я читал, oxuduğandan sonra – когда я (ты, он и т.д.) прочитал* и т.д.

Как отмечалось выше, причастная форма на *-dik⁴* в азербайджанском языке подвергается окказиональной субстантивации. Окказиональная субстантивация рассматриваемой причастной формы осуществляется: а) посредством употребления в качестве сказуемого – *gördüyümdür – увиденное мною, yazdığımıdır – написанное мною* и т.д.; б) в случае, если в предложении не используется определяемое: *tənim yazdığım – написанное мною, götürdüyü haradadır – где, то, что он взял* и т.д.; в) посредством сочетания с послелогом *ilə – вместе*, с: *görüüb – görmədiyimlə maraqlanar – он интересуется, увидел ли я* и т.д.

В современном турецком языке причастная форма на *-dik⁴*, главным образом, употребляется с аффиксами принадлежности: *yazdığım kitap – книга, которую я написал, dinlediğiniz müzik – музыка, которую вы слушали, anlattığınız hikaye – история, которую вы рассказали* и т.д.

Подобно другим тюркским языкам, в современном турецком языке некоторые причастные формы на *-dik⁴* субстантивировались: *bildik, tanıdık – знакомый* и т.д.

Небезынтересно отметить, что в турецком языке зафиксирован также фонетический вариант на *-dicek/-ticek*. Данная форма, подобно форме на *-dik⁴*, также принимает личные аффиксы, при этом наиболее употребительны формы 1 и 2 л. ед. числа.

Отметим, что форма на *-dicek/-ticek* преимущественно встречается в диалектах и говорах турецкого языка.

ка, а также в устном народном творчестве. Рассмотрим примеры:

Bakmaz misin etticeğin işlere

Başındaki boran ile kışlara

Ayagım deyse de taştan taşlara

Gayri gitmem yollarından yar senin (Кыршехирский говор, народная песня)

etticeğin işlere – выполненным тобою делам.

Фонетический вариант на –*dicek/-ticek* довольно часто употреблялся в турецком ашугском народном творчестве:

Emek verip dikticeğim bağlara

Daha koruk iken düştü bir sara

Altun aramaya çıktım dağlara

Salladım küreği tüfek bulundu (www.turkuler.com // Aşık Mahzuni Şerif «Veysel Babam uyan bak»)

dikticeğim bağlara – возведенным мною садам.

Примечательно отметить, что рассматриваемая форма в турецком языке весьма часто употребляется без имени существительного: *Aşık etticeğin başa yamandır kakışın* – *etticeğin –сделанное тобою; то, что ты сделал* и т.д.

В современном туркменском языке причастная форма на *дык/-дик/-дук/-дук* преимущественно выступает в качестве существительного. Рассматриваемая форма употребляется как с аффиксами лица, так и без них. Например: *Зынхар каст этмегил ийдигин нана* – *Не покушайся на хлеб, который ты ел* (Махтумкули. Избранные труды: в 2-х т. Т.2, Ашхабад: 1959); «Товшана догдук депе» *дийиндирлер* – *Говорят: «Зайцу дорог родной холм»* (Сейтеков Б. Гыз салгыды. Ашхабад: 1962) и т.д.

Причастная форма на *-дык/-дик/-дук/-дук* в туркменском языке в качестве причастия употребляется довольно редко. Однако с личными аффиксами исследуемая форма употребляется очень часто: *сен гелдигин – как только ты приедешь; онун алдыгы – как только он возьмет* и т.д.

В письменных памятниках туркменского языка 18-19 вв. имеет следующие фонетические варианты: *-дык/-дик, -тик/-тук/-тук, -сык/-сук/-сук*. Данная причастная форма в приведенных выше памятниках принимает аффикс принадлежности и имеет отрицательный аспект в форме *–мадык/-медик*.

Например: *Шу чекдигим ахызарым кайдадур – Где ты, измучившая меня, моя любимая; Гам гөрмедик йигит өзин мест эдер - Не видевший печали юноша будет веселиться* [52, с.6-7].

Интересно отметить, что форма на *–мадык/-медик* в туркменском языке, в отличие от других тюркских языков огузской группы, является также отрицательной формой причастия на *–ан/-ен*. Исторически же *–мадык/-медик* употреблялась лишь для причастной формы на *–дык/-дик*.

В современном гагаузском языке причастная форма на *–дык⁴* подразделяется на 2 формы: *–мадык* и *–дыы*.

Следует отметить, что в указанном языке фонетический вариант *–дык⁴* сохранился лишь в отрицательной форме данного аффикса. Положительная форма рассматриваемого причастия имеет фонетический вариант *–дыы*.

Несмотря на грамматическое сходство причастной формы на *–дык⁴* с причастием прошедшего времени на *–мыш⁴*, эти формы параллельно функционируют в гагаузском языке.

Интересно отметить, что в гагаузском языке вместо отрицательного аспекта причастной формы на *-мыш*⁴ нередко употребляется причастная форма на *-мадык*: *кайнанмыш киреч – кайнанмадык киреч – гашиёная и негашиёная извествь* [150, с.237].

В гагаузском языке положительная форма на *-дыы*⁴ имеет как звонкий, так и глухой фонетические варианты *-дыы*⁴/*-тыы*⁴.

Вторичный по своему происхождению фонетический вариант на *-дыы* зафиксирован лишь в гагаузском языке: *алдыы – взятый, истедии – желанный* и т.д. В других тюркских языках рассматриваемый фонетический вариант не наблюдается.

Примечательно отметить, что причастная форма на *-дыы* в гагаузском языке, выступая в атрибутивной функции, семантически аналогична форме на *-дык*⁴ в азербайджанском и турецком языках, с той лишь разницей, что в азербайджанском и турецком языках аффиксы принадлежности присоединяются к форме на *-дык*⁴, а в гагаузском – к определяемому - имени существительному, тогда как причастная форма на *-дыы* функционирует без изменений.

Сравним: азерб. *oxuduğım kitab*; тур. *okuduğım kitap*; гаг. *окудуу кийадым – книга, которую я прочитал (прочитанная мною книга)* и т.д.

Следует также отметить, что форма на *-дыы* в гагаузском языке, подобно форме на *-дык*⁴ в других тюркских языках огузской группы, способна субстантивироваться. Субстантивируясь, рассматриваемая форма принимает аффиксы принадлежности, множественного числа и падежей. Рассмотрим пример:

Бендии фистаны гиймедим,

Истедиимӓ да гитмедим (түркү)

*Понравившееся мне платье я не на
дела,
За желанного моего я не вышла
(песня)*

В якутском языке причастию на –дык⁴ соответствует причастие на –тах/-дах/-нах/-лах. Форма на –тах, как верно отмечают Л. Н. Харитонов и Е. И. Убрятова, существенно отличается от других причастных форм, что она в значительной степени стала собственно-глагольной формой [205, с.227; 189, с.60].

Отметим, что посредством данного аффикса образуются предположительное и второе условное наклонения в якутском языке. При образовании предположительного второго условного наклонений, причастие на –тах в якутском языке присоединяет аффиксы принадлежности. Например: *бардахпыт – значит, мы пошли; бардахпына – если я пойду, бардахпытына – если пойдём* и т.д.

Принимая падежные аффиксы, причастная форма на –тах в якутском языке выступает в качестве условного инфинитива, обстоятельства времени, сказуемого, дополнения и т.д.

Для наглядности рассмотрим примеры: *Оттон суолго түһэрэн кэбистэххэ – А что если на дороге сбросить* (условный инфинитив); *Колхозка киир-дэбиттэн быһа обуруокка үлэиир – Со времени вступления в колхоз он все работает на огороде* (обстоятельство времени); *Кинилэр техникуму бүтэрдэхтэрин сыл холбоспуттара – Они стали мужем и женой в год окончания техникума* (в обстоятельство времени) [47, с.237].

Как видим, причастие на *-тах* в якутском языке, в отличие от тюркских языков огузской группы, в атрибутивной функции не употребляется. Исключение составляет лишь основа *диэ* (*диэтэх*), в сочетании с которой причастие на *-тах* выступает в качестве определения. Например: *диэтэх киһи – такой уж (я, ты, он) человек, диэтэх дьон – такие уж (мы, вы, они) люди.*

Примечательно отметить, что посредством исследуемого причастного аффикса в якутском языке образуются самостоятельные слова с модальным значением утверждения и усиления высказанного. В данном случае причастная форма на *-тах* принимает аффиксы принадлежности и способна сочетаться с любой частью речи.

Рассмотрим примеры: *Кини да кыһыйдын буоллаба – Пускай, и он тоже досадует* и т.д.

Таким образом, причастная форма на *-dik⁴* в тюркских языках характеризуется наличием различных и своеобразных семантико-морфологических особенностей. Отличительные особенности причастной формы на *-dik⁴* наблюдаются не только в ее семантико-морфологических, но и в фонетических признаках, стяженных формах, а также в более активном или пассивном употреблении исследуемой причастной формы.

В древнетюркском языке, в отличие от современных тюркских языков, причастная форма на *-dik⁴* в атрибутивной функции употребляется без аффиксов принадлежности.

Несмотря на то, что причастная форма на *-dik⁴* в современных тюркских языках относится к причастиям прошедшего времени, в зависимости от контекста может выражать значение настоящего и будущего времени.

Причастная форма на *-dik⁴* будучи присущей преимущественно тюркским языкам огузской группы, встре-

чается также в некоторых тюркских языках других групп (башкирский, тувинский, якутский) и т.д.

Причастие на $-mi\zeta^4$

Аффикс на $-mi\zeta^4$ в тюркских языках, помимо причастия, употребляется также для образования как прошедшего времени глагола, так и деепричастия. Развитие причастной формы на $-mi\zeta^4$ в тюркских языках как в отношении ее структурно-морфологических, так и категориально-семантических особенностей рассматривается тюркологами неполностью установленной. Так, относительно статуса формы на $-mi\zeta^4$ в пратюркском языке некоторые языковеды полагают, что она восходит к праязыковому периоду, другие - к периоду после распада праязыка.

В этой связи, примечательно высказывание И.В. Кормушина: «Известные трудности представляет интерпретация неравномерной распределенности форм на $-mi\zeta^4$ и $-gan$ по тюркским языкам, не совпадающей с границами классификационных групп, а также неодинакового функционально-семантического облика одной и той же формы даже в близкородственных языках и т.п.» [105, с.173].

Несомненно, рассматривая форму на $-mi\zeta^4$ в тюркских языках, мы в очередной раз убеждаемся в достоверности его мнения.

Так, исследуемая причастная форма преимущественно функционирует в тюркских языках огузской группы (азербайджанский, турецкий, гагаузский, в туркменском языке - редуцирована). Из северо-восточных языков эта форма продуктивна в якутском языке, в тувинском и тофаларском языке – представлена лишь в морфо-

логически составном виде. В узбекском языке форма на $-mi\zeta^4$ – редуцирована, в уйгурском языке – непродуктивна. Однако, она довольно продуктивна в древнеуйгурском языке. В северо-западной группе тюркских языков причастие на $-mi\zeta^4$ зарегистрировано лишь в форме единичных лексемных заимствований.

Происхождение причастной формы на $-mi\zeta^4$ неоднозначно трактуется в лингвистической литературе. Аффикс на $-mi\zeta^4$ возводится Н.К. Дмитриевым к самостоятельному монгольскому слову $-mal/-mel$, где монгольским гласным $-a$, $-e$ корреспондируют тюркские гласные $-ы$, $-и$, звуку $l=ш$ [57, с.181].

А.Н. Кононов дает свою трактовку аффикса на $-mi\zeta^4$. Так, по его мнению, данная форма состоит из двух частей $-im+is$. А.Н. Кононов также отмечает, что форма на $-mi\zeta^4$ некогда целиком соответствовала по значению форме на $-ган$, и в какой-то, видимо, довольно поздний период происходит сужение значения формы на $-мыш$, причем определенную часть ее функции выполняет форма на $-дык$ [99, с.35].

В языке орхоно-енисейских памятников древнетюркской письменности рассматриваемый аффикс встречается в двух вариантах: $-mi\zeta^4$ и $-mis^4$. Следует отметить, что данная форма в орхоно-енисейских памятниках, в отличие от тюркских письменных памятников позднего периода, в атрибутивной функции употребляется довольно часто.

Причастная форма на $-mi\zeta^4$ характерна для тюркских языков огузской группы и является одной из древних причастных форм. В других тюркских языках (в частности кыпчакской группы) данная форма является непродуктивной и заменена причастием на $-ган/-ген$.

В отличие от некоторых тюркских языков, в языке орхоно-енисейских памятников данное причастие употребляется в основном залоге. Например, в современном азербайджанском языке посредством аффикса на $-miş^4$ образуются в основном причастия страдательные прошедшего времени: *asılmış şakıl* – повешенная картина и т.д.

В орхоно-енисейских памятниках подобно современным тюркским языкам имеют место случаи субстантивации причастия на $-miş^4$. Субстантивированные причастия на $-miş^4$ в рассматриваемых памятниках принимают преимущественно аффиксы принадлежности 3-л.: *йағмысы–приставший, тимиси – сказанное* и т.д. [110, с.7].

Небезынтересно отметить, что причастие на $-miş^4$ в субстантивированной форме встречается также в современном башкирском языке: *язмыш - судьба, тормош – жизнь, булмыш – сущность* и др. [13, с.96-97].

На наш взгляд, данный факт свидетельствует о том, что причастие на $-miş^4$ функционировала в древнебашкирском языке.

В башкирском языке, а также в его диалектах данная причастная форма заменена причастием на $-ған$. В большинстве диалектов кумыкского языка вместо формы на $-miş^4$ также употребляется причастие на $-ған$ [38, с.17, 39, с.21].

Данный аффикс широко распространен в тюркских языках в качестве аффиксов причастия - *yazılmış kitab* (азерб.) – написанная книга, прошедшего повествовательного времени - *китоп йазилмыш* (узб.), отглагольного имени – *geçmiş - прошлое* (турец.), *охитиш – образованный* (азерб.).

Употребление рассматриваемого аффикса в значении причастия и прошедшего повествовательного времени преимущественно характерно для азербайджанского языка. Аффикс на $-miş^4$ в азербайджанском языке участвует при образовании причастия прошедшего-времени, передающее: а) действие, которое относится к близкому прошедшему, б) действие, которое относится к давнопрошедшему, в) действие, которое относится к прошедшему-настоящему. Интересно отметить, что в азербайджанском языке причастия на $-miş^4$ в отдельных случаях выражают желание с оттенком зложелания: *başı batmış* – *чтоб он умер*; *evi yıxılmış* – *чтобы у него разрушился дом* и др.

Обращает на себя внимание следующая особенность причастной формы на $-miş^4$ в азербайджанском языке. Так, в отличие от других причастных аффиксов тюркских языков, рассматриваемый причастный аффикс образует причастие преимущественно от глагольных основ страдательного залога. Рассмотрим примеры: *Ortadan nazik kəndirlə bağlanmış kağızları da götürdü* – *Он также взял бумаги, связанные тонким шнуром* [235, с.42].

В современном азербайджанском языке причастные формы на $-miş^4$ не употребляются в качестве дополнения, подлежащего и именного сказуемого. Факты субстантивации причастия на $-miş^4$ в азербайджанском языке наблюдаются довольно редко, а также в рассматриваемом языке данная форма почти не сочетается с падежными формами. Причастия азербайджанского языка имеют категорию лица, времени, залога, отрицания.

Форма на $-miş^4$ в староазербайджанском языке также была достаточно продуктивной. Например: *Vi yıxılmış könlümi abad qılsan vəqtidir* – *Время излечить мое раненное сердце* [255, с.278].

Посредством аффикса на $-mı\check{s}^4$ начиная с VIII века, образовывались собственные имена тюркских и уйгурских каганов: *Tutmı\check{s}*, *Kut Bulmı\check{s}* и др.

Аффикс на $-mı\check{s}^4$, по поверьям тюркских народов (чтобы ребенок жил долго), употреблялся при образовании антропонимов: *Satılmı\check{s}*, *Toktamı\check{s}* и т.д.

Причастия на $-mı\check{s}^4$ в тюркских языках выступают в роли определения как главных, так и второстепенных членов предложения.

Причастная форма на $-mı\check{s}^4$ в современном гагаузском языке, образованная от непереходных глаголов употребляются в форме основного залога, причастия же, образованные от переходных глаголов выступают лишь в форме страдательного залога.

Приведем примеры: *Саадышта да бир бүүк колач, үстүндә үч мум йанэр, ортасында бир пишмиш таук ай-акча дурэр - У крестного отца на свадьбе большой каравай хлеба, на нем горят три свечи, а посредине жареная курица стоит на ногах; Вар мы топланмыш бибер ә? - Есть ли собранный перец?* и т.д. [149, с.235].

Рассматриваемая форма в гагаузском языке субстантивирясь, может сочетаться с аффиксами множественного числа, принадлежности, падежей, а также аффиксом-последелогом $-лан$, $-нан$. К примеру, *Аллахымыза аданмышын вармыш - У тебя, оказывается, есть (не-что) обещанное нашему Богу* [149, с.236].

Некоторые причастия на $-mı\check{s}^4$ в гагаузском языке перешли в разряд имен существительных: *үүренмиш - ученый и т.д.* [там же, с.236].

В современном турецком языке форма на $-mı\check{s}^4$, подобно азербайджанскому языку, относится к причастиям прошедшего времени: *yaşanmı\check{s} yıllar- прожитые годы, görülmemiş yerler - неувиденные места* и т.д.

В отдельных случаях в турецком языке зарегистрированы случаи субстантивации причастной формы на $-miş^4$: *geçmiş* – *прошлое*; *dolmuş* – *маршрутка* и т.д. [272, с.249].

В отличие от современного туркменского языка в письменных памятниках туркменского языка XIII-XIX вв. форма на $-miş^4$ встречается довольно часто. В туркменском языке эта форма заменена аффиксом на $-ан/-ен$. Непродуктивность формы на $-miş^4$ в современном туркменском языке мотивируется в тюркологической литературе избытком синонимических рядов и в отношении грамматических форм.

Так, как отмечается в «Грамматике туркменского языка, 1970»: «...если в тех или иных тюркских языках закрепились какие-то определенные формы причастия прошедшего времени, то в туркменском языке имеются все формы (в том числе и древние) причастия прошедшего времени: $-ан/-ен$, $-ган/-ген$, $-дык/-дик$, $-дук/-дук$, $-мыш/-миш$, $-муш/-муш$ и $-мадык/-медик$, $-маган/-меген$, $-ман/-мэн$ [48, с.361].

Форма на $-miş^4$ в современном туркменском языке преимущественно выступает в форме прошедшего времени глагола. В качестве причастия данная форма в указанном языке встречается в отдельных случаях. Например: *гечмиш эдебиятымыз* – *наша литература прошлого* и т.д.

Помимо этого, встречаются субстантивированные формы причастной формы на $-miş^4$ в туркменском языке: *окумыш* - *ученый* и т.д. [5; 362]. В туркменском языке форма на $-miş^4$ принимает как словоизменительные (*личные, падежные*), так и словообразовательные аффиксы ($-лы/-ли$, $-ек$).

Небезынтересно отметить, что в туркменском языке, в отличие от других тюркских языков огузской группы, аффикс $-mı\varsigma^4$ удваиваясь, субстантивируется и передает значение – *слухи*. Рассмотрим примеры: *Бир мышмыш бар – Есть какие-то слухи* [48, с.362].

Относительно синтаксических функций причастной формы на $-mı\varsigma^4$ в рассматриваемых памятниках туркменского языка, следует отметить, что она в предложении выступает в качестве подлежащего, сказуемого, определения. Приведем примеры: *Билменем мен бу оянымыш ятган ыкбалуммудур? – не знаю я, эта проснувшаяся, может, моя судьба?* (в роли подлежащего); *Мени элтип ташлажакмыш минара – Говорят, что меня бросят в минарет* (в роли сказуемого); *Дүзе гирип гөрдүм, олтурмыш чилтен – Выйдя в поле, увидел сидевших чилтенов* и т.д. [52, с.18-20].

В письменных памятниках туркменского языка форма на $-mı\varsigma^4$ выступает в фонетических вариантах – *муш*, *-муш*; *-мыс*, *-мис*, *-мус*, *мүс* и употребляется в значении как причастия, так и в значении прошедшего времени глагола. Например: *ачылмыш гүл* (в письменных памятниках туркменского языка) – *ачылан гүл* (в современном туркменском языке) и т.д. [52, с.7].

Известно, что между причастием и определяемым словом, как правило, не вставляются другие слова. Однако, в письменных памятниках туркменского языка между причастием и определяемым словом наблюдаются прилагательные, числительные и т.д. Например: *Исгендер Жемшид салдырмыш бейик биналар гөрүнүр – Виднеются высокие здания, построенные Искандером Джемшидом* [52, с.21].

Несмотря на то, что причастие на $-mı\varsigma^4$ характерно для тюркских языков огузской группы, эта форма встре-

чается также в некоторых других тюркских языках. Так, причастие на $-miş^4$ встречается в староузбекском языке. В роли причастия данный аффикс выступает лишь присоединившись к глаголу $-tur$ с деепричастием на $-a/-e$. Рассмотрим примеры: *кїладурмїи – делающий, аладурмїи – берущий* и т.д. [217, с.148].

Форма на $-miş^4$ в современном узбекском языке в причастной форме почти не употребляется.

В письменных источниках каракалпакского языка XIX-нач. XX-в. форма на $-miş^4$ является малопродуктивной: *көрмиш – увидевший* и т.д. [202, с.22].

Причастная форма на $-miş^4$ в мишарском диалекте татарского языка иногда встречается в значении имени действия или отглагольного существительного: *Берничә йыл йермешем йукка цыкты – Мои хлопоты в течение нескольких лет пропали даром; Нинди укымыш аласын инде алай йөрөп? – Какие уж знания получаешь, разъезжая так?* [117, с.200].

Исследуемая причастная форма изредка наблюдается также в южном диалекте башкирского языка. Рассмотрим несколько примеров: *азмыш – лит. азган – бродяжный, блудный, корамыш – кораган – составленный из лоскутков* и т.д. [133, с.68].

Отметим, что в отдельных случаях в башкирском литературном языке встречается форма на $-теш^2$: *диал. йенмеш – лит. енмеш – победивший, одержавший верх; упрямый своевольный* и т.д. [там же, с.68].

В современном якутском языке причастию на $-miş^4$ соответствует форма на $-быт$. Данная форма встречается в якутском языке в 3-х фонетических вариантах: $-быт$, $-мыт$, $-пыт$. Она также имеет отрицательную форму на $-батах$. Например: *буспатах моонньоҕон – несо-*

зревшая смородина, үөрэ - бин бүтэрбит обо – ребенок, окончивший учебу и т.д. [47, с.232].

Подобно тюркским языкам огузской группы, посредством этого причастного аффикса в якутском языке образуется прошедшее время. В якутском языке имеют место случаи субстантивации рассматриваемой причастной формы: *Балтыгар хотторбута олус кыһыылаах* – *Очень обидно его поражение перед младшей сестрой* [там же, с.232] и т.д.

Субстантивированная форма на *-miş⁴* имеет место также в языке памятников тюркоязычной литературы XIV века («*Хосров и Ширин*» Кутба, «*Гулистан бит-турки*» Сефа Сарай, «*Мухаббет-наме*» Хорезми): *йемиш-фрукт*; *куванмыш-радость*; *кэлмиш-приход, явление* и т.д. [93, с.17].

Исследуемый аффикс в данных памятниках в основном употребляется во временном значении.

Форма на *-miş⁴* в чувашском языке (в данном языке встречается в фонетическом варианте *-маш /-мёш*) сохранилась лишь в субстантивированных словах, например: *пётмёш – конец* и т.д. [193, с.9].

Данный аффикс в чувашском языке является заимствованным, а исконным считается вариант на *-мад /-мёд*: *курмад - судьба*» и т.д. Вариант на *-мад/-мёд* в современном чувашском языке употребляется редко, в основном встречается заимствованная форма на *-маш /-мёш*.

Отметим, что причастия на *-мад /-мёд*, *-маш /-мёш* в чувашском языке перешли в разряд имен существительных: *димёд - еда, кушанье; плоды, овощи*; сравним: др.-тюрк.- *йимиш*, уйг., узб., кирг., азерб., тур.- *йемиш*.; *кыркмыш, кырыкмыш - жеребенок - стригунок* и т.д.

Посредством аффикса на *-маш /-мёш* в современном чувашском языке также образуются производные

глаголы: *кёрмеш-заниматься, возиться с кем-чем-либо* и т.д. Глаголы на *-маш /-мёш* в основном зафиксированы в диалектах и говорах чувашского языка.

Форма на *-мыш* в тюркских языках огузской группы (исключение составляет туркменский язык) по сравнению с причастной формой в чувашском языке на *-маш /-мёш* являются наиболее продуктивными.

Проведенный сравнительно-исторический анализ позволил нам выявить целый ряд морфолого-семантических и синтаксических признаков причастной формы на *-miş⁴* в тюркских языках. Наиболее широкое употребление данное причастие находит в тюркских языках огузской группы (исключение составляет туркменский язык).

В тюркских языках других групп форма на *-miş⁴*, в основном, выступает либо в субстантивированной форме, либо во временной форме глагола.

ГЛАВА III

НЕСТАНДАРТНЫЕ ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ДИАЛЕКТАХ

Неличные формы глагола в тюркских языках преимущественно обладают сходными семантическими и синтаксическими функциями. Вместе с тем, в современных тюркских языках и их диалектах зарегистрированы такие формы, которые функционируют лишь в некоторых из них, т.е. являются нестандартными для того или иного тюркского языка. Неординарность каждой из неличных форм тюркского глагола проявляется при сравнительно-историческом анализе.

В данной главе монографии рассматриваются некоторые нестандартные причастные формы в тюркских языках и их диалектах, проводится сравнительно-исторический анализ их семантико-морфологических и функциональных особенностей.

Спецификация нестандартных причастных форм в современных тюркских языках и их диалектах относится к числу наименее освещенных и актуальных вопросов тюркологии. Изучение нестандартных причастных форм дает возможность раскрыть сложную природу неличных форм глагола в современных тюркских языках.

Перейдем к рассмотрению некоторых тюркских нестандартных причастных форм.

Форма на -гадаз/-гедег, -хадаз/-кедег, адаз/-едег

Форма на *-гадаз/-гедег, -хадаз/-кедег, адаз/-едег* в хакасском языке является причастием будущего предпо-

ложительного времени и сочетается как с положительной, так и с отрицательной формами глагола.

Рассматриваемая причастная форма передает значение действия, которое по предположению говорящего, может произойти в будущем: *ырлагадаг хызычах – девочка, которая, похоже, будет петь* и т.д. [49, с.237].

Причастие на *-кадыг/-гадыг* имеет место также и в шорском языке. Эта форма, подобно хакасскому языку, является причастием возможного будущего, т.е. передает значение действия, которое, возможно, будет совершено в будущем.

Например: *По керек полгадык – Это дело, похоже, что выйдет (возможно, может быть выйдет)* [62, с.135].

Форма на *-галак*

Причастный аффикс на *-галак* встречается в алтайском, хакасском, шорском, тувинском, барабинском диалекте сибирских татар, киргизском и якутском языках. В киргизском и якутском языках этот аффикс функционирует в следующих фонетических вариантах: *-а елек* (кирг.) и *-а илик* (якут.).

Как видим, рассматриваемый причастный аффикс наблюдается лишь в «сибирских» тюркских языках и киргизском языке. Нам представляется, что это и составляет специфику причастной формы на *-галак*.

Наличие формы на *-галак* в тюркских языках Сибири, является результатом влияния древнекыргызского языка, так как именно кыргызский язык дает достаточно данных для непротиворечивой этимологии этой формы (наличие модальной отрицательной частицы *elek*) [145, с.56-61].

Результатом влияния древнекыргызского языка, на наш взгляд, можно считать функционирование причастия на *-галак* и в «сибирских» тюркских языках, а также в современном якутском языке.

Возможно, наличие рассматриваемой формы в хакасском языке и в языке чулымских тюрков также является результатом влияния древнекыргызского и кыргызского языка.

Показательно на этот счет высказывание Н.Н. Широковой: «Кыргызский язык, взаимодействуя с языками разных племен, образовал хакасский язык со всеми его диалектами. Через кызыльский диалект хакасского языка язык енисейских кыргызов участвовал в формировании языка чулымских тюрков» [215, с.82-86].

Причастие на *-галак*, *-халах/-келек* в хакасском языке передает значение несовершенного, но ожидаемого действия или состояния.

Рассмотрим примеры: *чарылгалах порчо – еще не раскрывшийся цветок*, *сыххалах кун – еще не взошедшее солнце* и т.д. [82, с.108-123].

Причастная форма на *-калак/-галак* в шорском языке, подобно хакасскому языку, передает значение действия, еще не совершившегося, но ожидаемого.

Рассмотрим примеры: *келгелек – еще не пришедший*, *нангалак - еще не вернувшийся* и т.д. [62, с.136].

Несколько иначе обстоит дело в алтайском языке. Причастная форма на *-галак* в алтайском языке обозначает действие, которое не осуществилось, и относится к прошедшему времени. Это причастие в алтайском языке нередко заменяется отрицательной формой причастия на *-ган*. Иными словами, данная форма передает только значение прошедшего (отрицательного) времени.

Примеры: *чыккалак (чыкпаган) балага кабай жазаба* – еще не родившемуся ребенку не делай люльку; *бис келбеген (келгелек) нөкөрөбисти сакып турубыс* – мы ожидаем нашего еще не вернувшегося товарища и т.д. [179, с.88].

В якутском языке причастная форма на *-галак*, как было отмечено выше, имеет фонетический вариант *-а илик*. Посредством этого аффикса в якутском языке образуется наклонение еще неосуществленного действия (в настоящем, прошедшем и будущем временах).

Причастие на *-а илик* в якутском языке принимает падежные аффиксы, аффиксы сказуемости, а также выступает в роли любого члена предложения (подлежащего, обстоятельства времени, дополнения и т.д.).

Рассмотрим примеры: *Көрө иликтер бары көдүлэр* – Все, ранее не видевшие, увидели (подлежащее); *Аһы илигин букатын умнан кэбистэ* – Он совсем забыл то, что он еще не кушал (дополнение) и т.д. [47, с.240].

В барабинском диалекте языка сибирских татар форма на *-галак* также передает значение ожидаемого действия и выступает лишь в падежной форме, т.е. сочетается с аффиксом местного падежа *-та*: *-галакта*.

Приведем пример: *Пир йыл тулгалакта ишгэ цыкты* – Еще не исполнился год, как он вышел на работу [188, с.79].

Форма на *-(-а,-е) дурон, -дорон*

В оламском диалекте туркменского языка зарегистрирована специфическая причастная форма на *(-а, е) дурон, -дорон* = литер. *-ян, йән*.

Сравним для наглядности: *чыкъадорон* = литер. *чыкян* – выходящий и т.д. [40, с.175].

Рассматриваемая форма на (-а, е) *дурон* характерна и для сарыкского диалекта туркменского языка: *алдырон* - *берущий* и т.д. [142, с.16].

Отметим, что данная форма (в несколько иной фонетической форме) представлена также в староузбекском языке: *гарк боладургъан* – *тонувший* [14, с.23].

Заметим, что в отличие от оламского диалекта туркменского языка, в староузбекском языке форма на – *дургъан* передает значение причастия прошедшего времени: *чыкъадорон* – *выходящий* (оламский диалект), *гарк боладургъан* (староузбекский язык) – *тонувший*.

Это, на наш взгляд, мотивировано тем, что второй элемент аффикса *дургъан* – *гъан* в тюркских языках кыпчакско-карлукской групп образует причастия прошедшего времени.

В современном узбекском языке исследуемая причастная форма выступает в форме –*диган* (< *турган*) и передает значение настоящего-будущего времени. Отметим, что полная форма причастия – *а турган* в современном узбекском языке малоупотребительна.

Примеры: *ёзадиган* – *пишущий, который напишет*, *кабул киладиган* – *принимающий, который будет принимать* и т.д. [101, с.238-239].

В современном татарском языке форма на –*а торган* относится к причастиям настоящего времени и функционирует в качестве определения не только при субъекте, но и при объекте действия.

Приведем несколько примеров: *Әнә жәйләрен бөтенләй кибеп бетә торган инеш* – *Вон речка, которая почти совсем высыхает летом* (со значением субъекта действия); *Светлана үрелеп кенә өстәл өстеннән укый торган китабын алды* – *Светлана, потянувшись, доста-*

ла со стола книгу, которую читала (со значением объекта действия) и т.д. [180, с.222].

Субстантивация формы на *-а торган* нехарактерна для татарского языка.

Субстантивированная форма данного причастия в татарском языке зарегистрирована лишь в устойчивых сочетаниях и в поэтических произведениях.

Пример: *Ул алай түбәнгә карап авызына су капыб тора торганнардан түгел – Он не из тех, которые смотря вниз и молчат, как-будто набрали в рот воды и т.д.* [180, с.223].

В диалекте черневых татар (туба-кижи) причастная форма на *-а торган* имеет фонетический вариант – *атан//этен, -йтан//йтен*. Это причастие в рассматриваемом диалекте относится к причастиям будущего долженствовательного времени.

Форма на –атан//этен, -йтан//йтен

Форма на *-атан//этен, -йтан//йтен* в диалекте черневых татар выполняет как определительную, так и предикативную функции.

Например: *Эрге бартан кыс – Девушка, которая должна выйти замуж, атанатан кижжи – отправляющийся человек (в определительной функции); кижининь керегине кадыт кижжи киришпейтен – в чужие дела женщина не должна вмешиваться (в предикативной функции)* [26, с.49].

В диалекте западносибирских татар причастие на *-а торган* выступает в фонетической форме на *-атогон/-атаган/-этэгән/-атын/-этен* и передает значение настоящего времени.

Приведем примеры: *партоган – тот, который идет, идущий, киләтегән – тот, который приходит, приходящий* и т.д. [12, с.173].

Отметим, что причастная форма на *-атоган/-атаган* в диалекте западно-сибирских татар выступает в роли подлежащего, дополнения и определения.

Например: *Кәпләйтегәнем тап таса пәттө – Мое слово кончилось окончательно* (в роли подлежащего); *Нинтәйен ат алатыганын пелмәгән игән – Он не знал, какую лошадь будет покупать* (в роли дополнения); *Песөйтә калатыган кешеләр – Мы – люди, которые должны остаться дома* (в роли определения) [12, с.175].

В языке сибирских татар форма на *-а торган* имеет стяженный фонетический вариант – *тыган/-таган/-тыгын, -ткын* и относится к причастиям настоящего времени.

Например: *Аш шайлытыган катын – Женщина, которая обычно готовит обед* и т.д. [188, с.81].

Форма на *-а торган* в современном казахском языке выступает в фонетическом варианте *–атын/-етін/-итын*.

Небезынтересно отметить, что в казахском языке причастие на *–атын*, сочетаясь с аффиксами сказуемости, выступает в предложении в качестве сказуемого.

Рассмотрим пример: *келетін кісі – человек, который должен прийти* (в качестве определения); *Біз Удайдын көк майсалы жағасында отыратынбыз, онда дем алатынбыз – Мы сидели на зеленом берегу Удая и отдыхали* (в качестве сказуемого) [174, с.323].

В карачаево-балкарском языке форма на *-а торган* передает значение настоящего времени момента речи, а также выражает постоянность и повторяемость субъекта и объекта действия.

Например: *сёлеше тургъан* – говорящий (в момент речи), *жаза тургъан адам* – пишущий, часто занимающийся писанием и т.д. [44, с.218].

Форма –адогъон, -ядогъон, -эдогъон

Обращает на себя внимание следующая деепричастно-причастная форма –адогъон, -ядогъон, -эдогъон в караимском языке. Посредством этого аффикса в караимском языке образуются как деепричастия, так и причастия.

Деепричастная форма, образованная при помощи аффикса -адогъон, -ядогъон, -эдогъон передает значение действия, совершающегося одновременно с действием основного глагола. В отдельных случаях рассматриваемая форма сочетается с аффиксом –ча: *одогъонча*. В современном караимском языке аффикс на –адогъон функционирует в редуцированной форме – *адогъоч*.

Для наглядности приведем несколько примеров: *айтадогъон* – говоря, *ачадогъоч* – открывая и т.д. [137, с.61].

Как отмечено выше, аффикс –адогъон в караимском языке образует также причастные формы. Посредством формы на –адогъон образуются причастия настоящего времени от непереходных глаголов.

Рассмотрим примеры: *чыгъадогъон* - выходящий, *келядогъон* – идущий и т.д. [137, с.62].

Форма на –увчу

Причастная форма на –увчу зарегистрирована в караимском, узбекском, татарском, карачаево-балкарском и киргизском языках.

В караимском языке аффикс на –увчу образует причастия как настоящего, так и прошедшего времени.

Примеры: *айтувчу – говорящий, говоривший* [137, с.62].

В татарском языке аффикс на –увчу имеет несколько иной фонетический облик: *-учы/-уче* и относится, в отличие от караимского языка, к причастиям только настоящего времени. В современном татарском языке причастие на –увчу передает:

1) значение действия, предшествовавшего действию основного глагола: *Ә, әнем Якуб, ул субранжа дигәннәре кайчан жыелачак сон? – диде әлеге су турында сүз кузгачучы карт – Братец Якуб, а когда же будет это собрание? – сказал тот старик, который завел речь о воде;*

2) значение действия, которое происходит одновременно с основным глаголом: *Түбән очка кайтып баручы Гафият, Бер ярым Миннулла, Гапсаттар һәм тагын берничә кеше язгы чәчү турында сөйләшәләр – Возвращающиеся на другой конец улицы Гафият, Миннулла, Гапсаттар и еще несколько человек говорили о весеннем севе* [180, с.221].

Необходимо отметить, что причастная форма на *-учы/-уче* в татарском языке нередко субстантивируется.

Примечательно, что в ранних грамматиках татарского языка форма на –учы расценивалось преимущественно в качестве имени действующего лица, на что в свое время указывал М.А.Казембек: «Имя действующего в разных отношениях может быть рассматриваемо и как род причастия настоящего. Образуется оно прибавлением частицы –у-чы (-учы)» [90, с.67].

Рассмотрим несколько примеров: *Ул төнне авылда йоклаучы булгандырмы, ләкин Фатыйманын күзенә йокы кермәде – Спал ли кто-нибудь (букв.: был ли спящий) в ту*

ночь в деревне, но Фатыйма не могла заснуть [180, с.221].

Некоторые причастия на *-учы/-уче* в татарском языке, утратив глагольные свойства, начали употребляться в качестве имен существительных: *язучы-писатель, укучы - ученик* и т.д.

В современном киргизском языке причастная форма на *-увчу* имеет фонетический вариант на *-уучу, -оочу, -чу* и рассматривается как причастие настоящего-будущего времени. Данная форма, подобно татарскому языку, в киргизском языке довольно часто субстантивируется.

Рассмотрим несколько примеров: *Анан алдагы бир азга катты телмире тиктеп, сандыктагы кат сактоочу тулубуна салып коёт* (в качестве причастия) – *Потом она, еще немного посмотрев на письмо, положила его в мешочек для хранения писем, лежащий на сундуке; жазучу - писатель* (в качестве имени существительного) и т.д. [45, с.309].

Отметим, что посредством аффикса на *-уучу/-оочу* в киргизском языке образуется спрягаемая форма прошедшего времени.

Например: *Чынында атам Эргешти сыйлоочу... – На самом деле мой отец всегда уважал Эргеше...* [45, с.309].

Как видим, в современном киргизском языке аффикс на *-уучу/-оочу* участвует при образовании причастий, имени существительного и спрягаемой формы прошедшего времени.

В карачаево-балкарском языке причастная форма на *-ыучу/-учу* формально относится к причастиям настоящего времени.

Однако Н.А.Баскаков полагает, что «Форма на –*ьлучу/-учу* не связана конкретно ни с одним временем. Она характеризует действие, как постоянное свойство субъекта, которое сближается с настоящим временем» [44, с.218].

Причастная форма на –*ьлучу/-учу* в карачаево-балкарском языке, сочетаясь с глаголом *тур*, принимает описательную форму.

Для наглядности рассмотрим несколько примеров: *Мал алыучу Хасан –покупающий (постоянно) скот Хасан, жьырлаучу жаш –поющий парень; жаза туруучу – часто пишущий, имеющий обыкновение писать* (описательная форма) и т.д. [44, с.218].

В современном узбекском языке форма на – *увчи* рассматривается как глагольное прилагательное, функционально сближенное с причастиями. Эта форма в узбекском языке передает значение, как причастия, так и имени существительного.

Примечательно в этой связи высказывание А.Н.Кононова: «Формы на –*увчи* нередко, по значению афф. –*чи*, обозначают также самое лицо, а потому, например, слово *ёзувчи* имеет значения: 1) постоянно, профессионально пишущий, 2) писатель; *терувчи* – 1) собирающий, 2) сборщик» [101, с.239].

Причастная форма на –*увчи* в казахском языке функционирует в фонетическом варианте –*ушы/-уши*. Подобно другим тюркским языкам, в казахском языке исследуемая причастная форма нередко переходит в разряд отглагольных имен существительных. В качестве причастия форма на –*ушы/-уши* передает значение действия, которое совершается в настоящее время.

Приведем примеры: *Үй сыпырушы кыз бір топ кагазды стол үстіне койды – Девушка, которая убирает*

комнату (уборщица), положила на стол кучу бумаг (причастие); сатушы-продавец, окутышы учитель (имя существительное) и т.д. [174, с.324-325].

Проведем также сравнительно-исторический анализ причастных форм древнетюркского языка и их эквивалентов в современных тюркских языках. Предложенный сравнительный анализ позволяет выявить сходные и дифференциальные фонетические и морфолого-семантические особенности данных форм, как древнетюркском языке, так и в современных тюркских языках.

Причастия употребляются во всех современных тюркских языках и представляют собой один из сложных вопросов грамматики. Причастия в тюркских языках с синтаксической и морфологической точек зрения своеобразны.

Оригинальность причастий связана, прежде всего, с агглютинирующим строем тюркских языков, а также с влиянием соседних языков, как родственных, так и неродственных. С морфологической точки зрения причастие является отглагольно - именным образованием. В синтаксической структуре тюркских языков причастия функционируют в основном в качестве определения.

Причастные формы в тюркских языках нередко субстантивируются и подвергаются предикативации. Субстантивируясь, они выполняют функцию подлежащего, обстоятельства, дополнения, а подвергаясь предикативации – функцию сказуемого.

Большинство тюркских причастий многофункциональны: выступают как в атрибутивной, так и в предикативной функциях. Однако некоторые причастия в тюркских языках выступают лишь в атрибутивной функции. К таковым относятся причастие *-an/-en* в азербайджанском,

турецком и гагаузском языках, причастие –*tokçi* в узбекском языке и т.д.

Небезынтересно отметить, что якутский язык стоит несколько особняком в семье тюркских языков. Лишь в якутском языке все причастия являются полифункциональными, т.е. выступают в атрибутивной и предикативной функциях.

Рассмотрение данной категории тесно связано с историей изучения современных тюркских языков. Исследуемый материал является объектом исследования наличествующих теоретических посылок относительно происхождения древнетюркских причастных аффиксов.

Как в диахроническом, так и в синхронном аспектах изучения языка причастия в тюркских языках обладают тесными функциональными и семантическими связями с категорией имен и глаголов. Вследствие этого, тюркские причастия рассматриваются в качестве особого разряда атрибутивно-определительных слов, как с именными, так и глагольными признаками.

Период древнетюркского языка охватывает 8-13 вв. В научных исследованиях по древнетюркскому языку причастные формы преимущественно рассматривались под названием *глагольное имя* и *причастие*.

Древнетюркские причастные формы глагола освещены в академических и описательных грамматиках, статьях и исследованиях Д.М.Насилова [144], Е.Шюкюрова [260], А.А.Кулиева [110], Дж.Бензинга [316], А.Н. Кононова [102], К.Эраслана [273], В.Г.Кондратьева [97], А.Джафероглы [269], М.А.Эрдала [320], Н.Н.Телицина [181], А.Б.Эрджиласуна [275], М.Танча [299], А. вон Габена [279], Н.Гаджиэминоглы [284] и т.д.

А. Вон. Габен исследуя причастные аффиксы, именовала их глагольными именами: *-duq*, *-diik*, *-tuq*, *-tiik*, *-gu*,

-gü, sig, sig, sug, süg, guluq и аффиксами, образующими причастия от глагольных основ: -gli/-gli, -gma/-gme, -maz/-mez, -miş/-miş, -sig/-sig, -sug/-süg, -yuq/-yük [279, с.55-58; 82-84].

А.Б. Эрджиласун изучал причастные аффиксы -miş, -duk, -igma, -ir/-ar, -sir/-sir, -maz, sık, -daçı, -yuk, -gli, -gan, -gu, -guluk/-gulug; Е.Шюкюров и А.Магеррамов - -duq, -dük, -tuq, -tük, -guluq, -miş⁴, -ir⁴, -igma/-igme, -guluk, -güçi, -gil, -yuq; А.Джафероглы - -miş, -duk, -gma, -ir/-ar, -sir/-sir, -maz, sig, -daçı, -teci, -yuk, -gli, -gan, -gu, -guluk/-gulug; К. Эраслан - duq, -dük, -tuq, -tük, -gan/-gen, -gu/-qu, -miş⁴, -ir⁴, -yuq, -miş, -gma, -ir/-ar, -maz, -sig, -daçı, -teci, -yuk, -gli; Ш.Текин - -tuk, -yuk, -miş, -ar, -ir, maz, -daçı; Н.Гаджиэминоглы - -di/-di, duq, -dük, -tuq, -tük, -gan/-gen, -agan/-egen, -guçi/-güçi, -guluk/-gülik, -gusi/-güsi, -ası/-esi, -gu/-qu, -miş⁴, -ir⁴, -yuq, -miş, -gma, -ir/-ar, -maz, -sig, -daçı, -teci, -yuk, -gli [275, с.280-282; 260, с.156-160; 269, с.143; 273, с.46-51; 302, с.85-86; 284, с.164-171].

В тюркских языках причастия в большинстве случаев группируют либо по функциональным признакам, либо по признакам грамматической семантики.

К примеру, А. Н. Кононов классифицирует причастия в языке памятников тюркской рунической письменности с точки зрения грамматической семантики: причастия настоящего времени (-r), прошедшего времени (-муş, -duq, -суq) и будущего времени (-daçy) [102, с.120].

М. Эрдал выделяет в древнетюркских языках следующие причастия: *imperfect participles*, *perfect participles* or *projection participles* [320, с.278].

В.Г. Кондратьев, в отличие от А.Н. Кононова, классифицирует причастия древнетюркского языка по функциональным признакам: причастия состоят из атрибутивных (-зма, -глы, -гучы, -дачы) и субстантивно-

атрибутивных (-р, -мыш, -дык, -гу, -гулук, -йук, -сык) форм [97, с.93].

В тюркском языкознании существует мнение о том, что тюркские языки наряду с общими тюркскими корнями развития, становления и функционирования имеют также и особенности, свойственные отдельным языкам.

В данной монографии мы попытаемся рассмотреть причастные формы древнетюркского языка и их эквиваленты в современных тюркских языках.

Причастие на *-gu/-gü, -qu/-kü* относится к причастиям будущего времени. В древнетюркском языке эта причастная форма сочеталась с аффиксами *-çi/-çi, -lıq/-lik⁴, -sız⁴*.

Как отмечает К. Эраслан, причастие на *-gu/-gü, -qu/-kü*, сочетаясь со словом *kerek* - *необходимо*, передает значение необходимости [273, с.85].

В древнетюркском языке причастная форма на *-gu/-gü, -qu/-kü* используется:

1) в качестве причастия будущего времени *-acak²: qutgarqu* – *то, что должно быть спасено* [273, с.89];

2) в качестве долженствовательного наклонения: *bidi öze urgu ol-* *нужно ударить по лицу* [там же, с. 90];

3) в качестве масдара *-yiwik tol-gu toş-gu-ka* – *необходимо полностью построить сооружение* [279, с.83].

Причастие на *-gu/-gü, -qu/-kü* используется с частицами *teg, üçün, üze*.

Например, *sizni körgü üçün* – *чтобы увидеть вас* и т.д. [273, с.90].

В языке орхоно-енисейских письменных памятников причастная форма на *-daçy* малоупотребительна.

В тюркологической литературе существуют различные мнения относительно этимологии данной формы.

В связи с этим, В.В.Радлов отмечает, что аффикс –*çу* в форме –*daçу* обозначает профессию, род занятий [329, с.96-97].

Аффикс –*daçу* образовался, как полагает Н.А. Баскаков, посредством присоединения к аффиксу местного падежа –*да*, –*та* аффикса прилагательного, существительного [24, с.435].

Гипотеза В.Котвича относительно этимологии формы –*daçу* является на наш взгляд наиболее убедительной. Так, В.Котвич отмечает, что аффикс –*да*, –*та* в данной форме является рудиментом древнего причастного аффикса [107, с.308].

Причастие на –*daçу* в древнетюркском языке выступает в атрибутивной, субстантивной и предикативной функциях. Рассматриваемое причастие наиболее часто употребляется в субстантивной и предикативной функциях.

В языке древнеуйгурских памятников форма –*daçу~-daçi~-taçу~-taçi* передает значение «настоящего-потенциального времени» с оттенком возможности совершения действия: *suв ol odus altaçу tamarlary... Cocyды, котopые способны собирать воду и влагу....* [143, с.54–58].

Наряду с этим причастная форма –*daçу* при окказиональной субстантивации передает значение производителя действия: *asyу tusu qyltaçылар. ara anada jegrak bol-tuqtmaz* - Среди тех, кто способен творить добро, лучшие матери нет [143, с.54–58].

В предикативной функции форма на –*daçу* совместно с личными аффиксами присоединяется к глагольным основам и передает значение будущего времени.

Отрицательный аспект исследуемой формы образуется посредством отрицательного аффикса –*та*-. В от-

дельных случаях при образовании отрицательной формы причастия на *-daçy* выпадает согласный *-d* аффикса: *-madaçy = -maçy - tujmadaçylar* от *tuj*; *-sozlamaçi* от *sozla* [183, с.29].

В современных тюркских языках причастной форме на *-daçy* соответствует причастие на *-asi/-esi*.

Причастная форма на *-yucu* (*-guçi/-quçu/-kuçi*) не была характерна языку орхоно-енисейских памятников. Эта форма зарегистрирована в древнетюркских уйгурских письменных памятниках. По-видимому, в языке орхоно-енисейских памятников причастие на *-yucu* появилось под влиянием древнеуйгурского языка.

Причастие на *-yucu* в древнетюркских уйгурских письменных памятниках функционирует лишь в качестве присубъектного определения: *otuz jyl jaşaуıçy tynlyylar... оуurlamaqtyn tydylurlar - Живые существа, живущие тридцать лет, удерживаются от воровства* [183, с.29].

Отрицательный аспект данной формы образуется посредством отрицательного аффикса *-ma-*: *oritmaguçi* от *orit* - *заставить показаться* [там же, с.29-30].

Форма на *-yıçu*, подобно причастной форме на *-daçy*, при окказиональной субстантивации передает значение производителя действия: *qa qadaşqa tartynyıçu bolur* - *Он станет тем, кто заботится о родственниках; тапінгүчи – повинующийся* [216, с.139].

Помимо этого, причастие на *-yıçu* выражает значение настоящего-длительного времени.

В языке орхоно-енисейских памятников форма на *-yıçu* функционировала лишь в субстантивированной форме.

Рассмотрим примеры: *Барq иткүчи, бәдиз йаратыгна, битик таи иткүчи, Табгач қаған чықаны Чан сәнүн кәлти* – *Для сооружения надгробного здания, для*

сооружения камня с надписью, украшенного резьбой, пришли каменотесы табгачского кагана и Чанг-Сенгун [216, с.11].

Форма *-зучи/- кўчи*, как отмечает А.А. Кулиев, в результате закономерных фонетических изменений перешла в *-ычы/-ичи/-учу/-үчү* [110, с.11].

Форма *-γly (-)(y)γly/-(i)gli/-(y)qly/-(i)kli* в языке орхоно-енисейских памятниках является малоупотребительной причастной формой. Преимущественно выступает в субстантивной функции: *otru ok kin terkinin bodistvniñ kelgusin kutugli kitumati kent ulustaqu bodun...унча тер тежurlar - Затем находящийся в городе Китумати (?) народ, ожидающий скорого прихода бодисатвы, так говорит...* [183, с.30].

Данная форма не имеет отрицательного аспекта.

Отметим, что в современных тюркских языках причастная форма *-γly (-)(y)γly/-(i)gli/-(y)qly/-(i)kli* не употребляется. Однако рудименты исследуемой формы зарегистрированы в языке «*Китабу-Деде Коркуда*».

Рассмотрим пример: *Günahınızı adı görüklü Məhətməd Mustafa üzü suyuna bağışlasın – Всемогущий (т.е. Бог) ваши грехи пусть простит ради Мухаммед Мустафы* [216, с.11].

В древнейгурских памятниках наблюдаются случаи, когда определяемое передает также значение место совершения действия, передаваемого первичной основой: *ol odun tanrı elig bogu qan kentu dintarlar erikli qıvraqıaru kelti - Тогда божественный правитель Бёгю-хан сам пришел в собрание (общину?), где находятся избранные (манихейцы)* [183, с.30].

Причастная форма *-ута (-)(y)ута/-(i)ута* в языке орхоно-енисейских памятников функционирует в атрибутивной и субстантивной функциях. Данная форма пере-

дает значение настоящего и общего времени, которое зависит от временной принадлежности глагола предложения. Подобно причастной форме *-улу*, форма *-ута* не имеет отрицательной формы.

Форма *-ута* в древнетюркском языке обозначает следующие значения:

а) постоянного признака предмета и б) отношения действия к месту.

Рассмотрим примеры: а) *Бөдкә көрикмә бәкләр кү йанылтачы сиз* – *Беки, послушные престолу, ведь вы склонны заблуждаться*; б) *Тинәси оглы йатызма тагда тәкмис* – *Тюркский народ достиг горы, где живет Тинәси-оглы* [216, с.10-11].

Форма *-ута*, субстантивируясь, передает значение производителя действия и выступает в качестве подлежащего или дополнения. Например: *otluq opru ev barq ol... oyl qyz tegma baу şoy ol* – *Огненное логово — это дом, а то, что называется сын и дочь, — это узы и пути* [183, с.30].

В современных тюркских языках причастная форма *-ута* не зарегистрирована. Функцию данной формы в тюркских языках огузской группы выполняет причастие настоящего времени на *-an/-en*.

Причастная форма *-syq* (*-sik*, *-suq*, *-suk*) встречается лишь в орхонских текстах и функционирует в атрибутивной и субстантивной функциях.

Однако, как отмечает А.А. Кулиев «В атрибутивной функции причастие *-сыq/ -сык* выступает довольно редко; встречено всего одно такое употребление: *Ил тутсыq йир өтүкән йыш ермиш* – *Отюкенская чернь была как раз та страна, где можно было создать племенной союз*» [110, с.6].

Из вышеприведенного примера вытекает, что причастная форма *-suy* в основном передает значение будущего времени с оттенками долженствования, желательности, условности выполнения действия.

Причастная форма на *-suy* субстантивирюясь, может принимать аффиксы принадлежности.

Рассмотрим примеры: *ol sabıy esidip tün udisiqim kelmedi küntüz olursiqim kelmedi* – *Услышав те речи, я ночью не мог спать, днем не находил покоя* [164, с.173].

Относительно этимологии форма *-suy*, Н.А.Баскаков отмечает, что данная форма генетически однородна с аффиксом причастия на *-duq/ -дук* [24, с.443].

По-мнению К.Броккельмана, аффикс причастной формы *-suy* образован от корневой морфемы глагола – *сыз* – *вымешать, входит, соответствовать* [317, с.24].

Так, причастная форма на *-suy* в современных тюркских языках не зарегистрирована. Данной причастной форме в некоторых современных тюркских языках соответствует причастие на *-malı/-meli* (например, в азербайджанском языке).

Рассмотрим пример: *Beynəlxalq münasibətlərdə qırılmalı qaydalar çoxdur* – *В международных отношениях очень много правил, которые не нужно соблюдать* (азерб.яз) и т.д. [254, с.269].

Причастная форма *-juq/-juk* характерна памятникам древнеуйгурского языка и обычно употребляется в функции сказуемого, а случаи адъективного использования редки [327, с.29].

Отрицательный аспект причастной формы на *-juq/-juk* образуется посредством отрицательного аффикса – *та: -та* + *-juq*.

Причастие на *-juq* передает значение признака действия, которое осуществилось в прошлом.

Приведем пример: ...*tukajuk tanašysyz edgularin* - Несравненная доброта, которая закончила... [183, с.35].

Причастная форма на *-juq* сочетаясь с аффиксом дательного-направительного падежа, выступает в качестве обстоятельства причины: *taŋrika jaŋuš ajuu bertajukka bašun kozin aŋrutur* - То, что он не принес жертву бо-жеству и не соблюдает обетов, вызовет боль в голове и глазах [183, с.32].

Отметим, что причастная форма на *-juq* из современных тюркских языков сохранилась с различными фонетическими вариантами лишь в тувинском, хакасском и тофаларском языках. В тувинском языке данная форма функционирует в фонетическом варианте *-чык*, в хакасском - *-чых*, тофаларском - *-чжык*.

Как отмечает Н.Н.Широбокова: «... В этом процессе важную роль играл древнеуйгурский язык, с которым связано появление в тувинском языке причастия *-juq*...» [214, с.130].

Причастие на *-yuluq* (*-guluk/-quluq/-kuluk*) в атрибутивной форме не функционировало в языке орхоно-енисейских памятников. Форма на *-yuluq* (*-guluk/-quluq/-kuluk*) в языке орхоно-енисейских памятников употреблялось лишь в субстантивной функции.

Рассмотрим примеры: *йуйда қалын болсар толл-пулуд алт ермис* – Если тонкое станет толстым, тот, кто соберет (его) – герой [97, с.11].

Из примера вытекает, что данное причастие передает значение «будущего времени», с оттенком возможности или долженствования.

Рассматриваемое причастие, в основном, свойственно древнетюркским уйгурским письменным памятникам.

В отличие от *-yü*, как отмечает Н.Н. Телицин, форма *-yüliüq* чаще всего встречается в адъективной функции, что, скорее всего, обусловлено наличием аффикса *-liüq* (показатель, образующий прилагательные) [181, с.102–103].

Причастная форма на *-yüliüq* в отдельных случаях сочеталась с послелогом *uĉün*. Употребляясь с этим послелогом, форма на *-yüliüq* передает значение обстоятельства причины.

Рассмотрим пример: *teginmak saqunĉ qylynĉ biligta ulaty alqu nomlar saqunaly bokungali bolmayuluq uĉün bilga bilig bramit jema saqunaly bokungali bolmayuluq erur* - Так как оцущения, мысли, дела и сознание (знание?) и другие элементы (*dharm*) нельзя понять и осмыслить, то не в состоянии понять и осмыслить это даже мудрая наука и добродетель (*pāramitā*) [183, с.36].

Причастная форма *-yalyr* (*-galir/-qalyr/-kalir*) в адъективной функции функционирует довольно редко. Данная форма в основном употребляется с послелогом *uĉün*, а также в форме аблатива с послелогом *beru*.

Рассмотрим примеры: 1) *taqy jema inis i //ik qutyalyr uĉün antiris jazuqluq tynlyu osuyluq avy// baru jarlyqady* - Затем, чтобы освободить своего младшего брата, он соизволил пойти подобно живому существу, наделенному грехом смерти; 2) *eli turyalyrtyn beru okuĉ jyllar otmiĉ* - С тех пор как было создано его государство, прошло много лет [332, с.119–120].

Из приведенных выше примеров исходит, что при употреблении причастия *-yalyr* с послелогом *uĉün* оно выступает в качестве обстоятельства цели, а с послелогом *beru* – в качестве обстоятельства времени.

Таким образом, причастные формы в древнетюркском языке и в современных тюркских языках характери-

зуются особенностями своего употребления. Отдельные причастные аффиксы являются общими для тюркских языков. Наряду с этим, зарегистрированы некоторые причастные формы, присущие исключительно либо языку древнетюркских письменных памятников, либо современных тюркских языков. Такого рода особенности употребления зависят, на наш взгляд, влиянием, как экстралингвистических факторов, так и собственно изменениями в грамматической системе тюркских языков.

Рассмотренные древнетюркские причастные формы необходимо сгруппировать на адъективные формы и субстантивно-адъективные формы. Большинство тюркских причастий выступают как в атрибутивной, так и в предикативной функциях. Однако некоторые причастия в тюркских языках выступают лишь в атрибутивной функции. Лишь в якутском языке все причастия являются полифункциональными, т.е. выступают в атрибутивной и предикативной функциях.

Неличные формы глагола в тюркских языках хоть и изучены подробно, но все же есть проблемы, требующие новых подходов. В частности, в тюркологии ещё не исследована проблема сравнительного функционально-семантического анализа специфических форм неличных глаголов в тюркских языках и их диалектах. В связи с этим, сравнительное изучение специфических форм неличных глаголов в тюркских языках дает возможность раскрыть их общие и отличительные черты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Причастия в современных тюркских языках характеризуются богатым разнообразием функционально-семантических признаков и специфических категориальных характеристик.

Тюркские причастия с диахронической точки зрения имели предикативную функцию. В синхроническом аспекте они представляли собой единство предмета и его действия.

Причастные аффиксы в современных тюркских языках выполняют важную роль в образовании временных аффиксов и в словообразовании.

Древние причастные формы функционируют почти во всех современных тюркских языках (*-an/-en, -ar/-ır*).

Отдельные причастия наблюдаются либо в некоторых тюркских языках (причастия на *-gadz/-gedek* в хакасском и шорском языках, *-адогъон/-ядогъон* в караимском языке и т.д.), либо являются нестандартными формами одного тюркского языка (причастия современного якутского и чувашского языков).

Примечательно, что некоторые причастные формы в диалектах и говорах тюркских языков передают различный временной оттенок. К примеру, причастие на *-an* в современном туркменском языке отличается от значения таковой в остальных тюркских языках огузской группы.

В туркменском языке причастная форма на *-an*, подобно кыпчакским языкам, выражает значение прошедшего времени, тогда как в тюркских языках огузской группы исследуемая причастная форма передает значение настоящего, настоящего-будущего времени.

Обращает на себя внимание тот факт, что в письменных памятниках туркменского языка XVIII-XIX вв.

причастная форма на *-an* функционирует в форме *-gan*, которая характерна в основном тюркским языкам кыпчакской группы: ср. *ачылмаган пир гунчаны гөзләр-мән – Я ишу нераскрывшийся свежий бутон*.

Наличие в письменных памятниках туркменского языка фонетического варианта на *-gan* объясняется некоторыми тюркологами как следствие влияния староузбекского языка.

В диалектах и говорах современного туркменского языка также наблюдается употребление причастия на *-gan*.

По-нашему мнению, и в данном случае, наличие причастия на *-gan* в диалектах и говорах туркменского языка является результатом влияния территориально близких к туркменскому языку узбекского и каракалпакского.

Небезынтересно отметить, что в каракалпакских диалектах туркменского языка аффикс на *-gan* образует также форму прошедшего времени, ср. *барганлар* – вместо *баранлар*. Форма прошедшего времени на *-gan*, типичная для тюркских языков кыпчакской группы, нередко наблюдается в човдурском, сакарском диалектах. Аналогичное явление встречается также и в непограничных диалектах туркменского языка, таких, как салырский диалект и т.д. Рассмотрим примеры: човд. диал. туркм. яз. – *барлагъан* – он проверил, салыр. диал. туркм. яз. *гитген* – вместо *гиден* и т.д. [37, с. 320-321].

Несмотря на то, что в карачаево-балкарском языке причастная форма на *-gan* относится к причастиям прошедшего времени, иногда она передает значение настоящего и будущего времени.

Подобно татарскому языку, в казахском языке причастная форма на *-ган/ -ген, -кан/ -кен* является до-

вольно употребительной и относится к причастиям прошедшего времени; например: *сөйлеген жігіт – выступавший джигит* и т.д.

Обращает на себя внимание следующая особенность причастной формы на *-ған* в казахском языке.

Так, отрицательная форма данной причастной формы образуется тремя отрицательными формами: при помощи отрицательного аффикса *-ма/ -ме/-ба/-бе/ -па/ -пе – келмеген – не пришедший*; при помощи отрицательной частицы: *емес – болған емеспіз – не были*; посредством отрицательного слова *жок*.

Отметим, что причастная форма на *-ған*, сочетаясь с отрицательным словом *жок*, принимает аффиксы лица и принадлежности: *көрген жоксын – ты не видел, көрген жок – он (она) не видел (а), көргенім жок – я не видел, көргенін жок – ты не видел*.

Причастная форма на *-ған* в тувинском языке может передавать не только значения прошедшего, но и настоящего и будущего времен.

В хакасском языке помимо фонетического варианта на *-ған*, наблюдается также вариант на *-ан/-ен*, который свойственен тюркским языкам огузской группы. Этот фонетический вариант наблюдается после основ на гласный. Ср. *ойнаан, төреен* и т.д.

Сравнительно-исторический анализ грамматического статуса причастия в современных тюркских языках, а также сходных и дифференциальных особенностей причастных форм приводит нас к следующим выводам:

1. Относительно грамматического статуса причастий в тюркских языках мы склоняемся к точке зрения, что причастие в тюркских языках не является самостоятельной частью речи.

Доказательством данной гипотезы, являются следующие свойства причастия:

а) Слова, входящие в состав той или иной самостоятельной части речи, имеют собственную частеречную семантику, и выступают в соответствующей функции; причастие же передает значение функции той части речи, в качестве которой оно используется в контексте.

б) Самостоятельные части речи образуются посредством лексико-грамматических аффиксов, а причастия - функционально - грамматических аффиксов.

в) Самостоятельные части речи обладают собственными категориями и грамматическими значениями, в то время как причастия передают категориально-грамматические значения глагола и прилагательного.

Кроме этого, известно, что каждая часть речи имеет определенный набор как семантических, так и грамматических признаков. Части речи, не имеющие четко выработанного состава признаков, никогда не будут определяться как самостоятельные.

2. С древнетюркского периода причастный аффикс на *-gan* в древних и современных тюркских языках выполнял различные функции и являлся одним из наиболее распространенных причастных аффиксов.
3. К основным функциям аффикса на *-ган/-ан* в тюркских языках относятся: а) образование существительных; б) --- причастий; в) --- времен глагола; г) --- грамматических аффиксов; д) --- сложных глаголов.

4. Причастный аффикс на *-ган* еще с периода пратюркского языка первоначально выступал в качестве причастия, позднее образовывал существительные от глагольных основ.
5. Причастие на *-ган/-ан*, отличающаяся многофункциональностью, является наиболее широко распространенной и употребительной в современных тюркских языках. При помощи рассматриваемого причастного аффикса образуются не только причастия в тюркских языках, но и форма прошедшего времени глагола в тюркских языках кыпчакской и уйгурской групп.
6. В большинстве современных тюркских языках причастная форма на *-ган/-ан* выражает прошедшее время.
7. В шорском и ойротском языках причастная форма на *-ган/-ан* относится к причастиям настоящего-будущего времени.
8. Подобно тюркским языкам кыпчакской группы, в ойротском языке посредством причастия на *-ган* образуется прошедшее время глагола.
9. Для тюркских языков огузской группы характерен фонетический вариант на *-ан*. В тюркских языках огузской группы, за исключением туркменского, причастная форма на *-ан* передает значение настоящего времени. Причастная форма на *-ан* передает значение настоящего времени также и в чувашском языке.
10. В огузских языках причастный аффикс на *-ан* образует причастия и существительные от глагольных основ. Следует также отметить, что фонетический вариант на *-ган* в огузских языках используется при образовании имен существительных.

11. В современных тюркских языках огузской группы, форма на *-gan* перешла в разряд имен существительных и прилагательных. Но, несмотря на это, в письменных памятниках XVI, XVIII, XIX вв. данных языков, рассматриваемый фонетический вариант *-gan* выступал в качестве причастия: *асулуан- открывшийся, қалуан- оставшийся* и т.д.
12. Причастие на *-an* в чувашском языке, потеряв свои именные свойства, не принимает падежных аффиксов. Данная причастная форма может иногда принимать падежные аффиксы лишь в отрицательном аспекте; *Ватта хывманә халал тухман (посл.) – Кто не почитает старших, тому не бывает счастья.*
13. Причастная форма на *-an* в чувашском языке, принимая аффиксы множественного числа, также способно изменяться по падежам. Подобное явление наблюдается в основном в народных песнях, литературе.
14. Причастная форма на *-gan* в тюркских языках, сочетаясь с другими грамматическими аффиксами, образует деепричастия (*-ганда/-анда*).
15. Известно, что причастная форма на *-gan* в фонетическом варианте на *-an* зафиксирован главным образом в тюркских языках огузской группы. Вместе с тем, в некоторых смешанных туркмено-каракалпакских говорах каракалпакского языка можно встретить фонетический вариант данного причастия на *-an/-en*. Например: *келен = келген – пришедший; алан = алган – взявший* и т.д.
Нам представляется, что наличие варианта на *-an/-en* в говорах каракалпакского языка объясняется влиянием туркменского языка.

16. Аффикс *-ган* в каракалпакских диалектах туркменского языка выступает в качестве прошедшего времени, что свойственно тюркским языкам кыпчакской группы. Форма прошедшего времени на *-ган* распространена в човдурском, сакарском, салырском диалектах туркменского языка: *човдурский диалект – барлагъан – он проверил, салырский диалект – гитген – он ушел.*
17. Значение, передаваемое причастной формой на *-ап* в туркменском языке, отличается от значения таковой в остальных тюркских языках огузской группы. В туркменском языке причастная форма на *-ап*, подобно кыпчакским языкам, выражает значение прошедшего времени, тогда как в тюркских языках огузской группы исследуемая причастная форма передает значение настоящего, настоящего-будущего времени.
18. Отрицательный аспект причастной формы на *-ап* в туркменском языке образуется при помощи аффикса *-мадык/ -медик*, который не наблюдается ни в одном из тюркских языков огузской группы. Сравним: туркм. *гечирмедик*; азерб. *keçirtmeýen*; тур. *geçirtmeýen* и т.д.
19. Причастная форма на *-ar²; -ir⁴* в тюркских языках в основном выражает два значения: настоящего-будущего и будущего времени.
20. В отличие от других тюркских языков в якутском языке данная причастная форма помимо значения настоящего-будущего времени выражает также значение прошедшего времени.
21. Материалы современных тюркских языков показывают, что причастная форма на *-ar²; -ir⁴* преиму-

- щественно выполняют предикативную функцию, а также подвергается субстантивации.
22. В огузской группе тюркских языков причастие на $-ar^2$; $-ir^4$ главным образом выступает в качестве определения (азербайджанский, турецкий, гагаузский языки). В языке орхоно-енисейских памятников причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ может выполнять одновременно 3 функции: атрибутивную, субстантивную и предикативную.
23. Причастная форма $-ar^2$ в языке желтых уйгуров относится к причастиям будущего времени. Отметим, что в языке желтых уйгуров рассматриваемый причастный аффикс встречается лишь с широкими гласными $-a/ -e$: *сатар тавар - шелк, который продадут, кайнар су – вода, которая закипит*.
24. В хакасском языке, в отличие от других тюркских языков, рассматриваемая причастная форма, принимая некоторые падежные аффиксы, может выражать действие прошедшего времени: *Пулут аралі кўн көрерде, Пус алтынан суз ізерде... Когда солнце смотрело сквозь тучи, когда пили воду из подо льда...* Важно отметить, что причастная форма на $-ar^2$ лишь в якутском языке способна выражать значение прошедшего времени.
25. Причастная форма на $-ar^2$; $-ir^4$ в кумандинском диалекте алтайского языка принимая аффикс направительного падежа, соответствует инфинитиву: *Беш тастракай келди, Карамонъысты өлтүрес (өлтүрүрге) – пришли пять тастаракаев убить Карамоньса.*

В кумандинском диалекте алтайского языка, в отличие от чалканского диалекта, отрицательная

- форма причастия на $-ar^2$; $-ir^4$ имеет лишь два фонетических варианта, тогда как в чалканском диалекте отрицательный аспект формируется при помощи четырёх фонетических варианта аффикса.
26. Анализ причастного аффикса на $-asi/-esi$ дает основание полагать, что первый элемент данного аффикса подвергся изменениям, в результате которых произошел переход ($-ga/-ge > -a/-e$) и ослабление древнего значения будущего времени, необходимости. Утратив значение будущего времени, рассматриваемый причастный аффикс начал передавать значение настоящего, настоящего-будущего времени.
27. Для устранения ослабления значения будущего времени причастной формы на $-asi/-esi$, к нему был присоединен синонимичный древнетюркский аффикс на $-sig/ - sig > -si/-si$, образующий причастия необходимого-будущего времени.
28. В древнетюркских письменных памятниках рассматриваемая причастная форма выполняет функцию аналогичную функции причастия будущего времени на $-acak/ -ecek$.
29. Причастие на $-asi/-esi$ в современном турецком языке утратила свои синтаксические функции и сохранилась лишь в застывших формах. Причастная форма на $-asi/-esi$ зарегистрирована в диалектах и говорах Кютахьи турецкого языка.

Причастие на $-asi/-esi$ в диалектах и говорах Кютахьи передает значение деепричастия на $-ınca/-ince$: *Dayreler açılasi gadak ben onu getirrin – Когда откроются помещения, я заберу его (её)* и т.д.

Аффикс на *-ası/-esi* в диалектах и говорах Кютахьи в отдельных случаях заменяет в предложении будущее на *-acak* и прошлое на *-miş* времена глагола:

*Hankı geri gelirse, o vurulmuştuymuş “vurulacaktıymış -
будет убьют” işleri amirleri; ava çıktımış yere
düşesi “düştümüş - упал” heralde* и т.д.

Вместе с тем, причастный аффикс на *-ası/-esi* в данных диалектах также передает значение *-ma-
mak için – чтобы не*: ср. *diün bu vakitte yemin ettik
gavurdan kaçmayı (kaçmak için – чтобы не бе-
жать), gorkmayı (korkmak için – чтобы не
бояться), sen nereye geçiyon* и т.д.

30. Показательно, что отрицательная форма на *-ası/-esi* в татарском языке почти не употребляется.
31. В диалектах и говорах татарского языка причастная форма на *-ası/-esi* выступает преимущественно в качестве инфинитива. Эта форма наиболее распространена в среднем диалекте татарского языка (заказанской, нагорной групп говоров, подберезенского, заказанско- и нижнекамско-кряшенских говоров).
32. В древнетюркском языке, в отличие от современных тюркских языков, причастная форма на *-dik⁴* в атрибутивной функции употребляется без аффиксов принадлежности.
33. Несмотря на то, что причастная форма на *-dik⁴* в современных тюркских языках относится к причастиям прошедшего времени, в зависимости от контекста может выражать значение настоящего и будущего времени.
34. Причастная форма на *-dik⁴* будучи присущей преимущественно тюркским языкам огузской группы,

встречается также в некоторых тюркских языках других групп (башкирский, тувинский, якутский) и т.д.

35. Форма на *-мыш* в тюркских языках огузской группы (исключение составляет туркменский язык) по сравнению с причастной формой в чувашском языке на *-маш /-меш* являются наиболее продуктивными. Наиболее широкое употребление данное причастие находит в тюркских языках огузской группы (исключение составляет туркменский язык). В тюркских языках других групп форма на *-miş⁴*, в основном, выступает либо в субстантивированной форме, либо во временной форме глагола.
36. Большинство тюркских причастий многофункциональны: выступают как в атрибутивной, так и в предикативной функциях. Однако некоторые тюркские причастия выступают лишь в атрибутивной функции. К таковым относятся причастие *-an/-en* в *азербайджанском, турецком и гагаузском* языках, причастие *-тоқси* в *узбекском языке* и т.д.

Примечательно, что якутский язык стоит несколько особняком в семье тюркских языков. Лишь в якутском языке все причастия являются полифункциональными, т.е. выступают в атрибутивной и предикативной функциях.

Таким образом, причастные формы в древнетюркском языке и в современных тюркских языках характеризуются особенностями своего употребления.

Некоторые причастные аффиксы являются общими для тюркских языков. Вместе с тем, встречаются некоторые причастные формы, присущие исключительно либо языку древнетюркских

письменных памятников, либо современным тюркским языкам. Помимо этого, отдельные причастные формы в некоторых диалектах и говорах тюркских языков выступает либо в качестве инфинитива (причастная форма на *-asi/-esi* в диалектах татарского языка), либо заменяют в предложении будущее на *-acak* и прошлое на *-miş* времена глагола (причастная форма на *-asi/-esi* в диалектах турецкого языка).

Такого рода особенности употребления зависят, на наш взгляд, влиянием, как экстралингвистических факторов, так и собственно изменениями в грамматической системе тюркских языков.

Список использованной литературы

на русском языке

1. Абдуллаев С.Н. Причастие еще не совершившегося действия // Структурные и функциональные типы сложных предложений, 1982, с.96-110
2. Абилов А.С. Причастные обороты в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1962, 22 с.
3. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата: Наука, 1971, 380 с.
4. Аймурзаева А.А. Субстантивация имен прилагательных и причастий в современном каракалпакском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Нукус, 1985, 152 с.
5. Алиев В.Г. Причастия в современном азербайджанском и узбекском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1965, 24 с.
6. Алиев В.Г. Неспрягаемые формы глагола в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Баку, 1989, 57 с.
7. Алиев У.Б. Причастие карачаево-балкарского языка // Уч. Зап. КБ. ГУ. Серия историко-филологическая, 1958, вып. 4, с.293-392
8. Алиев У.Б. Вопросы сложного предложения карачаево-балкарского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нальчик, 1960, 26 с.
9. Андерхилл Р. Причастия в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы современной тюркологии. 1987, вып. XIX, с.324-339

10. Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1961, 262 с.
11. Аннауров А., Бердыев Р., Дурдыев Н., Шамурадов К. Эрсаринский диалект туркменского языка. Ашхабад: Ылым, 1972, 171 с.
12. Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. Уфа: БашГУ, 1963, 195 с.
13. Ахметов М.А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1978, 131 с.
14. Багыев Х. Оламский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1965, 27 с.
15. Байсурина Р.И. Синтаксические функции причастий в современном башкирском языке / Материалы научной конференции студентов и аспирантов, посвященной 40-летию Башгосуниверситета. Уфа: 1997, с.20-25
16. Байсурина Р.И. Формы причастий настоящего времени в башкирском языке / Республиканская научная конференция «Профессор Н.К. Дмитриев и башкирская филология». Уфа: 1998, с.186-188
17. Байсурина Р.И. Причастие прошедшего времени и его синтаксические функции / Проблемы изучения и преподавания филологических наук: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Стерлитамак: 1999, с.94-95
18. Байсурина Р.И. Модальные значения причастий будущего времени / Проблемы изучения и преподавания филологических наук; Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Стерлитамак, 1999, с.96-97

19. Байсурина Р.И. Причастия в современном башкирском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000, 24 с.
20. Байсурина Р.И. Двойственная природа причастий / Тезисы республиканской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей, посвященной 10-летию факультета башкирской филологии и журналистики и 55-летию Победы. Уфа: 2000, с.14-16
21. Байсурина Р.И. Залоговые формы причастий на –ган / Тезисы республиканской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей, посвященной 10-летию факультета башкирской филологии и журналистики и 55-летию Победы. Уфа: 2000, с.25-26
22. Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940, 272 с.
23. Баскаков Н.А. Причастие на -ды/-ты в тюркских языках // Труды МИВ, 1951, № 6, с.205-217
24. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология: в 2-х т. Т.2, ч.1, М.: Издательство АН СССР, 1952, 543 с.
25. Баскаков Н.А. О классификации причастий в турецком языке // Вопросы языкознания, 1959, №6, с.110-114
26. Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). М.: Наука, 1966, 173 с.
27. Баскаков Н.А. Словообразование глагола в кумандинском диалекте алтайского языка // Записки горно-алтайского научно-исследовательского инсти-

- тута истории, языка и литературы, 1967, вып.7, с.3-15
28. Баскаков Н.А. Диалекты лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). М.: Наука, 1985, 233 с.
 29. Батырмурзаев А.Н. Грамматика кумыкского языка. Фонетика и морфология. Махачкала: Дагучпедгиз, 1971, 152 с.
 30. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е. Казань: Татгосиздат, 1953, 220 с.
 31. Болатов Ж. Синтаксические функции причастия в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1955, 21 с.
 32. Бруннер К. История английского языка: в 2-х т. Т.1, М.: Едиториал УРСС, 2003, 405 с.
 33. Бурганова Н.Б. Говор каринских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии, 1962, вып.2, с.19-56
 34. Вагапова М.З. Синтаксические функции причастия –*деген* в современном киргизском языке и некоторые карачаево-балкарские параллели к ним // Тюркологический сборник, 1967, с.140-161
 35. Везиров М.А. Учебник татарско - азербейджанского наречия. СПб.: 1861, 115 с.
 36. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М.: МГУ, 1958, 614 с.
 37. Востоков А.Х. Рассуждения о славянском языке. СПб: 1820, 212 с.
 38. Гаджихмедов Т.И. Янгикентский говор кайтагского диалекта кумыкского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005, 21 с.
 39. Гаджиева М.А. Фонетические и морфологические особенности отемишского говора кумыкского язы-

- ка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006, 27 с.
40. Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики (среднеазиатский ареал). М.: Наука, 1975, 303 с.
41. Гайнутдинова А.Ф. Субстантивация причастий в разноструктурных языках: сопоставительный аспект (на материале русского и татарского языков) // Вестник ЧГПУ, 2010, №7, с.281-288
42. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000, 832 с.
43. Гиниятуллина А. Ю. Татарское причастие на *-ган* и его эквиваленты в английском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2006, 19 с.
44. Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис / Под ред. профессора Н.А. Баскакова. Нальчик: Эльбрус, 1976, 571 с.
45. Грамматика киргизского литературного языка. Фонетика и морфология / Под ред. Э.Абдулдаева. Фрунзе: Илим, 1987, 402 с.
46. Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология / Под ред. Н.А. Баскакова: в 2-х ч. Ч.1, Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1973, 320 с.
47. Грамматика современного якутского литературного языка / Под ред. Е.И. Коркиной и Е.И. Убрятовой. М.: Наука, 1982, 496 с.
48. Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология / Под ред. Н.А. Баскакова: в 2-х ч. Ч.1, Ашхабад: Наука, 1970, 503 с.
49. Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А. Баскакова. М.: Наука, 1975, 418 с.

50. Гузев В.Г. Староосманский язык. М.: Наука, 1979, 95 с.
51. Гузев В.Г. Функциональный синтаксис современного турецкого языка. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013, 70 с.
52. Гузычыев Т. Причастия в письменных памятниках туркменского языка XVIII – XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971, 27 с.
53. Джанмавов Ю.Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М.: Наука, 1967, 330 с.
54. Дмитриев Н.К. Очерки по кумыкскому синтаксису // Языки Северного Кавказа и Дагестана, 1935, вып.1, с.41-66
55. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940, 303 с.
56. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948, 276 с.
57. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М.: Издательство восточной литературы, 1962, 606 с.
58. Дубровина М.Э. О термине причастие в тюркских языках (на примере якутского языка) // Тезисы докладов: Модернизация и традиции: XXVI Международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. СПб.: Издательство РХГА, 2011, с.357–358
59. Дубровина М.Э., Мухитдинова Х.С. Сравнительно-типологический анализ причастия с показателем *-gan* в узбекском языке // Российская тюркология, 2011, №2 (11), с.41–47
60. Дубровина М.Э. Об отличительных особенностях глагольно-именной формы с показателем *-gan*

- в узбекском языке // Вестник Санкт-Петербургского Университета, 2016, сер.13, вып.3, с.4-15
61. Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940, 303 с.
 62. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941, 304 с.
 63. Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан: Хакоблнациздат, 1948, 123 с.
 64. Егоров В.Г. Наречие // Материалы по грамматике современного чувашского языка, 1957, ч.1, с.273-295
 65. Егоров В.Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка, 1957, ч.1, с.151-239
 66. Ергалиев Г. Причастия в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Семипалатинск, 1951, 19 с.
 67. Есенов Х.М. Причастный оборот в казахском языке (в сравнении с тем же оборотом в некоторых других тюркских языках) // Советская тюркология, 1975, №1, с.26-32
 68. Есипова А.В. Образование причастий в шорском языке // Языки и топонимия, 1976, с.80-83
 69. Есипова А.В. Простое причастное определение в шорском языке // Языки народов Сибири, 1977, с.103-110
 70. Есипова А.В. К вопросу об образовании и происхождении причастий в шорском языке // Языки и топонимия, 1978, с.97-106
 71. Есипова А.В. Зависимые определительные предложения с причастным сказуемым (на материале шорского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях, 1980, с.140-153

72. Есипова А.В. Употребление причастий первого семантического типа в простом и распространенном определении (на материале шорского языка) // Синтаксис алтайских и европейских языков, 1981, с.71-81
73. Есипова А.В. Определительные функции причастия в шорском языке: Автореф. дис. ... канд. Филол. наук. Алма-Ата, 1982, 20 с.
74. Жамьянова М.З. Категория времени в причастиях современного монгольского и турецкого языков // Вестник БГУ Востоковедение. Филология, 2007, вып.5, с.98-101
75. Жамьянова М.З. Семантические особенности причастий прошедшего времени причастия современного монгольского языка и их эквиваленты в турецком языке / Материалы Международной научной конференции «Чингисхан и судьбы народов Евразии-П». Улан-Удэ: 2007, с.454-463
76. Жамьянова М.З. Система причастий современных монгольского и турецкого языков / Материалы международной научной конференции «Проблемы исторического развития монгольских языков». Санкт-Петербург, 2007, с.69-73
77. Жамьянова М.З. Атрибутивная функция причастий современных монгольского и турецкого языков / Материалы международной научно-практической конференции «Живой язык теоретический и социокультурный аспекты функционирования и развития современных монгольских языков». Элиста, 2007, с.21-23
78. Ибрагимов Д.Ж. Причастия (сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1954, 27 с.

79. Ибрагимов Д.Ж. Причастие (сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков). Баку: Маариф, 1954, 305 с.
80. Иванов С.Н. Категория залога в определительных сочетаниях с формой на *-ган* в узбекском языке // Вопросы языкознания, 1957, №2, с.103-107
81. Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-ган* и ее производные). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959, 150 с.
82. Инкижекова-Грекул А.И. Причастия в хакасском языке // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому, к его семидесятилетию, сборник статей, 1953, с.108-123
83. Исмагилова А.Ю. Сравнительно-типологическая характеристика причастия в татарском и английском языках / Материалы итоговой научно-практической конференции за 2001 г. Казань: ТГГИ, 2001, с.63-65
84. Исмагилова А.Ю. Перфектно-длительный вид в английском языке и соответствующие ему формы в татарском языке / Материалы итоговой научно-практической конференции. Казань: ТГГИ, 2002, с.59-63
85. Исмагилова А.Ю. Категория времени в татарских и английских причастиях // Проблемы истории, культуры и развития языков, 2004, вып.3, с.37-39
86. Исмагилова А.Ю. О грамматической природе причастий в татарском и английском языках // Проблемы истории, культуры и развития языков, 2004, вып.3, с.39-43
87. Исмагилова А.Ю. Причастие прошедшего времени в функции определения // Учёные записки Татар-

- ского Государственного Гуманитарного института, 2004, №12, с.80-84
88. Исмагилова А.Ю. Категория времени в татарском и английском причастии прошедшего времени / Учёные записки Татарского Государственного Гуманитарного института, 2005, №13, с.33-39
89. Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и Морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1961, 472 с.
90. Казем-бек А.М. Грамматика турецко-татарского языка. Казань: Университетская типография, 1839, 527 с.
91. Казем-Бек А.М. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань: Университетская типография, 1846, 497 с.
92. Каримов Ш. Причастные определения в узбекском и немецком языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1970, 23 с.
93. Керимов А. Словообразовательные аффиксы в языке памятников тюркоязычной литературы XIII века (на материалах «Хосров и Ширин» Кутба, «Гулистан бит-турки» Сефа Сарай, «Мухаббетнаме» Хорезми): Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Алма-Ата, 1979, 20 с.
94. Керимов И.А., Магомедов А.Г. Грамматика кумыкского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1971, 140 с.
95. Киекбаев Дж.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа: Китап, 1996, 368 с.
96. Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л.: Издательство ЛГУ, 1970, 65 с.
97. Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности (VIII–XI вв.). Л.: Издательство ЛГУ, 1981, 191 с.

98. Кондратьев В.Г. Развитие системы причастий в турецком языке // УЗ ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Востоковедение. Филологические исследования, 1989, №15, вып.31, с.53-62
99. Кононов А.Н. Турецкая глагольная форма на *-мыш* // Ученые записки ЛГУ, 1939, вып.1, №20, с.34-49
100. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956, 570 с.
101. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960, 446 с.
102. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX. Л.: Наука, 1980, 256 с.
103. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970, 224 с.
104. Кормушин И.В. Системы времен глагола в алтайских языках. М.: Наука, 1984, 88 с.
105. Кормушин И.В. Глагольные формы на *-туџ* и *-ган* в истории тюркских языков // Вопросы советской тюркологии (тезисы докладов и сообщений), 1985, с.173-174
106. Корш Е.Ф. Происхождение формы настоящего времени в западно-турецких языках // Древности Восточные, 1907, с.3-22
107. Котвич В.И. Исследования по алтайским языкам. М.: Издательство иностранной литературы, 1962, 372 с.
108. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978, 114 с.
109. Кузнецов П.И. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имени действия в тюркских языках

- // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика, 1960, с.40–71
110. Кулиев А. Неличные формы глагола в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнении с азербайджанским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1978, 28 с.
111. Кулиев В.Г. Причастия в современном азербайджанском и узбекском языках // Общественные науки в Узбекистане, 1965, №2, с.55-59
112. Куртене Б. Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. Т 1. М.: Издательство АН СССР, 1963, 384 с.
113. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л: Издательство АН СССР, 1951, 451 с.
114. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987, 272 с.
115. Матжанова М.А. Субстантивация причастий в русском и казахском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1994, 25 с.
116. Махмутова Л.Т. О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР: по материалам экспедиций 1954-1957 гг. // Материалы по татарской диалектологии, 1962, вып.2, с.57-85
117. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка). М.: Наука, 1978, 271 с.
118. Мелиев К.М. Причастные формы на *-мыш* и *-гур* в современных тюркских языках // Исследования по лексике и грамматике тюркских языков, 1980, с.49-68
119. Мелиоранский П.М. Араб-филолог о турецком языке. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1900, 297 с.

120. Мешадиева А.Э. Процесс развития словообразовательных аффиксов в современных тюркских языках (на основе узбекского, уйгурского, саларского языков) // *Türk dillərinin tarixi-müqayisəli leksikologiyası məsələləri. Karluq qrupu türk dillərinin leksikası*, 2008, ч.2, с.249-292
121. Мешадиева А.Э. Формальное описание закона гармонии в тюркских языках. Баку: Элм, 2004, 244 с.
122. Мешадиева А.Э. О сходных и отличительных особенностях причастной формы на $-ar^2$; ir^4 в тюркских языках / Материалы IV Международной научно-практической конференции «Лингвистика в современном мире». М.: Перо, 2011, с.88-101
123. Мешадиева А.Э. Сравнительно-исторический анализ причастной формы на $-gan/-an$ в тюркских языках / «Избранные вопросы современной науки» (Коллективная монография), ч.4, М.: Перо, 2011, с.210-240
124. Мешадиева А.Э. Сравнительно-этимологический анализ причастия будущего времени на $-asak/-esek$ в тюркских языках // *Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук*, 2012, №2, с.36-45
125. Мешадиева А.Э. К вопросу о сравнительно-историческом анализе причастия будущего времени на $-asi/-esi$ в тюркских языках // «Ученые записки. Серия Язык и литература» Бакинского Славянского Университета, 2012, №1, с.42-49
126. Мешадиева А.Э. К вопросу о сравнительно-историческом исследовании семантико-морфологических особенностей причастной формы на $-dik^4$ в современных тюркских языках // *Филологические*

- науки. Вопросы теории и практики, 2013, №3, ч.2, с.133-138
127. Мешадиева А.Э. К вопросу о категориальном статусе причастия в тюркских языках / “European Science and Technology: 7th International scientific conference”. Germany: Publishing office Vela Verlag Waldkraiburg, vol.II, April 23th – 24th, 2014, pp.209-213
128. Мешадиева А.Э. К проблеме сравнительного анализа причастия на *-miş*⁴ в тюркских языках // Ученые записки Петрозаводского Государственного университета (серия: Общественные и гуманитарные науки), 2014, №7(144), с.52-56
129. Мешадиева А.Э. Сравнительный анализ нестандартных инфинитных форм глагола в тюркских языках и диалектах // Dilçilik İnstitutunun Əsərləri, 2016, №1, с.199-214
130. Мешадиева А.Э. Древнетюркские причастные формы и их эквиваленты в современных тюркских языках / XXIX Международная научно-практическая конференция «Язык и культура». Россия: ЦРНС, 2017, с.117-125
131. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978, 387 с.
132. Мизиев А.М. Лексикализация неличных и залоговых форм глагола, свободных словосочетаний и предложений в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нальчик, 2015, 46 с.
133. Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979, 302 с.
134. Мирзоев Г.И. Причастие в современном азербайджанском литературном языке (морфологические

- особенности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965, 48 с.
135. Мошков В.А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племен, изд. акад. В.В. Радловым, 1904, ч.10, с.45-78
136. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964, 344 с.
137. Мусаев К.М. Краткий грамматический очерк караимского языка. М.: Наука, 1977, 100 с.
138. Мусаев С.Ж. Структурно-функциональные типы и семантика причастных конструкций в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982, 24 с.
139. Мусаев С.Ж. Парадигматические типы причастных конструкций в киргизском языке. Фрунзе: Илим, 1987, 160 с.
140. Мухтаров Д.М. История развития причастных форм в узбекском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ташкент, 1972, 42 с.
141. Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык. М.: Издательство восточной литературы, 1960, 133 с.
142. Нартыев Н. Сарыкский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1960, 16 с.
143. Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. М.: Наука, 1974, 101 с.
144. Насилов Д.М. Прошедшее время на *-juk /-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексy в современных языках // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова, 1966, с.92-104
145. Насилов Д.М. Заметка о форме *-калак* в шорском языке // Чтения памяти Э.Ф. Чиспиякова, 2000, с.56-61

146. Насыров Д.С. Причастие и его синтаксические функции в каракалпакском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954, 20 с.
147. Нигматов Х.Г. Функциональная морфология тюркоязычных памятников XI-XII вв. Ташкент: Фан, 1989, 192 с.
148. Нурмагамбетов А. Западная группа говоров казахского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1974, 46 с.
149. Покровская Л.А. О некоторых деепричастных формах в гагаузском языке // Тюркологические исследования, 1963, с.69-75
150. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964, 298 с.
151. Покровская Л.А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, 203 с.
152. Попова Н.И. Категория залога в причастиях якутского языка // Советская тюркология, №5, 1963, с.73-76
153. Попова Н.И. Атрибутивная функция причастия в якутском языке // Исследования по грамматике якутского языка, 1983, с.104-109
154. Попова Н.И. Субстантивная функция причастий в якутском языке // Якутский язык: история и актуальные вопросы, 1986, с.116-122
155. Попова Н.И. Залоги в якутских причастиях // Советская тюркология, 1983, №5, с.73-76
156. Попова Н.И. К вопросу о грамматической природе причастий в якутском языке / Тезисы докладов III конференции молодых обществоведов. Якутск, 1987, с.184-185

157. Попова Н.И. Функционально-семантический анализ причастий якутского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1992, 18 с.
158. Попова Н.И. Словоизменительные категории глагола // Курс якутской грамматики: Система морфологических категорий и синтаксических конструкций, 2004, с.72-80
159. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике: в 2-х т. Т.1, М.: Госучпедгиз, 1958, 536 с.
160. Поцелуевский А.П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад: ТуркменОГИЗ, 1943, 101 с.
161. Рагимов М.Ш. Формы выражения настоящего и будущего времени в письменных памятниках азербайджанского языка XIV-XVIII вв. // Труды института литературы и языка им. Низами АН АзССР, 1957, т.10, с.55-67
162. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Издательство иностранной литературы, 1957, 254 с.
163. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, 287 с.
164. Рассадин В.И. О системе причастий в монгольских и тюркских языках // Вестник БНЦ СО РАН, 2012, №1(5), с.161-176
165. Саидова Э.Д. Субстантивация прилагательных и причастий, инфинитива и имен действия в кумыкском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012, 170 с.
166. Сартбаев К. Основные вопросы синтаксиса сложного предложения в современном киргизском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1953, 37 с.

167. Сат Ш.Ч. Причастия в тувинском языке // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ, 1959, вып.7, с.76-84
168. Сат Ш.Ч. Причастия в тувинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961, 17 с.
169. Сергеева Л.П. Аналитические формы изъявительного наклонения типа «причастие + пул» // Исследования по грамматике и фразеологии чувашского языка, 1981, с.22-36
170. Сергеева Л.П. Аналитические глагольные конструкции типа «причастие + пул в изъявительном наклонении» // Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка, 1983, с.109-122
171. Серебренников Б.А. Система времен татарского глагола. Казань: Издательство Казанского университета, 1963, 76 с.
172. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках / Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Тезисы сообщений. М.: Наука, 1967, с.30–32
173. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. Баку: Наука, 1979, 284 с.
174. Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата: Издательство АН Казахской ССР, 1962, 452 с.
175. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М.: Наука, 1969, 380 с.
176. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Под редакцией Э.Р. Тенишева. М.: Наука, 1988, 562 с.

177. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции / Под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Наука, 2002, 767 с.
178. Тагизаде З.Х. Сложные предложения в современном азербайджанском литературном языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Баку, 1965, 37 с.
179. Тадыкин В.Н. Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1971, 173 с.
180. Татарская грамматика. Морфология: в 2-х т. Т.2, Казань: Таткнигоиздат, 1993, 397 с.
181. Телицин Н.Н. Атрибутивные и субстантивно-атрибутивные формы древнеуйгурского глагола // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1988. с. 96–103
182. Телицин Н.Н. Инфинитивные формы глагола в древнеуйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990, 22 с.
183. Телицин Н.Н. К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке // Вестник СУДК 811.512.1 ПбГУ, 2012, сер.13, вып.1, с.27-38
184. Тенишев Э.Р. Саларский язык. М.: Восточная литература, 1963, 56 с.
185. Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. М.: Восточная литература, 1966, 233 с.
186. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988, 656 с.
187. Троянский А. Краткая татарская грамматика. Казань: Университетская типография, 1824, 195 с.
188. Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань: Издательство казанского университета, 1968, 182 с.

189. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М-Л.: Издательство АН СССР, 1950, 304 с.
190. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка: в 2-х частях, ч.2. Новосибирск: Наука, 1976, 214 с.
191. Урусбиев И.Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1963, 232 с.
192. Ушаков Е.И. Синтаксические функции формы на *-ган* в современном уйгурском языке (на материале уйгуров, живущих в Синь-Цзяне): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956, 29 с.
193. Филиппов А.Л. Причастие в чувашском и огузских языках (опыт сравнительно-исторического исследования): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004, 24 с.
194. Филиппов Г.Г. Отрицательная форма причастий на *-ыа* и *-ыах* в якутском языке // Якутский язык: история и актуальные вопросы, 1986, с.84-96
195. Филиппов Г.Г. Причастие в системе глагольных форм // Вестник СВФУ, 2010, том 7, №4, с.89-100
196. Филиппов Г.Г. Отношение якутских причастий *-ар / -бат* к причастиям *-ар / -мае* тюркских языков // Проблемы востоковедения, 2011, №1(51), с.54-59
197. Филиппов Г.Г. Причастия в якутском языке: комплексное типологическое функционально семантическое исследование. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2014, 606 с.

198. Филиппов Г.Г. Модальные формы причастий на -*ыах* и -*ыа* в якутском языке // Вестник СВФУ, 2015, №4(48), с.109-121
199. Филиппов Г.Г. Синтетическое и аналитическое формообразования причастий на -*быт/-батах* и их видо-время-модальные значения // Вестник СВФУ, 2016, № 5 (55), с.166-180
200. Филюстович Т.П. Падежные формы причастия на -*галак* в роли зависимого сказуемого // Тюркские языки Сибири, 1983, с.78-89
201. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды: в 2-х т. Т.1. М.: Учпедгиз, 1956, 450 с.
202. Хамидов Х. Каракалпакский язык XIX начала XX вв. по данным письменных памятников (фонетика, морфология, словообразование): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нукус, 1990, 35 с.
203. Хангишиев Дж. М. Отношение причастия к личной форме глагола в кумыкском языке // Ученые записки АГУ имени С.М. Кирова, серия «Язык и литература», 1965, №4, с.23-46
204. Хангишиев Дж. М. Причастия в кумыкском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1966, 24 с.
205. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык, Фонетика и морфология. Якутск: ЯкГиз, 1947, 312 с.
206. Хисамова Ф.М. Причастия в современном татарском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1970, 27 с.
207. Хосрови А.М. Деепричастия в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1950, 19 с.
208. Черемисина М.И., Боргоякова Т.Н. О хакасском причастии на -*галак*/=*гелек* в роли зависимого пре-

- диката // Грамматические исследования по языкам Сибири, 1982, с.70-82
209. Шамина Л.А., Черемисина М.И. Причастие на =галак (=калак) в тувинском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири, 1982, с.57-69
210. Шамина Л.А. Причастно-падежные конструкции в тюркских языках южной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая, 2011, №2, с.78-84
211. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Учение о частях речи. Дополнения. Л.: Издательство АН СССР, 1927, 213 с.
212. Шахназарова М.Д. Синтаксис причастия в узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1971, 51 с.
213. Шерванидзе И.Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси: Мецниереба, 1986, 133 с.
214. Широбокова Н.Н. Данные морфологии в изучении тюркских языков Сибири // Языки коренных народов Сибири, 1999, вып.5, с.125-151
215. Широбокова Н.Н. О соотношении синтетических и аналитических форм в тюркских языках Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2013, вып. 25, с.82-86
216. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961, 204 с.
217. Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962, 276 с.
218. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Издательство АН СССР, 1977, 192 с.

219. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л.: Издательство АН СССР, 1981, 181 с.
220. Юсупов Ф.Ю. Причастия в диалектах сибирских татар // Морфология тюркских языков Сибири, 1985, с.130-155
221. Юсупов Х.Г. Причастие на *ган/-гэн* и его синтаксические функции // Уч. зап. Стерлитамакского государственного педагогического института, 1960, вып.1, с.154-173

на азербайджанском языке

222. Abdullayev Ə.Z. Müasir Azərbaycan dilində feili sifət tərkibləri haqqında // Elmi əsərlər, 1956, №8, s.79-91
223. Abdullayeva S.Ə. Nağıl və dastan dilində feili bağlama və feili sifət formaları // Tədqiqlər, 2003, №3, s.113-122
224. Axundov A.A. Feili sifətlər haqqında // Dil və ədəbiyyat, 2003, c.1, s.309-316
225. Aslanov V.İ. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər: 3 cilddə, I c., Bakı: ELM, 2002, 152 s.
226. Aslanov V.İ. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər: 3 cilddə, II c., Bakı: ELM, 2003, 271 s.
227. Aslanov V.İ. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər: 3 cilddə, III c., Bakı: ELM, 2012, 180 s.
228. Budaqova Z.İ. Birinci tərəfi feili sifətlə ifadə olunan söz birləşmələri // Elmi əsərlər, 1958, №5, s.137-152
229. Cavadov Ə.M. Müasir Azərbaycan dilində feili sifətlər // Azərbaycan SSR EA-nın xəbərləri. İctimai elmlər seriyası, 1959, №6, s.75-80

230. Dəmirçizadə Ə.M. “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanlarının dili, Bakı: ADPU Nəşriyyatı, 1959, 160 s.
231. Dəmirçizadə Ə.M. “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanlarının dili (təkrar nəşr). Bakı: Elm, 1999, 140 s.
232. Əbilov A.C. Müasir Azərbaycan dilində feili sifət tərkibləri haqqında // Aspirantların elmi əsərləri, 3 buraxılış, 1957, s.95-115
233. Əbilov A.C. Feili sifət tərkibi təyin rolunda // Filoloji fakültənin əsərləri, 1958, s.195-210
234. Əliyev V.H. Azərbaycan dilində *-acaq* feili sifət şəkilçisi və onun özbək dilindəki qarşılığı // Elmi əsərlər (ictimai elmlər seriyası), 1964, №5, s.59-62
235. Əliyev V.H. Azərbaycan dilində feili sifət, metodik göstəriş, Bakı: ADPU-nun nəşri, 1989, 64 s.
236. Əlizadə S. Orta əsrlərdə Azərbaycan yazı dili. Bakı: ADU–nün nəşri, 1985, 250 s.
237. Əsgərov M.B. Türk dillərində zaman formaları, adverbial feil formaları və onlar arasında funksional–semantik əlaqələr. Bakı: Nurlan, 2002, 146 s.
238. Hacıyev T.İ. Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi: 2 hissədə, I h., Bakı: Elm, 2012, 476 s.
239. Xəlilov B.Ə. Müasir Azərbaycan dilinin morfoloqiya: 2 hissədə. 2 hissə. Bakı: Papyrus NP, 2016, 352 s.
240. İbrahimov C. Azərbaycan və rus dillərində feili sifət // Azərbaycan SSR EA-nın xəbərləri, 1955, №12, s.77-90
241. Kazımov İ.B. Mahmud Kaşğari «Divanı» və çağdaş türk dilləri. Bakı: Elm və təhsil, 2014, 224 s.
242. Kazımov Q.Ş. Müasir Azərbaycan dili. Morfoloqiya. Bakı: Elm və təhsil, 2010, 400 s.
243. Quliyev Ə.A. Orxon-Yenisey yazılı abidələrində feili sifət // Azərb.SSR Ali və Orta İxtisas Təhsili Nazirliyi-

- nin Elmi əsərləri. Dil və ədəbiyyat seriyası, 1974, № 2, s.69-76
244. Məşədiyeva A.Ə. Qədim türk və müasir türk dillərində hal sisteminin oxşar cəhətləri // Varlıq–Quarterly Journal in Turkish and Persian, 2009, s.75-82
245. Məşədiyeva A.Ə. Müasir türk dillərində feilin şəxssiz formalarının öyrənilməsinə dair / Müasir dilçiliyin aktual problemləri (Beynəlxalq elmi konfransın materialları). Sumqayıt: 2016, s.88-87
246. Mirzəyev H. Türk dillərində feili sifətin tədqiqinə dair / V.İ.Lenin adına API aspirantlarının VIII elmi konfransının proqramı və tezisləri. Bakı: V.İ.Lenin adına API-nin nəşri, 1961, s.29-35
247. Mirzəyev H. Feili sifəti feildən düzələn sifətdən fərqləndirən başlıca əlamətlər tədqiqinə dair / V.İ.Lenin adına API aspirantlarının IX elmi konfransının proqramı və tezisləri. Bakı: V.İ.Lenin adına API-nin nəşri, 1962, s.87-90
248. Mirzəyev H. Azərbaycan dilində feili sifətin tədqiqi tarixindən // Elmi əsərlər, 1963, №1, s.87-94
249. Mirzəyev H. Azərbaycan dilində feili sifətin tədqiqi tarixinə dair // Elmi əsərlər, 1963, №2, s.102-110
250. Mirzəyev H. Feili sifətlərdə zaman // Elmi əsərlər, 1963, №6, s.116-131
251. Mirzəyev H. Müasir Azərbaycan dilində *-(y)-ar, -ər, -r, -maz, -məz* şəkilçiləri ilə düzələn sözlərin bəzi xüsusiyyətləri / Gənc elmi işçilərin X elmi konfransının materialları. Bakı: V.İ.Lenin adına API-nin nəşri, 1963, s.139-144
252. Mirzəyev H. Feili sifətlərdə tərz / Gənc elmi işçilərin XI elmi konfransının materialları. Bakı: V.İ.Lenin adına API-nin nəşri, 1964, s.117-118

253. Mirzəyev H. Azərbaycan dilindəki feili sifət şəkilçilərinin bəzi xüsusiyyətləri haqqında // Elmi əsərlər, 1966, №6, s.80-91
254. Mirzəyev H. Azərbaycan dilində feil. Ali məktəb tələbələri üçün dərs vəsaiti. Bakı: Maarif, 1986, 320 s.
255. Mirzəzadə H. Azərbaycan dilinin tarixi morfolojiyası. Bakı: Azərbaycan dövlət tədris-pedaqoji ədəbiyyatı nəşriyyatı, 1962, 370 s.
256. Müasir Azərbaycan dili. Morfolojiya: 2 cildə, 2 c., Bakı: Elm, 1980, 510 s.
257. Rüstəmov R.Ə. Türk dilinin morfolojiyası. Bakı: Nurlan, 2007, 208 s.
258. Rüstəмова T. Feili sifətlər haqqında // Azərbaycan məktəbi, 1955, №12, s.37-40
259. Rüstəмова T. Azərbaycan dilindəki feili sifətlərin morfoloji xüsusiyyətləri // Azərbaycan dili və ədəbiyyat tədrisi, 1960, I buraxılış, s.22-29
260. Şükürov Ə.Ç., Məhərrəmov A.M. Qədim türk yazılı abidələrinin dili. Bakı: API-nin nəşri, 1976, 342 s.
261. Tanrıverdi Ə. Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası. Bakı: Elm və təhsil, 2010, 458 s.

на турецком языке

262. Akar A. *-Gan eki / V. Uluslararası Türk Dili Kurultayı Bildirileri. Cilt I, Ankara: TDK yayınları, 2004, s.85-95*
263. Akar A. Türkiye Türkçesi ağızlarında eski bir sıfat-fiil kalıntısı: {-cı} // Turkish Studies International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2008, v.3/3, s.1-7
264. Atalay B. Divanu Lügati't-tercümesi: 3 ciltte, III c., Ankara: Türk Dil Kurumu yayınları, 1985, 366 s.

265. Avcı Y.Y. Türkçe sıfat-fiiller // Türkbilig, 2013, №25, s.147- 158
266. Avcı Y.Y. Atasözlerimizde sıfat ve sıfat-fiillerin kullanımı // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2015, vol.10/4, s.965-982
267. Banguoğlu T. Türkçenin grameri. Ankara: TDK yayınları, 2007, 628 s.
268. Buluç S. Eski bir türk dili yadigarı // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk dili ve edebiyatı Dergisi, 1954, c.6, sayı 6, s.119-131
269. Caferoğlu A. Türk Dili Tarihi. I-II. İstanbul: Enderun yayınları, 1984, 246 s.
270. Coşkun V. -Gina ve -râq eklerinin tarihi türk şiveleri ve özbek türkçesinde kullanışları // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi, 2001, sayı 12/2, güz/2, s.599-613
271. Doğan T. İran (Azerbaycan) türk ağızlarında -(y)an eki // Turkish Studies-International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2012, v.7/2, s.353-370
272. Ediskun H. Yeni Türk Dilbilgisi. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1963, 413 s.
273. Eraslan K. Eski Türkçe'de isim-fiiller. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi yayınları, 1980, 174 s.
274. Ercilasun A.B. Kutadgu Bilig grameri-fiil. Ankara: Gazi Üniversitesi yayınları, 1984, 162 s.
275. Ercilasun A.B. Başlangıçtan yirminci yüzyıla türk dili tarihi. Ankara: Akçağ yayınları, 2004, 486 s.
276. Erdem M. Türkmen Türkçesinde sıfat-fiillerin periferastik kullanımları // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi, 2009, 6/3, s.7-17

277. Ergin M. Türk Dil Bilgisi. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1972, 192 s.
278. Gabain A.V. Eski Türkçenin grameri. Ankara: TDK yayınları, 2003, 357 s.
279. Gabain A.V. Eski Türkçenin grameri (Çev. Mehmet Akalın). Ankara: Türk Dil Kurumu yayınları, 2007, 374 s.
280. Gülensoy T. Kütahya ve yöresi ağızları (inceleme-metinler-sözlük). Ankara: TDK yayınları, 1988, 257 s.
281. Gültekin M. Afgan Özbekçesinin seripul ağzında -gan eki, Çev: Esra Yavuz // Turkish Studies, 2010, v.5/1, s.1437-1451
282. Günay T. Rize ili ağızları (inceleme-metinler-sözlük). Ankara: TDK yayınları, 2003, 340 s.
283. Güven M. -An, -en sıfat-fiil ekinin dilbilgisel işlevi, dönüşmüş yapılar kurma ve ki bağlayıcısı tabanında dönüşüm gerçekleştirme işlevi // Turkish Studies - International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2013, v.8/9, pp. 1625-1637
284. Hacıeminoğlu N. Karahanlı Türkçesi Grameri. Ankara: Türk Dil Kurumu yayınları, 2008, 214 s.
285. Kaliev A. Türkiye Türkçesiyle Kazak Türkçesi'ndeki sıfat-fiillerin benzerlikleri ve farklılıkları // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, 1996, sayı 5, s.229-232
286. Karabeyoğlu A.R. Fiillerin kılınış hususiyetleri ve -dik/-duk + iyelik ekinin mastar işlevi // Turkish Studies International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2015, v.6/4, pp.649-658
287. Karabulut F. Köktürkçenin sıfat-fiilli yapı tipolojisi // Bilig, 2009, sayı 48, s.91-118

288. Karabulut F., Ulutaş İ. Türk dili sıfat-fiilli yapı tipolojisinin japon, kore ve macar tipolojileri ile karşılaştırılması // Turkish Studies - International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2011, v.6/1, s.1312-1339
289. Karadoğan A. Türkiye Türkçesinde yeni bir sıfat-fiil eki *-ı* // Bilig, Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi, 2008, s.57-66
290. Karadoğan A. Türkiye Türkçesindeki *-dık ve -an* sıfat-fiil eklerinde sınır vurgulayışın rolü // Türk dili, 2008, №678, s.519-527
291. Kaya C. Uygurca Altun yaruk: giriş, metin ve dizin. Ankara: Türk Dil Kurumu yayınları, 1994, 911 s.
292. Koraş H. Özbek Türkçesinde *-gan/-kan, qan* sıfat-fiil eki, yapım ekiyle genişlemiş *-ganlıg/-kanlıg, qanlıg* şekli ve Türkiye Türkçesinde kullanışlara karşılık gelen şekiller // Türklük Bilimi Araştırmaları, 2007, s.143-167
293. Korkmaz Z. Türkçede *-acak / -ecek* gelecek zaman (futurum) ekinin yapısı üzerine // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih Coğrafya Fakültesi Dergisi, 1959, c.XVII/1-2, s.159-168
294. Korkmaz Z. *-Ası/-esi* gelecek zaman isim-fiil (participium) ekinin yapısı üzerine // Türk dili araştırmaları yılığı, Belleten, 1969, s.31-38
295. Korkmaz Z. Türkçede eklerin kullanım şekilleri ve ek kalıplaşması olayları. Ankara: TDK yayınları, 1994, 92 s.
296. Sadybekov K. *-Mış/-miş* sıfat-fiil ekinin tarihi gelişimi üzerine (Memlük kıpçak eserleri örneğinde) // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2015, v.10/16, pp.983-994

297. Savran H. Derleme sözlüğü'ndeki kalıplaşmış ad-fiillerin ve sıfat-fiillerin yazı dilinde kullanılabilirlik durumları // Belleten, 2009, sayı 1, s.51-92
298. Sertkaya O.F. -An/-en ekli yeni şekiller ve örnekleri üzerine // TDAY-Belleten, 1994, s.335-352
299. Tañç M. Eski Türkçe –*gma* sıfat-fiil eki üzerine // Belleten, 2006, sayı 2, s.133-137
300. Tekin F. Özbek Türkçesinde sıfat-fiil ekleri: şekil-anlam-işlev. İstanbul: Salkımsöğüt yayınları, 2009, 174 s.
301. Tekin F. Eski Türkçedeki sıfat-fiil eklerinin günümüz Özbek ve Uygur Türkçelerindeki görünümleri // Journal of Turkish Language and Literature, 2016, v.2, issue1, s.523-534
302. Tekin Ş. Eski Türkçe // Türk Dünyası El Kitabı, 1992, 2.c., Dil-Kültür-Sanat, s.69-120
303. Tolkun S. Özbekçede fiilimsiler. İstanbul: Dijital Sanat Yayıncılık, 2009, 269 s.
304. Turgunbayer C. Kırgız Türkçesinde üç yeni sıfat-fiil eki // Gazi Türkiyat, 2015, №17, s.13-20
305. Turgunbayev C. Kırgız Türkçesinde sıfat-fiil ekleri (şekil, anlam, işlev ve Türkiye Türkçesiyle karşılaştırma), Ankara: TDK yayınları, 2004, 408 s.
306. Underhill R. Çev.: Duygu Özge Demir. Atasözlerimizde sıfat ve sıfat-fiillerin kullanımı // Turkish Studies International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2015, v.10/4, pp.965-982
307. Üstüner A. Anadolu ağızlarında sıfat-fiiller: Doktora Tezi. Erciyes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Kayseri, 1993, 135 s.
308. Üstüner A. Anadolu ağızlarında sıfat-fiil ekleri: Ankara: TDK yayınları, 2000, 196 s.

309. Yusupov F. Tatar Türkçesi ağızları: şimdiki zaman ortaçları-I // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi, 2014, sayı 3/2, s.80-102
310. Yusupov F. Tatar Türkçesi ağızları: şimdiki zaman ortaçları-II (-uçı, -üçü; -malı, -meli (-mallı, -melli; -maklı, -mekli); -ışlı, -ışli; -ışlık, -ışlik; -ulı, -ülü), Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi, 2014, c.3, sayı 5, s.12-28
311. Yücel B. Sıfat-fiil terimi ve başlıca dil bilgisi terimleri sözlüklerindeki işlenişi // Türk Gramerinin Sorunları Toplantısı (22-23 Ekim 1993), 2004, s.81-91
312. Yüksel Z. Kırım Tatarcasında geniş zaman ifadesi veren sıfat-fiiller // Emel dergisi, 1997, s.222-230
313. Zülfikar H. -Ağan (-ağan), -egen (-eğan) ekinin Türkçedeki işlevi // Turkish Studies, 2010, v.5/1, s.42-56

на иностранных языках

314. Bang W. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türk Sprachen. V.1, Heidelberg: SBAN Publishing House, 1916, 96 p.
315. Bang W. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. V.1, Heidelberg: C. Winter, 1918, 48 s.
316. Benzing J. Tschunaschische Forschungen // ZDMG, 1941, part 3, pp.57-58
317. Brockelmann C. Altosmanische Studien, Die Sprache Aşığaşaş und Ahmedis // ZDMG, 1919, v.LXXIII, part 1, pp.1-29
318. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden: Brill Archive, 1951, 429 p.

319. Deny J. Grammaire de la langue Turgue: (dialecte osmanli). Paris: E.Leroux, 1921, 1218 p.
320. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Boston: Leiden, 2004, 575 p.
321. Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950, 357 p.
322. Hankhamer J., Knecht L. The Role of Subject/Non-Subject Distinction in Determining the Choice of relative clause Participle in Turkish // Harvard Studies in Syntax and Semantics, 1976, v.2, pp.45-56
323. Meshadiyeva A.E. On some specific non-finite forms of verbs in the Turkic languages // International Journal of Science and Research (IJSR) (ISSN (Online: 2319-7064), 2015, v.4, Issue 7, pp.500-505
324. Meshadiyeva A.E. On some future tense participles in modern Turkic languages // International Humanities Studies (ISSN 2311-7796 - online), 2016, v.3, No 1, pp.27-39
325. Meshadiyeva A.E. Participles in the Turkic languages and dialects // Researchers World – Journal of Arts, Science & Commerce (Online ISSN: 2229-4686, Print ISSN: 2231-4172, Impact Factor ((GIF): 0.685), 2016, v.7, issue 2, pp.39-47
326. Meshadiyeva A.E. The problem of knowledge of the non-finite forms of the verb in the Turkic languages // Terminologiya məsələləri, 2017, No 1, s.90-96
327. Nemeth J. Türkische Grammatik. Berlin: Göschen, 1916, 126 p.
328. Pröhle W. Karatschousches Wörterverzeichnis. Karatschaische Studien. Budapest: Keleti Szemle, 1990, 123 p.

329. Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. SPb.: L'Academie Imperiale des Sciences, 1895, 1034 p.
330. Radloff W. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stamme. II. Teil. Leipzig: Zentral-Antiquariat der Deutschen Demokratischen Republik, 1965, 720 p.
331. Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki: Studia Orientalia, 1957, 249 p.
332. Schulz P. Verbalnomina und Konverbien als adverbiale Ergänzungen im Altürkischen: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. Justus-Liebig-Universität Gie.en., Frankfurt, 1978, 245 s.
333. Азымов П., Байлыев Х., Чарыев М. Туркмен дили. Ашгабат: Магарыф, 1981, 256 с.
334. Аскарова М., Жуманиёзов Р. Узбек тилида равишдош ва сифатдошлар // Хозирги замон узбек тили курсидан материаллар, 1949, с.11-15
335. Батырмурзаев А.Н., Къуртмоллаев Э. Грамматика. Морфология. Симферополь: Акъмесджид, 1938, 145 с.
336. Жуманиёзов Р. Узбек тилида сифатдош // Тил ва Адабиет Институту асарлари, 1949, с.104-126
337. Ибрахимов Г. Татар сарфы. Казан: 1913, 71 с.
338. Туркмен дилинин диалектлеринин очерки, Ашгабат: 1970, 401 с.

***Источники, из которых почерпнут
иллюстративный материал***

- Зелили. Избранные стихи. Перевод Наума Гребнева. Ашхабад: «Туркменистан», 1981, 216 с.
- Кербабаев Б. Решающий шаг. Ашхабад: Издательство Туркменистан, 1976, 701 с.
- Магруппи. Юсуп-Ахмет. Ашхабад: Издательство Туркменистан, 1943, 237 с.
- Махмуд ал-Кашгари Диван Лугат ат Турк. Перевод, предисловие и комментарии З.А.Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005, 1288 с.
- Махтумкули. Избранные труды: в 2-х т. Т.2, Ашхабад: 1959, 214 с.
- Сейтеков Б. Гыз салгыды. Ашхабад: 1962, 248 с.
- Abu Hayyan. Kitab al-idrak li-lisan al-Atrak. (Çeviren: A.Caferoğlu). İstanbul: Evkaf Matbaası, 1931, 352 s.
- Arat R.R. Edib Ahmed B. Mahmud Yükneki, Atabetü'l-Hakayık. Ankara: TDK yayınları, 2006, 416 s.
- Derleme sözlüğü. 12 ciltte. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1965-1993, 1222 s.
- Et-tuhfetü`z-Zekiyye. (Çeviren: B. Atalay), İstanbul: TDK yayınları, 1945, 104 s.
- Faik S. Kayıp araniyor. İstanbul: Varlık yayınları, 1958, 77 s.
- Faik S. Sarnıç. İstanbul: Varlık yayınları, 1954, 108 s.
- XIII. Asırdan Günümüze Kadar Kitaplardan Toplanmış Tanıklariyle Tarama Sözlüğü, I, İstanbul: TDK, 1943, 872 s.
- İzbudak V.Ç. El-Idrak Haşiyesi, İstanbul: Devlet Basımı, 1936, 55 s.
- Karaosmanoğlu Y. K. Ankara. Bütün eserleri 10. İstanbul: İletişim Yayıncılık, 2004, 252 s.
- Kemal Y. İnce Memed. İstanbul: Çağlayan yayınevi, 1955, 351 s.

Kemal Y. Ağrıdağı efsanesi. İstanbul: Cem yayınevi, 1970, 130 s.

Kılıçoğlu V. Cerrahiye-i İlhaniye. Ankara: Ankara Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1956, 91 s.

Kilisli R., Çelebi V. Sultan Veled'in Divân-ı Türki'si. İstanbul, 1925, 105 s.

Mansuroğlu M. Sultan Veledin Türkçe manzumeleri: 3 ciltte, III c., İstanbul: İstanbul Üniversitesi, Edebiyat fakültesi yayınları, 1958, 85 s.

Söz Derleme Dergisi: Türkiyede Halk Ağzından: 3 ciltte, III c., İstanbul: Maarif Matbaası, 1939, 495 s.

Источники из интернета

<https://www.antoloji.com/mehmet-emin-yurdakul> // Yurdakul M.E. Cenge giderken, 1886

<http://shigriyat.ru/authors/tukai/131> // Тукай Г. «Туган тел»
www.turkuler.com // Aşık Mahzuni Şerif «Veysel Babam uyan bak»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Азерб. – азербайджанский
Аф. – аффикс
Башк. – башкирский
Вв. (в.) - век
Гаг. – гагаузский
Диал. - диалект
И др. – и другие
И т.д. – и так далее
И т.п. – и тому подобное
Каракалп. – каракалпакский
Казах. – казахский (язык)
Караим. – караимский
Карач.-балк. – карачаево-балкарский
Кирг. – киргизский
Кумык. – кумыкский
Л. - лицо
Ног. - ногайский
Посл. - пословица
Прин. - принадлежность
Салыр. - салырский
Совр. – современный
Ср. – сравним
Староанатолийск. - староанатолийский
Тат. – татарский
Т.е. – то есть
Тув. – тувинский
Тур. – турецкий
Туркм. – туркменский
Узб. – узбекский
Уйг. – уйгурский
Хакас. – хакасский

Човд. - човдарский

Чув. - чувашский

Яз. - язык

Якут. - якутский

РЕЗЮМЕ

Монография «*Грамматический статус и семантика причастий в тюркских языках*» посвящена системному анализу структурной организации, семантического содержания и морфолого-синтаксических функций причастий в современных тюркских языках и их диалектах в сравнительно-историческом аспекте.

Монография состоит из предисловия, введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

В предисловии освещается предмет изучения, языковой материал, используемые научные методы, определяется значение исследования в теоретическом и практическом плане.

В первой главе монографии именуемой «*Грамматический статус причастий в тюркском языкознании*» содержится определение категории причастия, конкретизация его грамматического статуса и места в системе неличных форм глагола в тюркских языках.

В данной главе также описываются основные понятия и термины причастий, и принципы их классификации в тюркских языках.

Вторая глава монографии под названием «*Структурно-семантические и морфолого-синтаксические особенности причастий в современных тюркских языках и их диалектах*» посвящена анализу структурно-семантической сущности, морфолого-синтаксических особенностей причастий в современных тюркских языках и их диалектах. Подробный сравнительный анализ каждой причастной формы дал возможность выявить как их сходие, так и дифференциальные морфолого-синтаксические признаки.

Во второй главе прослеживается ход исторического развития каждого причастия в современных тюркских языках и их диалектах. Здесь на конкретных примерах выявляется степень распространенности того или иного причастия. В данной главе тщательно изучаются гипотезы относительно этимологии причастных аффиксов тюркских языков.

Третья глава монографии, именуемая «*Нестандартные причастные формы в современных тюркских языках и их диалектах*» посвящена сравнительно-историческому анализу некоторых нестандартных причастных форм в современных тюркских языках и их диалектах.

В данной главе раскрывается происхождение нестандартных аффиксов причастий в отдельных тюркских языках. Здесь также прослеживается их генетическое родство с другими формами в современных тюркских языках.

Наряду с этим в третьей главе анализируются структурно-семантическая сущность и морфолого-синтаксические особенности нестандартных аффиксов причастий в отдельных тюркских языках.

В «*Заключении*» обобщаются выводы, полученные в результате исследования.

XÜLASƏ

“*Türk dillərində feili sifətlərin qrammatik statusu və semantikasi*” monoqrafiyası müasir türk dillərində və onların dialektlərində feili sifətlərin strukturunun, semantikasının və onun morfoloji-sintaktik funksiyalarının müqayisəli-tarixi aspektdə sistemli təhlilinə həsr olunmuşdur.

Monoqrafiya ön söz, giriş, üç fəsil, nəticə və istifadə olunmuş ədəbiyyat siyahısından ibarətdir.

Ön sözdə mövzunun öyrənilməsi, dil materialı, istifadə olunmuş elmi metodlar işıqlandırılır, tədqiqatın əhəmiyyəti nəzəri və praktiki planda müəyyənləşdirilir.

Monoqrafiyanın “*Türk dilçiliyində feili sifətlərin qrammatik statusu*” adlanan birinci fəslində feili sifət kateqoriyasının müəyyənləşdirilməsi, onun qrammatik statusunun konkretləşməsi və feilin şəxssiz formaları sistemində yeri göstərilir.

Həmin fəsildə türk dillərində feili sifətlərin əsas anlayışları, terminləri və onların təsnifat prinsipləri təhlil edilir.

Monoqrafiyanın “*Müasir türk dillərində və onların dialektlərində feili sifətlərin struktur-semantik və morfoloji-sintaktik xüsusiyyətləri*” adlı ikinci fəslə müasir türk dillərində və onların dialektlərində feili sifətlərin struktur-semantik mahiyyətinin və morfoloji-sintaktik əlamətlərinin təhlilinə həsr edilmişdir. Hər bir feili sifətin müfəssəl təhlili onların həm oxşar, həm də diferensial morfoloji-sintaktik xüsusiyyətlərinin aşkar edilməsinə imkan vermişdir.

İkinci fəsildə müasir türk dillərində və onların dialektlərində hər bir feili sifətin tarixi inkişaf gedişi izlənilir. Burada bu və ya başqa formanın yayılma dərəcəsi konkret misallarla müəyyənləşdirilir. Bununla yanaşı, bu fəsildə türk dillərində feili sifət şəkilçilərinin etimologiyası ətraflı öyrənilmişdir.

Monoqrafiyanın üçüncü fəsli “*Müasir türk dillərində və onların dialektlərində qeyri-standart feili sifət formaları*” adlanır. Bu fəsil müasir türk dillərində və onların dialektlərində qeyri-standart feili sifət formalarının müqayisəli-tarixi təhlilinə həsr olunmuşdur.

Bu fəsildə ayrı-ayrı türk dillərində feili sifətlərin qeyri-standart şəkilçilərinin mənşəyi təhlil edilir. Göstərilən fəsildə həmçinin müasir türk dillərində onların başqa formalarla genetik qohumluğu izlənilir.

Bununla yanaşı həmin fəsildə ayrı-ayrı türk dillərində feili sifətlərin qeyri-standart şəkilçilərinin struktur-semantik mahiyyəti və morfoloji-sintaktik xüsusiyyətləri təhlil edilir.

“*Nəticədə*” tədqiqat işində alınan nəticələr ümumiləşdirilir.

ABSTRACT

The monograph "*Grammatical status and semantics of participles in the Turkic languages*" is devoted to the systematic analysis of the structural organization of semantic content and morphological-syntactic functions of participles in modern Turkic languages and their dialects in comparative-historical aspect.

The monograph consists of Preface, introduction, three chapters, conclusion and list of used literature.

The Preface covers the subject of study, the language material, used scientific methods, and determines the value of research in theoretical and practical aspects.

In the first Chapter of a monograph entitled "*The grammatical status of participles in Turkic linguistics*" contains the definition of the category of participle, a specification of its grammatical status and place in the system of non-personal forms of the verb in the Turkic languages.

This Chapter also describes the basic concepts and terms of the participles, and the principles of their classification in the Turkic languages.

The second Chapter of the monograph entitled "*The structural-semantic and morphological-syntactic features of participles in modern Turkic languages and their dialects*" is devoted to the analysis of structural-semantic entity, morphological and syntactic features of the participles in the modern Turkic languages and their dialects. A detailed comparative analysis of each participial shapes gave an opportunity to identify their similar and differential morphological and syntactic features.

The second Chapter traces the historical development of each participle in the modern Turkic languages and their dialects. Here, the degree of prevalence of each participle is

revealed on concrete examples. This Chapter carefully examines hypotheses regarding the etymology of the participial affixes in the Turkic languages.

The third Chapter of the monograph entitled “*The non-standard participial forms in modern Turkic languages and their dialects*” focuses on a comparative-historical analysis of some non-standard participial forms in modern Turkic languages and their dialects.

This Chapter reveals the origin of non-standard participial affixes in the Turkic languages. Here also can be traced to their genetic relationship with other forms in modern Turkic languages.

Along with this, the third Chapter analyzes the structural-semantic entity, and morphological and syntactic features of non-standard participial affixes in the Turkic languages.

The “*Conclusion*” summarizes the main findings of the study and highlights the implications of the research for practice and future Turkological studies.

SOMMARIO

La monografia su “Lo status grammaticale e la semantica dell’uso del participio nelle lingue turche” è dedicata all’analisi sistematica sotto l’aspetto storico-comparativo della struttura, della semantica e delle funzioni morfosintattiche del participio nella lingue turche moderne.

La monografia è composta da una premessa, tre capitoli, una conclusione e una bibliografia.

Nella premessa viene evidenziato lo studio dell’argomento di studio, il materiale linguistico, i metodi scientifici usati e viene definito l’importanza teorica e pratica della ricerca.

Nel primo capitolo denominato “Lo status grammaticale del participio nella linguistica turca” viene indicato la definizione della categoria del participio, la concretizzazione del suo status e il suo collocamento nel sistema verbale impersonale.

In questo capitolo vengono analizzati i concetti principali, i termini e i principi della classificazione del participio.

Il secondo capitolo della monografia denominata “Le caratteristiche morfosintattiche e semantica-strutturali del participio nelle lingue turche moderne e nei suoi dialetti” è per l’appunto dedicata all’analisi delle caratteristiche morfosintattiche e della natura semantica-strutturale dell’uso del participio nelle lingue turche moderne e nei suoi dialetti. La ricerca dettagliata di ogni genere di participio ha permesso di individuare le loro caratteristiche morfosintattiche sia per quanto riguarda quelle uguali che per quelle distintive.

Nel secondo capitolo viene osservato lo sviluppo storico di ogni participio nelle lingue turche moderne e nei suoi dialetti. La diffusione di ogni forma viene definita con

esempi concreti. Inoltre in questo capitolo viene studiata l'etimologia degli affissi nelle lingue turche.

Il terzo capitolo della monografia si chiama “Le forme non-standart del participio nelle lingue turche moderne e nei suoi dialetti”. Questo capitolo è dedicato dunque all'analisi storico-comparativa delle forme non-standard del participio nelle lingue turche moderne e nei suoi dialetti.

Nel suddetto capitolo è analizzato l'origine degli affissi non-standard del participio nelle diverse lingue turche. Viene osservato anche in questo capitolo il loro rapporto di parentela con altre forme nelle lingue turche. Inoltre viene analizzata la natura semantica-strutturale e morfosintattica degli affissi non-standard del participio nelle diverse lingue turche moderne.

Nella “Conclusione” sono riepilogati i risultati ottenuti dalla ricerca.

RÉSUMÉ

La monographie intitulée “*le statut grammatical et la sémantique des adjectifs verbaux dans les langues turques*” est consacrée à l’analyse fonctionnelle dans la perspective comparative et historique de la structure, sémantique et ses fonctions morphologique et syntaxique dans les langues turques modernes et dans leur dialectes.

La monographie comprend l’avant-propos, introduction, trois chapitres; la conclusion et une liste de littérature utilisée.

Dans la préface, le niveau d’étude du sujet, matériel de la langue, les méthodes scientifiques utilisées sont mentionnées et l’accent et l’importance de la recherche est déterminée dans la perspective théorique et pratique.

Le premier chapitre de la recherche intitulé “*statut grammatical des adjectifs verbaux à la linguistique turque*” détermine la catégorie de l’adjectif verbal et concrétise son statut grammatical, ainsi qu’on indique sa place au système des formes de verbes impersonnels.

Le même chapitre analyse les concepts clés de l’adjectif verbal dans les langues turques, leurs termes et principes de leur classement.

Le deuxième chapitre de la monographie intitulé “*propriétés structure-sémantiques et morphologiques et syntaxiques de l’adjectif verbal dans les langues turques et dans leurs dialectes*” est consacré à l’analyse de l’essence structurale et sémantique et morphologique et syntaxique. L’analyse détaillée de chaque adjectif verbal nous a donné l’occasion de détecter en même temps leurs caractéristiques similaires et différentielles au point de vue de l’analyse morphologique et sémantique.

Le deuxième chapitre suit le cours du développement de chaque adjectif verbal dans les langues turques modernes et dans leurs dialectes. Dans ce chapitre nous déterminons le niveau de prévalence de n'importe quelle forme sur la base des exemples spécifiques. En outre, dans ce chapitre on a étudié en détail l'étymologie de suffixes des adjectifs verbaux dans les langues turques.

Le troisième chapitre de la monographie intitulé "*formes d'adjectifs verbaux non standard*" est consacré à l'analyse comparative et historique des formes de l'adjectif verbal non-standard dans les langues turques modernes et dans leur dialectes.

Ce chapitre analyse aussi l'origine des suffixes non-standard des adjectifs verbaux dans les langues turques analysée séparément. Dans ce chapitre on étudie leur parenté génétique dans les langues turques modernes avec les autres formes.

En outre, on analyse dans ce chapitre l'essence structurale-sémantique et caractéristiques morphologique et syntaxiques des suffixes non-standard des adjectifs verbaux.

La conclusion résume les résultats obtenus au cours de la recherche.

ÜBERSICHT

Monographie über das Thema „Grammatischer Status und Semantik der Partizipien in den türkischen Sprachen“ ist der systematischen Analyse der Strukturen der Partizipien in den modernen türkischen Sprachen und ihren Dialekten im vergleichenden historischen Aspekt gewidmet worden.

Monographie besteht aus Vorwort, Einführung, drei Kapiteln, Zusammenfassung und Literaturverzeichnis.

Im Vorwort handelt sich um die Studie des Themas, Sprachmaterialien, wissenschaftlich Methoden, Feststellung der Forschung im theoretischen und praktischen Plan.

Im ersten Kapitel „Grammatischer Status der Partizipien in der türkischen Sprachwissenschaft“ wird die Feststellung der Kategorie des Partizips, Konkretisierung des grammatischen Status und die Stellung des Verbs im System ohne Personen beinhaltet.

In diesem Kapitel werden die Hauptbegriffe des Partizips, Termine und ihre Definition in den türkischen Sprachen analysiert.

Im zweiten Kapitel „Struktur-Semantik und morphologisch-syntaktische Eigenschaften in den modernen türkischen Sprachen und ihren Dialekten“ werden die Struktur und Semantikbedeutung und morphologisch-syntaktische Merkmale der Partizipien analysiert. Eingehende Analyse jedes Partizips konnte gleiche und differentielle morphologisch-syntaktische Eigenschaften jedes Partizips nachweisen.

Im zweiten Kapitel wird historische Entwicklung jedes Partizips in den modernen türkischen Sprachen und ihren Dialekten dargestellt. In diesem Kapitel wird die Verbreitung einer oder anderen Form mit den konkreten Beispielen angeführt. Darüber hinaus wird die Etymologie der Endungen der Partizipien in den türkischen Sprachen ausführlich studiert.

Drittes Kapitel der Monographie wird „abweichende Partizipien formen in den modernen türkischen Sprachen und in ihren Dialekten“ bezeichnet. Dieses Kapitel ist der vergleichenden historischen Analyse der abweichenden Partizipien formen in den modernen türkischen Sprachen und in ihren Dialekten gewidmet.

In diesem Kapitel wird die Herkunft der abweichenden Endungen der Partizipien in den einzelnen türkischen Sprachen analysiert. In diesem Kapitel wird auch genetische Verwandtschaft ihrer Formen in den modernen türkischen Sprachen im genannten Kapitel dargestellt.

Des Weiteren werden die Struktur-Semantik-Bedeutung der Partizipien und morphologisch-syntaktische Eigenschaften der Partizipien in den einzelnen türkischen Sprachen analysiert.

In der Zusammenfassung werden alle erreichten Ergebnisse zusammengefasst.

RESUMEN

La monografía “*El estado gramático y semántico de los participios en las lenguas turcas*” está dedicada al análisis sistemático de la estructura, semántica y sus funciones morfológico – sintácticas desde el aspecto comparativo – histórico.

La monografía se compone del prefacio, introducción, tres capítulos, conclusión y de la lista de la literatura usada.

En el prefacio se ilumina el estudio del tema, el material del lenguaje, los métodos científicos elaborados, y se determina el significado del estudio en la esfera teórica y práctica.

El primer capítulo de la monografía llamada “ *El estado gramático de los participios en la lingüística turca*” contiene la determinación de la categoría del participio, la concretización de su estado gramático y el lugar del verbo en el sistema de las formas impersonales.

En este capítulo se analizan las nociones principales, términos y los principios de clasificación de los participios en las lenguas turcas.

El capítulo segundo de la monografía nombrado como “*Las características semántico – estructurales y morfológico – sintácticas de los participios en las lenguas modernas turcas y en sus dialectos*” está dedicado al análisis de la esencia semántico – estructural y las propiedades morfológico – sintácticas de los participios en las lenguas modernas turcas y en sus dialectos. El análisis perfecto de cada forma del gerundio concedió la oportunidad para revelar su carácter morfológico - sintáctico de ser semejante y diferencial.

En el capítulo segundo se sigue el curso del progreso histórico de cada forma del participio en las lenguas modernas turcas y en sus dialectos. En el cuerpo de los ejemplos concretos se define el grado del empleo de unas u otras formas y asimismo, aquí

fue explorado detalladamente la etimología de los sufijos del participio en las lenguas turcas.

El tercer capítulo de la monografía tiene el título "*Las formas no estándares del participio en las lenguas modernas turcas y en sus dialectos*". Este capítulo se dedica al análisis comparativo - histórico de las formas no estándares del participio en las lenguas modernas turcas y en sus dialectos.

En el capítulo presentado se revela el origen de los sufijos no estándares del participio en diferentes lenguas turcas. Del mismo se observa su relación genética con otras formas de las lenguas modernas turcas.

Paralelo a esto, en el capítulo estudiado se analizan la esencia semántico - estructural y las características morfológico - sintácticas de los sufijos no estándares del participio en diferentes lenguas turcas.

En la conclusión se generalizan los resúmenes adquiridos en el trabajo de la investigación.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рецензия	3
Введение	8
Глава I	
Грамматический статус причастий в тюркском языкознании.....	16
Глава II	
Структурно-семантические и морфолого-синтаксические особенности причастий в современных тюркских языках и их диалектах	26
Глава III	
Нестандартные причастные формы в современных тюрк- ских языках и их диалектах	148
Заключение.....	171
Список использованной литературы.....	183
Источники, из которых почерпнут иллюстративный материал.....	216
Сокращения	218
Резюме	220
Xülasə	222
Abstract.....	224
Sommario.....	226
Résumé.....	228
Übersicht.....	230
Resumen.....	232

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА

**ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС И СЕМАНТИКА
ПРИЧАСТИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

AYNEL MƏŞƏDİYEVƏ

**TÜRK DİLLƏRİNDƏ FEİLİ SİFƏTLƏRİN
QRAMMATİK STATUSU VƏ SEMANTİKASI**

AYNEL MESHADIYEVA

**GRAMMATICAL STATUS AND SEMANTICS OF
PARTICIPLES IN THE TURKIC LANGUAGES**

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА

**ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС И СЕМАНТИКА
ПРИЧАСТИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

Дизайнер: Рамиз Абилов

*Издательство «Шуша», AZ1073, Баку,
пр. Метбуат 529-й квартал, 3-й этаж, тел.: 438-11-36*

*Сдано в набор: 15.03.2017
Подписано к печати: 09.05.2017
Формат 60x84 1/16. Объём 15,5 п.л.
Тираж: 500*

Типография «Red N Line» ООО